

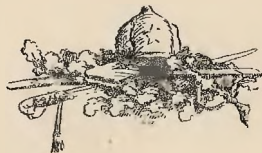
САНТИМЕНТАЛИЗМЪ

Н. КОНДРАТЬЕВ

ЯН ФАБРИЦИУС

БИОГРАФИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК

ЛАТВИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
РИГА
1954

БОЕВОМУ ТОВАРИЦУ И СОРАТНИКУ

Гибель тов. Фабрицуса являлась тяжелой утратой для Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Тов. Фабрицус был одним из немногих красных командиров, счастливо сочетавший в себе недюжинные качества командира со старо-большевистской закалкой.

Истинный большевик-ленинец, он отдал себя всего своей родной Красной Армии, в рядах которой честно бился за дело пролетариата.

Республика отметила заслуги покойного высшей пролетарской наградой — орденами Красного Знамени, четыре знака коего украшают его грудь. Но мы знаем, что героизм и безраздельное служение делу пролетариата были сущностью жизни тов. Фабрицуса, а лучшей наградой себе он считал счастье, выпавшее на его долю, — жить и бороться за великое дело пролетариата — социализм.

Несчастный случай вырвал из наших рядов этого незаурядного человека и пролетарского бойца и командира. Образовавшуюся брешь необходимо заполнить и она будет заполнена молодыми пролетарскими революционерами-командирами, которым необходимо учиться и научиться обязательно жить, бороться за наше дело так, как жил и боролся наш верный друг и соратник тов. Фабрицус.

Мир праху твоему, товарищ.

К. Ворошилов¹

¹ Газета «Заря Востока» № 201/2169, от 3 сент. 1929 г.

НАЧАЛО БИОГРАФИИ

Латвия, Курляндская губерния, Виндавский уезд, мыза Злекас — так будет заполнять графу «место рождения» в своих анкетах герой этой книги, старый большевик-подпольщик, прославленный полководец гражданской войны, первый кавалер четырех орденов боевого Красного Знамени, член ЦКК ВКП(б) и кандидат в члены ЦИК Союза ССР, Ян Фрицевич Фабрициус.

Мыза Злекас — имение немецкого помещика Фрица фон Бера, отпрыска старинного баронского рода. Над крыльцом просторного белого замка барона Бера — аляповатый фамильный герб: тучный медведь держит в лапах земной шар. Под ним девиз его предков — средневековых псов-рыцарей, с огнем и мечом вломившихся в Прибалтику: «Сильные побеждают и властвуют».

В своем поместье барон Бер всемогущий властелин. Ему принадлежит все, что растет на полях и лугах, все, что живет в рощах и лесах, в озерах и реках. У него под рукой свой пастор и свой учитель. В

губернском ландтаге «голубой барон» Бер занимает самое видное место.

Вокруг имени барона ютятся беднота. Из сотни крестьян семьдесят пять совершенно не имеют земли. Вот почему барон так низко ценит рабочие руки — за 18 копеек гнет батрак свою спину от утренней до вечерней зари.

В хозяйстве барона Бера работают батраки. За троих трудится рослый, широкоплечий, плотный как дуб Фриц Фабрициус. Он живет на хуторе Ванкстрейбей, в лесной избенке, которую соседи с горькой усмешкой называют будкой. К ней не проложена дорога, потому что у Фабрициуса нет ни лошади, ни коровы, но хорошо утопанные тропинки ведут со всех сторон к домику батрака. Жена Фабрициуса, Грета, славится на весь Виндавский (Вентспилский) уезд своим умением останавливать кровь и лечить от всех болезней.

В маленькой комнатке, пропахшей лекарственными травами, 26 июня 1877 года Грета Фабрициус родила сына. Его назвали Яном.

Это был пятый ребенок в семье. Жили впроголодь. Старшие дети Керста, Фридрих и Ева работали у крестьян-арендаторов.

Ян с малых лет познал, как тяжела и безрадостна батрацкая доля, перетерпел немало лишений и унижений. Кругом, куда ни глянешь, зеленеют леса и луга. Летом — растет много ягод и грибов, в полноводной Венте плещется непуганая рыба, но трогать ничего нельзя — все это принадлежит барону Беру.

Ян рос быстро. В шесть лет он выглядел как десятилетний.

Однажды мальчик бежал по дороге за летящим голубем, не заметил идущего навстречу барона Бера

Родители Я. Ф. Фабрициуса — мать Грета и отец Фриц Фабрициус. Крайняя справа — сестра Ева. Стоит дочь сестры — Мильда. (Город Вентспилс, 1922 г.)

и не остановился, чтобы поцеловать ему руку. Разъяренный помещик иаотмашь ударил хлыстом по запрокинутому, обращенному к небу лицу мальчика, и тот упал на дорогу. На рассеченной щеке выступила кровь...

Пройдут годы, но никогда не забудет Ян Фабрициус тяжелый хлыст барона Фрица фон Бера.

Родители любили не по годам смышленного и сильного мальчика. Он с увлечением помогал матери по хозяйству, носил воду, ходил в соседнюю рощу за хворостом, ловко избегая встречи с обходчиком. Длинными зимними вечерами мать рассказывала сыну сказки и легенды, в которых добро всегда торжествовало над злом, и батрак оказывался куда умнее помещика. От матери Ян впервые услышал о том, что пятнадцать лет тому назад батраки чуть было не прикончили брата барона Бера, владельца имения Эдоле, и о том, как совсем недавно по распоряжению курляндского губернатора фон Лилиенфельда были вывезены на поселение в Новгородскую губернию полторы сотни бунтовщиков из соседних Зурских хуторов. Неугомонная и веселая по душевному складу, хохотунья и песенница, Грета Фабрициус сама сочиняла песни. От матери перенял Ян неиссякаемую жизнерадостность, огромную любознательность, страстную любовь к природе, у нее научился уважать простой, трудовой люд.

Отец Яна славился огромной физической силой. О нем в шутку говорили, что он может поднять на плечи и унести быка. В его больших, темных от мозолей и ссадин руках спорилась любая работа. Придавленный тяжелым трудом, живущий в постоянной заботе о хлебе насущном, Фриц Фабрициус уже в тридцать лет стал угрюмым, неразговорчивым, но

неистовым в гневе. В праздничные дни, бывало, управляющий именем посылал силача Фабрициуса усмирять дерущихся в корчме пьяных хуторян. Его побаивались и не любили. Очевидно, все это учел управляющий, назначая Фрица Фабрициуса лесным обходчиком. Это решило и дальнейшую судьбу Яна.

От отца Ян унаследовал непоколебимое упорство, исключительное трудолюбие, богатырскую силу, выдержку и спокойствие в несчастье и беде.

Весной 1885 года семья Фабрициуса переехала в Злекас-Стенде и поселилась в лесной глуши на хуторе Казраги. В том же году лесник купил сыну новый костюм, ботинки, учебники и тетради. Положил перед своим любимцем и строго сказал:

— Береги костюм, Ян. Он дорого нам обошелся. Осенью я отвезу тебя в Виндаву (Вентспилс). Будешь хорошо учиться, годика через четыре поедешь в Ригу, в гимназию. Станешь грамотным, получишь хорошую должность, нам поможешь на старости лет...

Ошеломленный мальчик даже и не знал, что сказать отцу. Нежданно-негаданно исполнялась самая заветная его мечта. Он поедет в большой город, увидит так много нового, интересного. Сердце переполнено радостью и гордостью. Впервые в жизни у него новый костюм, а не обноски отца или брата, новые ботинки, а главное — так много чудесных книг.

Родительский наказ глубоко запал в сердце Яна. В школе он учился с похвальным усердием и неуемной жадной знания. В свободное от занятий время Ян с увлечением читал книги, выпрашивая их у знакомых отца и сестры Евы, которая жила в Виндаве, у сверстников и учителя русского языка. В эту пору он полюбил произведения великих русских писателей-классиков — Пушкина, Лермонтова, Гоголя...

Любознательный, трудолюбивый, упорный Ян Фабрициус окончил Виндавское (Вентспилское) городское училище с отличием. Его отец сдержал слово и, несмотря на все трудности, осенью 1889 года отправил сына в Рижскую Александровскую гимназию.

Учиться стало значительно труднее. Наряду с русским языком, математикой, физикой, географией, историей, нужно было особенно усердно изучать французский и латинский языки. Большое место в учебной программе занимал закон божий.

Священник Королев, пастор Краузе, ксендз Табенский внимательно следили за духовным развитием своих воспитанников и, оберегая от проникновения крамольной литературы, всячески рекомендовали благочестивое чтение, вроде журнала «Радость христианина». Однако Яна Фабрициуса и многих его товарищей интересовала явно безбожная литература.

В то время в Риге, как и в других городах Латвии, стали возникать научно-литературные кружки учащейся молодежи, сыгравшие важную роль в распространении русской социал-демократической литературы, произведений революционных демократов Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина. Такой кружок существовал и при Рижской Александровской гимназии. Ян Фабрициус принимал в нем активное участие.

В кружке широко обсуждались материалы, печатающиеся в прогрессивной газете того времени «Дневнас Лапа» («Ежедневный листок»).

Редактируемая выдающимися сынами латышского народа — Петром Стучка и Яном Райнисом — газета «Дневнас Лапа» уделяла большое внимание вопросам рабочего движения, пропаганде идей классовой борьбы и критике буржуазных националистов. В литературных

приложениях газеты, впервые на латышском языке, печатались произведения передовых русских и западноевропейских писателей. На дискуссионных вечерах гимназисты горячо и взволнованно обсуждали острые критические статьи и фельетоны «Диенас Лапа», посвященные новому реалистическому направлению в литературе.

Ян Фабрициус регулярно читал «Диенас Лапа», и она оказала большое влияние на формирование мировоззрения юноши-гимназиста.

... В 1891 году в южных районах Российской империи разразился голод. В отдельных губерниях свирепствовали чума и холера.

Этот год был неурожайным, тяжелым и для Латвии. Бедственное положение трудового народа усугублялось массовым вывозом продовольствия за границу. В портовых городах скупщики, нанятые богатыми купцами, задерживали крестьян в предместьях и скупали у них оптом все привезенные на рынок продукты.

Недовольство голодающего населения выливалось в бунты, в столкновения с полицией. Славной, боевой страницей рабочего движения в Латвии является «картофельный бунт» в Виндаве (Вентспилсе). Юноша Фабрициус был одним из активных участников этого бунта.

События в Виндаве развивались стремительно и бурно. Утром 5 октября к начальнику уездного полицейского управления Силенко явилась делегация грузчиков и от имени рабочих Виндавы заявила, что следует прекратить погрузку картофеля на иностранные пароходы, так как вывоз продуктов за границу породит в Курляндии такой же голод, какой свирепствует в южных губерниях России.

Силенко вспыхнул:

— Что за тон? Ваши требования незаконны. Губернатор не запрещает купцам торговать картофелем с иностранными фирмами. Кому хотят, тому и продают. Ступайте!

Грузчики переглянулись и молча ушли.

В тот же день вечером портовые рабочие Звингуль, Адитайс, Педе, братья Буш и друживший с ними Фабрициус обошли портовые баракы и убедили грузчиков в том, что надо отказаться грузить на пароходы картофеля.

В понедельник 7-го октября у амбара купца первой гильдии Малера собрались рабочие, ремесленники, рыбаки. К работе никто не приступал. Нанятых для погрузки картофеля штрейкбрехеров разогнали. Перепуганный купец послал приказчика за полицейским приставом Гюнтером.

Выслушав сбивчивый рассказ посыльного, Гюнтер заявил:

— Передайте хозяину, что мы сейчас наведем полный порядок.

Захватив с собою дюжину городских, пристав направился к амбарам купца.

Увидев «чертову дюжину» (так называли в Виндаве Гюнтера и его ретивых помощников), рабочие заволновались, но не тронулись с места.

Гюнтер, придерживая шашку, осмотрел толпу, поднялся на носки и дрожащим от злости голосом произнес:

— Ваши действия наказуемы законом. Препятствующую погрузку я вынужден буду арестовать.

Фабрициус, стоявший в первом ряду, невольно вздрогнул, когда увидел Звингуля и Адитайса, шагаю-

щих к приставу. Лица их были бледными, пальцы судорожно сжаты в кулаки.

— Всех не арестуете, — громко сказал Звингуль. — Сегодня на пристань вышло полтора человека, завтра придет вдвое больше. Вы хотите уморить нас голодом. Не выйдет!

— Не выйдет! — раздался голоса из толпы.

Яков Адитайс взглянул на рабочих, стягавших плотной стеной, и звонким голосом произнес:

— Мы сильны одной волей, одним желанием спасти наши семьи от голода. — В этом амбаре лежит картошка купца второй гильдии Зеба. Сам он не имеет права торговать с немцами и англичанами и пользуется услугами Малера. Полиция прикрывает жуликов...

Пристав Гюнтер медленно обошел толпу, всматриваясь в хмурые, бледные лица. Потом снова привстал на носки и приказал:

— Предлагаю всем покинуть пристань. Бунтовщики будут строго наказаны.

Собравшиеся на пристани сдвинулись еще плотнее. Осмелев, Фабрициус крикнул:

— Убирайтесь сами, пока в Венте не выкували...

Кругом зашумели. Гюнтер осмотрелся и, положив руку на кобуру револьвера, стал медленно пятиться к амбару. Услышав докот копыт, остановился. На пристань пожаловал сам уездный начальник. Вот он успокоил фыркающую лошадь, выпрямился в седле и стал пугать собравшихся, что их поступки повлекут за собой пагубные последствия.

Решив, что его речь оказала должное воздействие на толпу, Силенко распорядился приступить к погрузке. Из амбара с мешками на плечах вышли приказчики и работники купца Малера.

По толпе пробежал ропот, и она, словно по команде, двинулась к амбару. На мостки, перекинутые с пристани на пароход, вскочил Яков Адитайс. Он не успел перехватить первого «грузчика», но второму преградил дорогу. С минуту они стояли друг против друга, тяжело дыша, потом Адитайс крикнул:

— Звингуль! Чего мы ждем, — и толкнул приказчика с мостков. Мешок грузно упал на землю.

— Взять его! — распорядился Силенко, и городовые схватили Адитайса, завернули ему руки за спину.

В ту же минуту толпа надвинулась на городских и освободила арестованного. На пристань со всех концов стекались люди. Уездному начальнику стало не по себе. Он торопливо шелнул Гюнтеру:

— Уведите своих людей. Сомнут. — И, выпрямившись, прокричал:

— Прекратить погрузку!

Тяжелые ворота амбара захлопнулись.

Силенко тронул шпорами коня и усакал в город. Следом за ним двинулась «чертова дюжина».

На мешок картофеля вскочил Адольф Альберг, бывший младший военный фельдшер, и проникновенно, горячо произнес:

— Товарищи! Мы одержали первую победу. Завтра будем твердо стоять на своем и не допустим погрузки картофеля. Один за всех и все за одного. Не бойтесь угроз полиции. Наше дело правое. Если придется, то возьмемся и за ножи, но настоян на своем. А сейчас — по домам...

... На следующий день, рано утром, в полицейское управление на допрос были вызваны Петр Звингуль, Яков Адитайс, Ивай Тете, Анс Апше, Яков Педе, Адольф Альберг.

Ян Фабрицус совместно с Фрицем Венграмом и Яковом Андерсоном разнесли эту весть по всему городу. Рабочие, ремесленники, крестьяне собрались у полицейского управления и стали требовать освобождения своих товарищей.

Перепуганный уездный начальник Силенко вышел на крыльцо и, заикаясь, стал убеждать толпу, что вывоз картофеля за границу не запрещен. Препятствующие погрузке будут арестованы и преданы суду.

Поднялся свист, раздались смех и крики, так что Силенко был вынужден срочно вызвать на помощь православного священника Алякринского, известного своим красноречием. Тот оказался хитрее и дальновиднее уездного начальника и прежде всего заверил собравшихся, что все спорные вопросы будут разрешены мирным путем и вызванные на допрос зачинщики бунта через полчаса вернутся домой. Толпа притихла и многие собирались уже уходить, когда на крыльцо вновь вышел Силенко и, не скрывая злорадства, зачитал телеграмму курляндского губернатора. В ней говорилось, что требования населения Виндавы беспредметны и что должны быть приняты самые строгие меры к прекращению беспорядков.

— Освободите наших товарищей! — крикнул Фабрицус.

— Беспорядки чинит полиция! Малер и Зеба — жулики! У нас дети пухнут с голоду! — слышались возмущенные гневные голоса.

Напрасно Силенко размахивал телеграммой и призывал к порядку, его никто не слушал.

Полиция вынуждена была немедленно освободить Петра Звингуля и его товарищей.

Рабочие разошлись.

В среду, 9 октября, на рассвете, Фабрицус вместе

с братьями Буш пришли на пристань. У амбара купца Малера толпились женщины с младенцами на руках, о чем-то спорили грузчики, робко шептались крестьяне с пригородных хуторов. С борта большого парохода удивленно глазели на растущую с каждой минутой толпу иностранных моряки.

В восьмом часу утра на пристань прибыла «чертова дюжина». По тому, как ретиво пристав Гюнтер размахивал револьвером и, покрикивая, ободрял своих подчиненных, собравшиеся решили, что сегодня будут приняты все меры, чтобы выполнить телеграфное приказание курляндского губернатора.

Фабрицус протолкался к Петру Звингулю и спросил его:

— А что, если «чертова дюжина» применит оружие?

— Потопим в Венте! — твердо произнес Звингуль. — Мы сильнее. Сегодня пришли батраки из Злекаса, Угале, Вец-Пильтен. Завтра весь уезд соберется на пристани.

— Звингуль, смотри в оба! Силенко привел солдат, — крикнул Адтайтс.

Фабрицус тоже взглянул на дорогу и невольно улыбнулся. Уездный начальник, высоко подпрыгивая в седле и размахивая руками, торопил медленно шагающих с винтовками наперевес солдат из местных воинской и пограничной команд. За ними плелся экипаж военного судна «Артельцик».

Люди на пристани сгрудились теснее, зашумели, гулким рокотом прокатилось:

— Не дадим грузить! Не дадим!

Силенко осадил вороного. Коренастые, сильные солдаты с криком: «А ну, разойдись! Осади, осади назад!» прикладами стали расталкивать людей. Воз-

буждение росло, и все на пристани поняли, что наступила решающая минута — кто-то должен отступить.

От амбара до корабля образовался проход шириною в три аршина. По нему пробежали два оборванца и перебросили мостки с берега на судно. Приказчик купца Малера распахнул взвизгнувшие ворота амбара. В ту же минуту Звингуль, Адитайс, Апше, Дакштейн, Венграм и другие рабочие прорвали жидкую цепь солдат и под одобрительный гул собравшихся столкнули мостки в воду.

Пристав Гюнтер, багровея от ярости, приказал:

— Взять их, взять!

Фабрициус почувствовал, как сильная, тяжелая рука вцепилась в воротник его гимназической куртки и потащила к амбару. Не раздумывая, он ударил головой в пухлый живот полицейского, и тот, охнув, осел на землю. И сразу же Фабрициус услышал гулкий голос Яна Сколмейстера:

— Вместо картошки погрузим в трюм жуликов. Пусть их везут за границу...

Фабрициус видел, как Яков Андерсон подставил ногу полицейскому Крюгеру и тот, падая, отпустил Звингуля. Словно невзначай, Сколмейстер ударил полицейского Рейнеке по затылку, и тот, пробежав несколько шагов, ткнулся в ноги приставу Гюнтеру.

Все арестованные были освобождены.

Силенко, сознавая свое бессилие и опасаясь народного гнева, распустил свое «войско» и прекратил погрузку картофеля.

Ночью в полицию были вызваны одиннадцать участников бунта. Дознание пристав Гюнтер вел скрытно, на своей квартире. Но все же в городе узнали об этом. Утром его дом со всех сторон был окружен

рабочими. Они не разошлись до тех пор, пока не был отпущен последний из задержанных — Анс Апше.

В тот же день из Либавы (Лиепай) прибыл полицеймейстер фон Вилькенс. Сам губернатор срочно послал его в Виндаву для прекращения беспорядков. Вместе с фон Вилькенсом прибыло сорок либавских городовых.

Полицеймейстер весь день уговаривал делегацию от рабочих, а вечером передал купцу Малеру благосклонное разрешение на погрузку картофеля.

В пятницу, 11 октября, рано утром полицейские, солдаты и матросы оцепили пристань.

В городе тревожно и зычно загудели гудки, созывая народ в порт. Рабочие, грузчики, ремесленники, рыбаки заполнили набережную Венты. Пришли батраки и малоземельные крестьяне.

Тревожный гул катился по пристани, и городские испуганно озирались по сторонам, то и дело посматривая на дорогу. Они ждали фон Вилькенса. Он приехал вместе с Силенко.

По сигналу полицеймейстера новые прочные мостки были перекинуты с берега на пароход. Из амбара с тяжелым мешком на плечах вышел штрейкбрехер. Рабочие двинулись вперед и, прорвав цепь городовых, заполнили пристань у парохода.

Фон Вилькенс обратился к народу с речью. Когда он стал говорить о карающей деснице закона, Звингуль крикнул, глядя в упор на полицеймейстера:

— Поболтали и хватит! Мы не допустим вывоза картофеля за границу!

Затем, повернувшись к товарищам, горячо произнес:

— Друзья! Не поддавайтесь угрозам полиции! Мы беремся за справедливое дело. Нас поддержит весь грузовой народ.

Стоявший рядом с Звингулем Яков Педе смело заявил полицмейстеру:

— Барон фон Вилькенс! Видно, вы служите не России, а Германии, если так заботитесь о барышах прусских купцов.

Фон Вилькенс с силой толкнул Педе к жандарму Юяну. Тот с привычным усердием грубо отвел его руки за спину. Педе же сдержал болезненный крик.

— Бей гадов! — прокатилось по пристани. Десятки рук схватили Юяна, подыли и шварнули на мостовую. Городовой Гаучис бросился к Юяну, но на пути его поймал за шашку Звингуль и опрокинул на землю. Полицейский выхватил револьвер, но выстрелить не успел — грузчик Петр Чугонов наотмашь ударил его по багровой, искаженной страхом физиономии. Другого городского, пытавшегося обнажить шашку, Фабрициус ударил с такой силой, что страж порядка охнул и, махая руками, повалился навзничь. Тольстого, неповоротливого либавского городского Кузмирко, с револьвером в руках расчищавшего площадку у амбара, обезоружили и поволокли к Венте.

Старшего полицейского Сорочинского женщины сбили с ног и сорвали с плеч погони. Городового Ринде, пытавшегося выручить своего непосредственного начальника, оглушили кирпичом и выкупали в Венте.

Избитые, обезоруженные, полицейские позорно бежали с пристани.

Фабрициус долго бродил по площадке у амбара. Вот она, победа. Трудовой люд Виндавы сумел постоять за себя. Пароходы уходят, не наполнив вместительные трюмы. Виндава ликует. Да и не только Виндава. По всей Курляндской губернии, по всей стране пролетит весть о картофельном бунте, вдох-

новляя обездоленных и угнетенных на борьбу. На этой площадке рабочие впервые стояли плечом к плечу с батраками из поместий видавских баронов. В единстве — сила, в единстве — залог освобождения...

... Спустя месяц Фабрициус прочел в газете «Курляндские ведомости» сообщение о картофельном бунте. В нем губернатор вынужден был официально признать, что мерами полиции восстановить порядок не удалось и пришлось «просить военного начальство о присылке в город Виндаву для подавления этого беспорядка вооруженные силы».

Либавский полицмейстер фон Вилькенс не оправдал надежд. Управляющий губернией срочно выехал в Виндаву. Вместе с ним в город прибыл полк казаков.

В сообщении указывалось, что только «по вступлении 18-го октября войска и прибытии управляющего губернией в Виндаву, толпа, дежурившая до того времени на пристани, разошлась... С этих пор тишина и порядок никем нарушаемы не были. К судебной ответственности по сему делу привлечено около 30 лиц... Управляющий губерниею пробыл в Виндаве четыре дня и, сделав распоряжение об оставлении там до окончания следствия двух сотен казаков, 23 октября возвратился в Митаву» (Елгава)¹.

Картофельный бунт в Виндаве был подавлен казачьи шашками и нагайками. В Определении С.-Петербургской судебной палаты по Уголовному Департаменту от 19 декабря 1891 года отмечалось:

«... Судебная палата находит обнаруженным предвзятельным следствием данные, достаточные для обвинения... Петра Звингуля, Якова Аднтайса, Ивана Тете, Анса Апше, Фрица Венграма, Яна Дакштейна,

¹ Газета «Курляндские ведомости» № 90, за 13 ноября, 1891 г.

Адольфа Альберга, Яна Сколмейстера, Якова Андерсона, Якова Педе и Якова Карклина в том, что, согласившись препятствовать нагрузке в г. Виindaве на суда из амбаров купца Малера предназначенного к вывозу за границу картофеля, они 7, 9 и 11 октября 1891 года оказали явное сопротивление распоряжениям полицейской власти о прекращении беспорядка и беспрепятствию погрузки картофеля, причем дозволили себе насильственные действия против нижних полицейских чинов»¹.

Судебная палата предала руководителей бунта Либавскому окружному суду, обвинив их в преступлениях, предусмотренных статьями 271 Уложения о наказаниях. Волнения, вспыхнувшие в Виindaве, Либаве и Митаве, заставили судей вынести сравнительно «мягкий приговор главарям бунта». Только Петр Звингуль и Яков Адитайс были осуждены на полтора года заключения каждый, а остальные брошены в тюрьмы на срок от 4 до 8 месяцев.

Участие в картофельном бунте — первом совместном революционном выступлении рабочих и крестьян Латвии — определило жизненный путь Яна Фабрициуса, привело его к борьбе за свободу и счастье трудового народа...

¹ Определение С.-Петербургской судебной палаты по уголовному департаменту (Вентспилсский краеведческий музей).

ШКОЛА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

В годы учебы в Рижской Александровской гимназии Ян Фабрициус часто посещал вечера вопросов и ответов и дискуссионные собрания, которые устраивали революционные демократы — новотеченцы. Здесь гимназист слышал смелые выступления Петра Стучки, Яна Райниса, Фрица Розина, подвергавших критике национал-шовинистические «теории» латышской буржуазии и пропагандировавших борьбу против царского самодержавия.

На одном из литературных студенческих вечеров Фабрициус познакомился с Янсоном-Брауном, который получил широкую известность своими статьями, резко бичующими произведения латышских буржуазных инсателей и противопоставляющими им демократическое направление в русской и западно-европейской литературе. Янсон-Браун привлек Фабрициуса к работе в нелегальном студенческом кружке. Здесь юноша-гимназист получил возможность ознакомиться с некоторыми трудами К. Маркса и Ф. Энгельса.

В своих воспоминаниях «От «картофельного бунта» до Берингова пролива»¹ Ян Фабрициус указывает:

«Узнав меня ближе, студенчество стало относиться ко мне с большим доверием. Я стал получать задания (преимущественно расклейка и распространение прокламаций)...»

В 1894 году Ян Фабрициус успешно окончил Рижскую Александровскую гимназию и возвратился в Виндану. Он рассчитывал быстро устроиться на хорошо оплачиваемую службу, помочь своим родителям, сестрам и братьям. Юноша не учел одного обстоятельства — пристав Гюнтер хорошо запомнил участников «картофельного бунта». Несовершеннолетнего Фабрициуса нельзя было судить вместе с другими бунтовщиками в декабре 1891 года, зато теперь представлялась возможность контролировать каждый его шаг, любой поступок.

В порту Фабрициусу подчеркнуто любезно сказали:

— В ваших услугах не нуждаемся. У нас все места заняты...

И на лесопильном заводе, на элеваторе, в заведении минеральных вод, в типографии «Виндавского листка» ему говорили с нарочитой вежливостью:

— Рады бы, но не нуждаемся...

Фабрициус вынужден был заниматься на временную работу — грузчиком, плотником, землекопом. К нему часто приходили неграмотные земляки с просьбами написать жалобу, прошение, ходатайства. Такие бумаги Фабрициус составлял бесплатно, глубоко сочувствуя тяжелой доле трудового народа.

В 1896 году Фабрициус устроился батраком в кулацкую усадьбу Видукли, что в семи километрах от

¹ Газета «Звезда», орган ЦК КП(б) Белоруссии (г. Минск), № 59/1361 от 14 марта 1923 года.

Пузы. Хозяину понравился сильный, ловкий, грамотный работник и он положил ему жалование — 70 рублей в год.

В августе 1898 года Фабрициуса призвали на службу в царскую армию. Учитывая высокий рост и могучее здоровье, определили в гвардию. Из Виндавы повобранец отправился в Варшаву, где стоял в то время лейб-гвардии Литовский полк третьей гвардейской дивизии. Широко открытыми, жадными глазами смотрел Фабрициус в окно поезда.

Вот она, бескрайняя голодная Российская империя. Приземистые, замшелые хатенки, крытые соломой, и всюду, куда ни посмотри, бледные лица бедно одетых, придавленных нуждой людей.

Яна Фабрициуса зачислили в третью стрелковую роту вольноопределяющимся I-го разряда. Военное дело Фабрициус изучал старательно. Уже три месяца спустя ротный похвалил его за образцовое выполнение строевых команд. Вскоре за Фабрициусом закрепилась также слава лучшего стрелка не только в батальоне, но и во всем полку.

На полковом празднике гвардеец Ян Фабрициус занял первое место по стрельбе из винтовки. Командир полка генерал-майор Пашков перед строем всех 16-ти рот вручил победителю почетный приз и присвоил ему звание унтер-офицера.

В царской армии Фабрициус узнал весь ужас тупой муштры, издевательства и унижения, которым подвергались рядовые чины, и горячо возненавидел офицерский произвол, палочную дисциплину, всю систему обольванивания солдат.

По воскресным дням Фабрициус встречался с земляками-сослуживцами. Как-то однажды солдат шестой роты Ян Бойтманис, вместе с которым Фабрициус

проводил праздничные вечера в Пузе накануне призыва в армию, рассказал о том, как на прошлой неделе полуротный поставил его на четыре часа под ружье с полной выкладкой.

— В чем же ты провинился, дружище? — задумчиво спросил Фабрициус.

— Видишь ли, я простыл в карауле. Стоял на сквозняке, вот и надуло в уши. А через день вывели нас на Макатовское поле. Штабс-капитан отстал от строя и подал команду «кру-гбм». Я не расслышал и сделал два лишних шага вперед...

— За два лишних шага — четыре часа пытки под ружьем. И это называется строевая выучка! — не скрывая возмущения, воскликнул Фабрициус.

Проводя занятия, унтер-офицер Фабрициус стремился образцово показывать выполнение каждой команды. Для солдат, плохо понимающих русский язык, купил буквари, и вечерами занимался с ними, учил их читать и писать.

Сын батрака, прошедший суровую военную школу, Фабрициус внимательно и заботливо относился к подчиненным. Гвардейцы стремились усердием отблагодарить своего справедливого командира. На марше и строевом смотре, на занятиях по фортификации и на стрельбище подразделение Фабрициуса — всегда на первом месте.

3 сентября 1899 года командир полка вручил унтер-офицеру Яну Фабрициусу погоны прапорщика.

Вскоре Ян Фабрициус в чине прапорщика был уволен в запас.

Снова в дороге мелькают польские, украинские, российские, латвийские убогие села, деревни, хутора. Нищие бродят по платформам и просят подаяния.

М Фабрициуса появляется вывод, ясный и прямой, — так жить нельзя!

Приехав в Ригу, Фабрициус долго не мог устроиться на работу. После двух месяцев тщетных поисков ему наконец удалось поступить на машиностроительный завод, принадлежащий фабриканту Вильгельму Минут. На этом предприятии, основанном еще в 1860 году, изготовлялась аппаратура для пивоваренных заводов, оборудование для холодильников, различные приборы.

Завод Минута славился высококвалифицированными рабочими. Опытные слесари помогли Фабрициусу освоить новую для него специальность. Общительный, исключительно отзывчивый к нуждам товарищей, он быстро вошел в трудовой коллектив, подружился с революционно настроенными рабочими. Для Фабрициуса открылся новый мир, мир людей, живущих одной большой семьей и смело отстаивающих свое право на счастье.

Через знакомых студентов Политехнического института Фабрициус установил связь с организацией, распространявшей газету «Искру», и получил нелегальную революционную литературу. В узком кругу товарищей на работе Фабрициус читал статьи из ленинской «Искры». О тайных сходках, на которых изучалась «крамольная» литература, узнал мастер слесарного цеха и сразу же донес фабриканту.

Летом 1901 года полиция арестовала Фабрициуса. Два месяца его продержали в застенке, пытали голодом и холодом, угрожали каторгой, но волю молодого революционера сломить не смогли. Фабрициус стойко перенес тяжелые испытания, не выдал товарищей. И при обыске на квартире у Фабрициуса жандармы ничего крамольного не нашли. Не собрав улик,

власти были вынуждены выпустить арестованного на свободу.

На завод Минута Фабрициуса обратно не приняли. Несколько месяцев он жил случайной работой — готовил сынков состоятельных родителей к экзаменам, обладая красивым разборчивым почерком, переписывал различные деловые бумаги, но чаще всего добывал себе «хлеб насущный», разгружая в порту пароходы. Свободного времени было много, и Фабрициус, со свойственным ему упорством и жаждой знания, изучал марксистскую литературу, пополнял свое образование.

Затянувшаяся безработица вынудила Фабрициуса уехать из Риги. Он решил перебраться в Вилдаву. Перед отъездом он поздно вечером зашел к одному из руководителей рижской искровой организации Коляшкевичу и взял у него нелегальную литературу. Долго думал, куда спрятать газеты, листовки, брошюры, как сохранить от жандармов самое дорогое боевое оружие, мудрые ленинские статьи? Решил использовать свои неуклюжие, огромные болотные сапоги. Изнутри голенища были оббиты плотной материей. Фабрициус оттянул ее и, словно в огромные кошельки, уложил туда революционную литературу. Два номера «Искры» он зашил в донышко выцветшей гвардейской фуражки.

Простая житейская смекалка спасла Фабрициуса от нового ареста. Приехав в Вилдаву, он не успел разобрать свой дорожный чемодан, как в квартиру ворвались жандармы. При обыске они проявили излишнее усердие: вспороти подушки и матрацы, поломали мебель, побяли посуду, но никто не догадался стянуть с ног приезжего густо забрызганные грязью сапоги.

Находясь под надзором полиции, Фабрициус умело

не использовал легальные формы для ведения революционной пропаганды и агитации. Он посоветовал революционно настроенному учителю Янису Фернесте организовать кружок по изучению грамоты. На первое занятие учитель пригласил городского голову и прихода. Степенные, бородатые ученики с таким усердием погоряли нараспев буквы алфавита, что начальству и в голову не пришло, что здесь собрались участники подпольного революционного кружка. Наряду с действительно неграмотными рабочими на открытые занятия городским головой Блау занятия приходили также служащие и наборщики типографии «Вилдавского листка».

В этом кружке занимались Александр Чудов, Альфред Горбандт, Александр Брауч, Виктор Барбанс, Карл Крузиньш, Макс Берманис — мужественные и смелые борцы, павшие смертью храбрых в революционных боях 1905 года.

В кружке для «неграмотных» изучалась марксистская литература и прежде всего читались статьи из ленинской «Искры». Кружковцы вели постоянную активную пропаганду и агитацию среди рабочих, грузчиков, ремесленников Вилдавы. Друзья Фабрициуса, наборщики местной типографии, печатали массовыми тиражами листовки, призывающие к беспощадной борьбе с царским самодержавием, капиталистами и биржою.

Полицейстер Вилдавы, чувствуя, что вокруг подпольного Яна Фабрициуса сплачиваются все революционно настроенные рабочие, приказал арестовать его.

Фабрициуса посадили в одиночную камеру. Три шага в ширину, три в длину. Он опустился на койку, съев виски. В руке отчетливо стучал пульс.

Интересно, что следователь знает? Неужели в

кружке появился провокатор? Не спеша, Фабрициус перебирал в памяти одного товарища за другим. Вспоминал их поступки, поведение на занятиях и сходках, черты характера, деловые качества. Обидно, что не успел со всеми поговорить по душам. А может быть, он сам совершил какую-нибудь грубую ошибку. Где, какую? Проверял день за днем. Как будто ничего такого нет...

Подошел к окну. Увидел кусочек серого неба, не больше носового платка. И это все. Лег на нары. Долго не мог уснуть: мучила неотступная мысль — что знают жандармы и кто еще арестован из друзей-товарищей...

Вечером Фабрициуса отвели на допрос. Начальник охранного отделения держал в руке серебряный портсигар и после каждого вопроса звонко щелкал крышкой, словно стрелял в арестованного. Вопросы были пустые, уловки глупые, и Фабрициус сразу догадался, что явных улик у жандармов нет, но о действительном назначении кружка они, пожалуй, знают.

После трехчасового допроса арестованный скромно заметил:

— Мы напрасно теряем время. Вас кто-то неправильно информировал...

— Хватит разыгрывать протасчка, Железный Мартыц, так, кажется, величают вас на подпольных сходках. Кто читает босякам журнал «Латвийский рабочий» и книжонки из серии «Библиотека рабочего»?¹ Ничего, ты у меня загворишь. Назовешь всех участников. Ты будешь не железным, а резиновым. Ясно? — и началь-

¹ В 1899—1900 гг. «Западноевропейский латвийский социал-демократический союз» издавал в Лондоне журнал «Латвийский рабочий» и серию марксистских брошюр «Библиотека рабочего».

ник охранного отделения с такой яростью стукнул по столу кулаком, что чернильница подпрыгнула и кляксы брызнули на протокол допроса. Достал из портсигара длинную тонкую папиросу и крикнул, брезгливо морщась:

— Убрать...

Ночью Фабрициуса избил. Навалились на сонного, связали руки и ноги тонкими, крепкими веревками, на лицо накинули грязную вонючую шинель. Распоряжался и с особым усердием месил тяжелыми, подкованными сапогами делцаго на полу арестованного жандарм Штейнгаузен. Когда Фабрициус потерял сознание, путы развязали и его перенесли в карцер...

Каменная, сырая коробка. Сидеть можно, а лежать нельзя. Стены скользкие, покрытые плесенью. Время ползет очень медленно. Спать не дают крысы, крупные, голодные, злые...

Допросы продолжались непрерывно, вначале в охранном, затем в жандармском отделении. Как-то следователь неожиданно спросил, не встречался ли Фабрициус в Риге весной 1900 года с лидером русских социал-демократов Ульяновым-Лениным. Впервые за время ареста Фабрициусу стало страшно за судьбу друзей в Риге¹. С трудом переборов волнение, зевнул и тихо сказал:

— К сожалению, понятия не имею, кто это такой...

¹ В Ригу В. И. Ленин приезжал нелегально весной 1900 г. по приглашению тов. М. А. Сильвина, с которым был знаком по сибирской ссылке. М. А. Сильвин пообещал В. И. Ленину сообщить «интересные новости» относительно организации нелегальных связей с границей через Латвию. Тогда же состоялась встреча В. И. Ленина с деятелями Рижской латвийской социал-демократической организации.

Через три дня в камеру вошел жандарм и, выпучив голубые глаза, хлопнул перчаткой по плечу Фабрициуса.

— Господи! усач. К вам папаня с маманей при- были.

Фабрициус, не спеша, надел пиджак. Долго не мог застегнуть пуговицы. Он не просил свидания. Значит, жандармы решили поглумиться над самым чистым и святым — его любовью к родителям. Затеяли грязную провокацию...

Надзиратель провел Фабрициуса в канцелярию тюрьмы. Старики сидели в углу. Увидев Яна, они одновременно встали. Мать заплакала, рванулась к сыну, но отец положил на ее узкое, сухое плечо свою большую тяжелую руку, и она поникла, съежилась, стала совсем маленькой. Обязанное большим черным платком лицо казалось безжизненно белым.

Отец был одет по-праздничному, но сшитый лет двадцать тому назад пиджак стал слишком просторным, сморщился и выцвел.

Ян сказал тихо:

— Здравствуйте, дорогие мои, — низко поклонился, но поцеловать родителей не осмелился.

У матери дрожали тонкие синеватые губы, она не могла говорить. А отец, повидимому, не знал, с чего начать разговор и тоже молчал, насунив косматые брови. Тишина была продолжительной и тягостной.

— Садитесь, — предложил Ян, — дорога у вас длинная, измучитесь.

— Не дорога, ты нас мучишь, Ян, — с трудом проговорил отец, попытился назад, пошарил рукой скамейку и тяжело опустился на нее.

Мать сделала два шага вперед, и лицо ее стало таким ласковым, родным. Старик сердито крикнул,

и она, как подбитая птица, спотыкаясь, беспомощно опустив руки, направилась к мужу. Словно прощаясь, не мигая смотрела на сына широко открытыми глазами. Какой он высокий и сильный, смелый и красивый...

Отец говорил монотонно, как будто читал молитву. Яну показалось, что это говорит не отец, а кто-то похожий на него.

— Не думал я, что в тюрьме придется на старости лет искать сына. Для этого ли мы столько лет тебя учили? Еще не поздно. Одумайся, Ян. Расскажи начальству все как было, с кем встречался на сходках, и тебя выпустят на волю.

— Признайся, и тебя простят, Ян. Мир не без добрых людей, — каким-то незнакомым голосом произнесла мать.

— Дорогие мои, хорошие. Поверьте, я ничего не сделал плохого, — тихо ответил Ян.

И мать, должно быть, вспомнила своего мальчика, избитого бароном Бером, и в глазах ее снова заблестели слезы.

Ян подошел вплотную к родителям и твердо произнес:

— Я хочу, чтобы все, кто трудится, были счастливы. Вот — цель моей жизни. И что бы ни случилось, я не сверну с этого пути.

Отец встал, прошелся по канцелярии, посмотрел на Яна так, будто видел его впервые, и медленно, но громко произнес:

— Если ты не бросишь свои крамольные затеи, я прокляну тебя навеки...

Поднялась и мать.

Ян не знал, как убедить стариков. Прислушался. За дверью кто-то приглушенно хихикал. «Подслуши-

вают и глумятся, сволочи», — подумал Ян и обнял родителей.

— Придет время, и вы сами поймете, что ваш сын был на верном пути...

— Время истекло, — раздался за спиной зычный голос. Жандарм указал на дверь.

— Господину арестанту подан ужин...

И тогда мать кинулась к сыну и, наверное, упала бы, если бы он не подхватил ее, легкую, маленькую, слепоу от слез.

— Будь осторожен, Ян, — угрозо шепнул отец. — Береги себя. Я подам прошение губернатору, — и так сжал руку, что хрустнули пальцы. Потом, не торопясь, поправил фуражку, взял под руку мать и повел ее к выходу.

Ян медленно побрел в свою камеру. Бросился на нары, закрыл лицо руками и сразу же представил себе, как начальник охранного отделения допрашивает его родителей. После каждого вопроса следует щелчок портсигара. Мать вздрагивает и прикладывает платок к красным от слез векам. Вначале разговор еле-еле любезный, потом угрозы, удары по столу и в конце брезгливое приказание — «убрать этих будочников». Жандармы выталкивают стариков на улицу, и они бредут, низко опустив головы...

И снова допросы и «неожиданные» встречи в казначействе следствия с рабочими, членами кружка. Никто из них не проговорился...

Однажды рассерженный начальник жандармского отделения вытащил из ящика стола изъятую при аресте записную книжку фабрициуса с надписью «Избранное от избранных» и прочел, издевательски подвывая:

«Вушуй, свирествуй, грозная стихия,
Рычи, свисти, рви паруса тугие,

В боренье яростном валы вздымай, —
Мы доплывем, увидим счастья край!».

Пристально посмотрел арестованному в глаза и спросил:

— Скажите, кто автор этих стихов?

— В ранней юности я увлекался поэзией. Сочинял песенножко...

— Плагнат преследуется законом, но в данном случае налицо ложное показание. Это стихи Плиекшана-Райниса. Вам не приходилось выполнять каких-либо его поручений, когда вы учились в гимназии?

— К сожалению, нет. А если бы посчастливилось, я, не задумываясь, выполнил бы любое его задание...

— А в ссылку вместо Райниса поехали бы?

— Хоть сейчас...

— Неравноценная замена, — усмехнулся начальник жандармского отделения. — Хотя не нужно быть пророком, чтобы предсказать неизбежное. Ссылки вам не миновать, Железный Мартын. После милого разговора с вами у меня всегда голова болит. Таких молодцов надо расстреливать без следствия и суда. Убирайтесь.

Через день жандарм, не скрывая сожаления, сказал Фабрициусу:

— Собирайся на волю. Хватит на казенном хлебе сидеть... Эх ты, усач, усач! С твоей-то головой я бы в губернаторы вышел или в министры.

Жандармам не удалось сломить волю Яна Фабрициуса. Он победил. Охранное отделение, не собрав материалов, изобличающих «преступную деятельность» фабрициуса, вынуждено было выпустить его на свободу...

¹ Из стихотворения Яна Райниса «Сломанные сосны».

Друзья посоветовали Фабрициусу, во избежание нового ареста, покинуть родную Видаву, и он направился в Либаву (Лиепаю), быстро растущий портовый город. Долго не мог поступить на работу и переехал в Митаву (Елгаву). Отсюда после утомительных и бесплодных поисков подходящей службы перебрался в Ригу. Не только на фабриках и заводах, но и в мелких ремесленных мастерских не хотели принимать на работу «политически неблагонадежного» человека, который уже дважды побывал в тюрьме. Фабрициусу пришлось пробиваться случайными заработками: переписывать деловые бумаги и пилить дрова, разгружать в порту корабли и готовить к экзаменам гимназистов.

К этому времени Рига становится крупным промышленным и торговым центром. Быстро растет население города, появляются новые предприятия, банки, магазины, учебные заведения.

К началу XX века центр революционного движения переместился с Запада в Россию. Ближайшей задачей, стоявшей тогда перед русским пролетариатом, было свержение самодержавия и установление демократической республики. В 1902 году В. И. Ленин писал:

«История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата».

Латышский пролетариат рука об руку с русским рабочим классом мужественно боролся за осуществление этой исторической задачи.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 345.

Начавшийся еще в 1900 году экономический кризис ухудшил и без того тяжелое положение латышских рабочих. Фабриканты и заводчики резко снизили заработную плату. Широко применялись штрафы. Рабочие трудились в тесных, грязных, сырых помещениях. Росло недовольство, росла ненависть к существующему строю.

В Риге, как и в других промышленных городах Латвии, в начале 1902 года возникли социал-демократические организации. Они направляли нарастающее с каждым годом рабочее движение.

Назрела необходимость объединения отдельных организаций в партию. В апреле 1902 года на общей конференции рижская, либавская, видавская и талсинская социал-демократические организации объединились и создали прибалтийскую латышскую социал-демократическую организацию.

Ян Фабрициус был постоянно тесно связан с передовыми рабочими Риги и вел активную агитационную работу. Март 1903 года — самая знаменательная дата в жизни Фабрициуса — он вступает в члены объединенной прибалтийской латышской социал-демократической рабочей организации, которая развернула плодотворную партийную и массовую работу. В этот период наметился переход к широкой агитации и пропаганде. Чаще и более организованно стали созываться нелегальные собрания, на которых обсуждались важные, интересующие рабочих политические вопросы.

Имея опыт подпольной работы, Ян Фабрициус становится профессиональным революционером. Весной 1903 года по поручению партии он выехал в Видаву для распространения газеты «Искра» и марксистской литературы, прибывающей из-за границы.

В тяжелых условиях, находясь под постоянным наблюдением полиции, Фабрициус умело повел партийную агитацию и пропаганду в порту и на элеваторе, на лесопилке и паровой мельнице, на пивоваренном и кирпичном заводах.

Революционную работу Фабрициус проводил вместе с активистами местной социал-демократической организации: Гудовым, Фернестом, Горбандсом, Вирзниеком, Карклиным, Берманисом, братьями Буш.

У Фабрициуса было много верных друзей в типографии местной газеты — «Виндавский листок». При помощи наборщиков типографии удалось отпечатать крупным тиражом на русском и латышском языках первомайскую листовку. В ночь на Пасху, когда городское начальство пировало в пышно украшенном зале Ремесленного общества, революционные листовки были расклеены на рыночных ларьках, на дверях лавочек и магазинов, на бараках рабочих и грузчиков и даже на церковных оградах.

По предложению Фабрициуса маевку решили провести в пригородном Царском лесу, куда ходила гулять молодежь и где охотно в воскресные дни отдыхали старики.

Накануне 1-го Мая собрались активисты организации и обсудили план проведения праздника.

Сразу же встал вопрос — кто будет выступать на митинге.

Александр Чудов сказал:

— По моему мнению, Фабрициусу с его характером не стоит вылезать с открытой речью. По своей прямоте и резкости он приговорит самого себя к пожизненной каторге.

— А кто же будет выступать, товарищ Чудов? — нахмурился Фабрициус. — Все вы женатые. А я пока

холостяк. Если что случится, старикам моим поможет. Только об этом не будем сейчас толковать. Маевка — проба сил, боевое крещение нашей организации. Выступать следует мне.

... Разошлись поздно вечером. Фабрициуса охватило счастливое, радостное чувство, и он долго не мог уснуть в эту теплую весеннюю ночь. Завтра впервые он будет выступать открыто перед гражданами родного города. Пришла отрадная пора в полный голос рассказать людям, с кем они должны вести смертельную борьбу за свободу и счастье.

Не спеша, Фабрициус обдумывал свою речь, подбирал самые доходчивые, яркие слова о борьбе трудового народа за свою свободу и счастье. Задремал только на рассвете...

По установившейся с годами привычке проснулся в шесть часов утра, гимнастикой размял мускулы, умылся до пояса холодной водой, оделся и вышел на улицу.

Яркая, влажная трава затопила пустыря, в палисадниках прокальвались сквозь рыжие прошлогодние листья сочные побеги цветов, на деревьях ликовало разноголосое птичье племя. И, словно в детстве, Ян по голосам определял, какие птицы уже вернулись из заморских теплых стран. Так незаметно добрался до Царского леса. На месте явки никого из товарищей не было.

Минуты казались утомительно длинными. Фабрициус, заложив руки за спину, не спеша, вымерял шагами вдоль и поперек белую от подснежников лесную поляну. Здесь может разместиться много народу. Только что-то никто не идет. Справятся ли с партийными заданиями друзья-товарищи?

Где-то далеко бойко запиликала гармонь и сразу

же сильные голоса затянули песню. Она все приближалась, и Ян Фабрициус понял: идут... Играл на гармошке Александр Чудов. Рядом с ним плотной толпой шагали, отмеченные печатью профессии, кривоногие и сутулые грузчики.

Не прошло и пяти минут, как появился Альфред Горбанде с рабочими деревообделочного завода. Поздоровался со всеми, скинул пиджак и снял с груди широкий алый флаг.

Учитель Янис Фернест привел молодежь, необычно смирную и не по годам серьезную.

Теперь можно было открывать митинг. Со всех сторон на зов гармонии шли и шли на цветущую поляну празднично одетые люди.

— Пора, — сказал Чудов. — Начнем, пока еще не нагрянули фараоны.

Фабрициус вскочил на толстый пенёк, окинул ясным взором разместившихся полукругом людей и сказал так громко, что сразу перекрыл многоголосый говор собравшихся.

— Товарищи! Братья и сестры. Разрешите поздравить вас со светлым праздником солидарности трудящихся всего мира — Первым Маем.

Фабрициус быстро овладел вниманием юношей и девушек, только что вступивших в жизнь, сильных и угрюмых грузчиков, рабочих, плотным кольцом сомкнувшихся вокруг Красного Знамени, подслеповатых ремесленников, развернувших узелки с закуской в тени сосен. У всех напряженные, серьезные лица. Пусть они узнают всю правду.

— Два разных мира стоят друг против друга, — говорил Фабрициус. — Мир пчел трудовых и мир трутней. Кучка жирных бездельников захватила в свои руки фабрики и заводы, пашни и луга. Они заставили

оболваненную армию сторожить награбленное добро. Тысячи и миллионы обездоленных людей из-за куска хлеба униженно просят работу, теряют последние силы, сохнут и гибнут от голода и болезней.

Справа за могучей березой Виктор Барбанс громко завел свадебную песню:

Что сидишь ты, мой венок,
Криво на головушке.

Это был сигнал «идут полицейские». — «Быстро пронюхали, гады», — с горечью подумал Фабрициус, платком вытер выступивший на лбу пот, и голос его окреп и зазвенел торжественно и призывно:

— И вот мы, не имеющие ничего, кроме своих рук и ненависти к тунеядцам, объявляем беспощадную войну царю, капиталистам и баронам. Союз рабочих всех стран растет и крепнет. Нас больше, мы победем...

Фабрициус почувствовал, как кто-то дергает его за пиджак и шепчет:

— Торопись, Железный Мартын...

И слева запели свадебную песню, и люди беспокойно зашевелились, но не расходятся, а, наоборот, плотнее смыкаются вокруг красного знамени и с восхищением смотрят на широкоплечего, словно вылитого из металла, удивительно спокойного и смелого человека.

— Мы, социал-демократы, зовем вас к свободе, к счастью, к социализму. Царь душил свободолюбивых сынов народа в тюрьмах, разгоняет наши собрания нагайкой, штыком и пулей. Царь — первый наш враг, и сегодня мы поднимаем клич — долой самодержавие!

— Кончай базар, стрелять буду, — закричал, прогалкиваясь сквозь толпу рабочих полицейский Гутсмиidt.

— Не запугаешь, барбос. По всей России гремит беспощадный приговор: смерть царю и его опричникам... — крикнул кто-то.

— Нас окружают, — тревожно воскликнул Александр Чудов и снял ज्याма.

— Граждане Виндавы, будьте готовы к грядущим боям! — громко произнес Фабрициус и тут же пошатнулся от сильного удара по ногам. Соскочил с пня и наотмашь ударил кулаком по искаженному от злобы лицу полицейского Гутымидта.

Толпа зашумела. Рабочие хлынули к Фабрициусу и наглухо прикрыли его.

Но выехать из родного города Яну Фабрициусу не удалось. В тот же день он был арестован.

... Девять месяцев продолжалось следствие по делу Яна Фабрициуса. В темном, сыром и холодном каменном мешке арестованный не терял мужества, зная, что в родном городе сохранилась партийная организация, что она растет и крепнет, что в ее рядах насчитывается более двухсот человек.

В феврале 1904 года Рижский окружной суд приговорил Фабрициуса к четырем годам каторжной тюрьмы с последующей высылкой на поселение в Якутскую область. Вместо собственного белья выдали казенную дерюгу, вместо обуви — громоздкие, трущие ноги коты. Под непрерывный кандалный звон прошел Ян Фабрициус длинный и тяжелый каторжный путь. Тюрьмы Сибири — Ново-Николаевская, Канская, Красноярская, Иркутская. Бескрайний пеший сибирский тракт. Каторжные централы. Памятные встречи с учениками и сподвижниками Ленина.

В марте 1908 года Фабрициус сбросил ненавистную казенную серую куртку, жесткие дерюжные штаны, уродливую круглую шапку каторжника. Теперь, со-

гласно инструкции жандармского управления, он мог «проживать» всюду, но отнюдь не ближе Иркутска.

Вот когда пригодились навыки меткой стрельбы, приобретенные в лейб-гвардии Литовском полку. Фабрициус обзавелся двустволкой, широкими лыжками, меховыми чулками, унтами, рукавицами, удобной теплой одеждой и пошел от улуса к улусу, оставляя за собой славу необыкновенно умелого и смелого охотника. Ссылный поселенец побывал в далеких краях Северо-Восточной Сибири, хорошо изучил быт и жизнь якутов, тунгусов, чукчей. Охота стала основной профессией Фабрициуса. Его объемистый мешок всегда был полон шкурками чернохвостой белки, чернобурой лисицы, белого песца, соболя.

Суровый, обширный край! С севера его омывает Ледовитый океан, с востока — Великий. Зима начинается рано, реки и озера замерзают с сентября и к Покрову вся Якутская область покрывается белой пеленой. Стужа нарастает изо дня в день. Густой морозный воздух насыщен ледяной пылью. К началу зимы мороз достигает сорока градусов и лед приобретает твердость камня; топор, ударяясь о сырое замерзшее дерево, высекает искры. Только с Афанасия (22 февраля) «бык зимы», как говорят якуты, «теряет рога» и солнце начинает подниматься выше, снега подтаивают и покрываются ослепительно блестящим настом. В начале и в конце зимы дуют сильные ветры, поднимается свирепая, страшная для путников пурга.

Полная опасностей жизнь закалила Яна Фабрициуса. У него появились много друзей; повсюду — в юртах и избах его встречали, как дорогого гостя.

Занимаясь охотой, постоянно косяся по отдаленным краям Сибири, Фабрициус доставлял ссылным большевикам газеты и журналы, политическую и художе-

ственную литературу. В Нарыме Фабрициус познакомился, а затем и подружился с выдающимися деятелями Коммунистической партии, верными ленинцами Яковом Михайловичем Свердловым и Валерианом Владимировичем Куйбышевым.

В захолустном маленьком Нарыме, на шесть месяцев в году оторванном от внешнего мира, в то время было несколько сот политических ссыльных. Большевики Я. М. Свердлов и В. В. Куйбышев организовали народный дом, библиотеку и две школы — партийную и общеобразовательную.

В партийной школе готовились кадры для грядущей революции. Фабрициус посещал занятия, слушал лекции товарищей Свердлова и Куйбышева, знакомился с выдающимися трудами В. И. Ленина.

Среди ссыльных было много меньшевиков, анархистов, эсеров. В партийной школе Фабрициус понял сущность борьбы большевиков с оппортунистами всех мастей и оттенков...

Полученные в партийной школе знания пригодились Фабрициусу, когда он перебрался в Маньчжурию и поступил конторщиком в управление Китайско-Восточной железной дороги. Ознакомившись с железнодорожниками и мелкими чиновниками, «поднадзорный поселенец» стал рассказывать им о растущем забастовочном движении в центральных областях России, о революционной борьбе за счастье трудового народа, о событиях на Ленских приисках в Сибири. Агитационная работа вначале протекала успешно, и Фабрициус надеялся, что в ближайшее время ему удастся создать боевую большевистскую организацию. Но кто-то из чиновников донес о смутьяне-конторщике старшему начальству и все планы рухнули. И, как рассказывает в своей автобиографии Фабрициус,

«генерал Хорват, имевший хороший нюх на революционеров, выгнал меня оттуда, разослав телеграммы по линии с приказом — нигде не принимать меня на службу. Это не огорчило меня. Я привык уже к вынужденным переменам места и, сложив в мешок свое «недвижимое», зашагал на север»¹.

И снова кочевая, наполненная лишениями и тяжелыми испытаниями жизнь. В Уссурийских лесах, в таежном Приамурье много хищников. Нужно быть не только отличным стрелком, но иметь крепкие мускулы и нестигаемое мужество. В письмах к родным Фабрициуса есть такие строки: «На Дальнем Востоке я охотился, главным образом, на лесных зверей. Там леса большие и зверей и птиц очень много. Из крупных хищников, на которых я охотился, это — тигры, медведи, кабаны...»

У ссыльного Фабрициуса нет постоянного адреса, и письма от родителей он получает редко. Его мучит щемящая тоска по милой сердцу Латвии, по своим родным, по всему, что зовется родиной. Фабрициус принимает решение бежать: вначале за границу, а оттуда пробираться в родные края.

С двумя друзьями-ссыльными Фабрициус совершил беспримерный по трудности переход от Японского моря до Берингова пролива. Охотники пересекли тайгу Уссурийского края, по звериным тропам прошли тысячи километров вдоль Охотского и Берингова морей, пересекли суровую белую степь Чукотки.

После долгих поисков спутники набрали на судно контрабандистов. С большим трудом, отдав драго-

¹ «Четыре ордена Красного Знамени. Биография тов. Яна Фабрициуса». Журнал «Огонек» № 9 (257), за 26 февраля 1928 года.

ценные шкурки пушных зверей, купили место на пароходе. Выехали в море. Ликующий Фабрицус уже подсчитывал сроки свидания с родными, когда судно контрабандистов было задержано крейсером «Адмирал Нахимов». После проверки документов Фабрицуса и его товарищей арестовали и отправили на Камчатку, в город Петропавловск. Через некоторое время беглецов выслали в город Владивосток, а оттуда в Якутскую область.

Фабрицус вынужден был еще два года жить в краю вечной мерзлоты.

Снова охотился в таежных лесах вместе с тунгусами и якутами. Помогал им в нужде и беде, разъяснял, кто друзья и враги, готовил к борьбе за лучшую долю, за счастливую жизнь.

Исколесив необъятные просторы Сибири, Фабрицус вместе со своим лучшим другом Кизвиком совершает новый труднейший пеший переход. По сопкам добирается до берега Охотского моря и устраивается на работу в Николаевске-на-Амуре.

Вспоминая об этом периоде своей жизни, Фабрицус пишет: «На Амуре я вел революционную работу среди населения. Отдельной парторганизации не было, было только несколько членов РСДРП(б)»...

Вскоре Фабрицус стал замечать, что за ним усиленно следит шпик из охраны. Накануне мировой войны, опасаясь нового ареста, Фабрицус перебрался на Северный Сахалин. В городе Александровске он устроился на работу в государственную лесную управу.

Первые вести о войне наполняют сердце Фабрицуса тревогой за судьбу родной земли, яростью к немецким баронам. В письме к дочери сестры Катерине, помеченном 15 февраля 1915 года, он пишет:

*У дачи помещика михледа
такая сторона на мих-
леда махал. Нахалов
и чебурко
Фабрицус
30 июля 1914 года
Александровск
губ. михледа
Фабрицус*

Портрет Я. Ф. Фабрицуса, присланный им сестре Керсте и ее мужу 30 июля 1914 года из города Александровска на Сахалине. Рядом надпись на портрете.

«Надеюсь, что после войны баронам обрежут крылья и будет очень хорошо, если обрежут так, что они не в состоянии будут летать над свободной и великой Россией...»

Узнав о том, что на Северо-Западном фронте формируются латышские батальоны, Фабрициус решил, что пришла благоприятная пора выбраться с Сахалина и сразу же включиться в революционную работу на родной земле. Ссылные большевики одобрили намерение Фабрициуса и он написал прошение, в котором изъявил желание добровольно вступить в ряды Действующей Армии, ходатайствовал о восстановлении воинского звания.

Попытка вырваться из ссылки увенчалась успехом. В конце лета 1915 года прапорщик Фабрициус был зачислен в I-й латышский батальон, преобразованный впоследствии в I-й Латышский Усть-Двинский полк.

Суровая школа подпольной революционной борьбы очень пригодилась Фабрициусу в армии. Он отлично понимал, что одно неосторожное слово, один неверный шаг и сразу же последует арест, военно-полевой суд и расстрел.

Большевик Фабрициус внимательно присматривается к стрелкам, изучает их настроения, взгляды. Малограмотные солдаты часто обращаются к нему с просьбами — написать письма родным и знакомым. Прежде чем написать коротенькую весточку, Фабрициус, не спеша, расспрашивает стрелка о том, как живут его земляки, как борются с нуждой и голодом. Так постепенно Фабрициус выявляет окопников, недоброжелательных войной, ненавидящих существующие порядки. С ними он беседует с глазу на глаз в карауле или секрете. Вспоминая об этом, Фабрициус рассказывает: «Где-нибудь в овраге, в лесу или в другом укромном

местечке вели мы разговор о том, что давно уже пора повернуть народу штыки против своих вековых угнетателей — царя и помещиков»¹.

Подозрения начальства Фабрициус стремится развеять исключительной храбростью и отвагой при выполнении боевых заданий. Он охотно вызывается на самые опасные и сложные операции: вместе с боевыми друзьями ходит в тыл к немцам за «языком» и секретными документами, снимает вражеские караулы, приносит из траншей неприятеля пулеметы. Боевая слава растет, проходит по всему Северо-Западному фронту, служит отличной маскировкой в революционной работе.

Позже, заполняя анкеты для личного дела, Фабрициус на вопрос «бытность в походах и награды» отвечает так:

... «в старой армии все время находился на фронте и участвовал во всех боях вместе с 1-ым Латышским стрелковым полком. В германскую войну был 4 раза ранен. Имел все ордена до Владимира включительно; георгиевский офицерский крест. Произведен на фронте в чин штабс-капитана»...²

¹ «Четыре ордена Красного Знамени. Биография тов. Яна Фабрициуса». Журнал «Огонек» № 9 (257), за 26 февраля 1928 г.

² «Центральный Государственный Архив Красной Армии. — Личное дело Яна Фрищевича Фабрициуса.

ЛАТЫШСКИЕ СРЕЛККИ — СОЛДАТЫ РЕВОЛЮЦИИ

После поражения, нанесенного 2 мая 1915 г. ополченцами-латышами немецким войскам под Митавой, латышские буржуазные националисты во главе с членами Государственной думы Я. Гольдманом и Я. Залитом обратились к высшим военным инстанциям с ходатайством об организации латышских батальонов. Получив согласие, гражданский Комитет по организации латышских добровольческих батальонов обратился к латышскому народу с националистическим воззванием: «Собирайтесь под латышские знамена!» Восемь латышских стрелковых батальонов были укомплектованы рабочими фабрик и заводов, батраками, мелкими арендаторами. Первыми добровольцами латышских батальонов стали беженцы из захваченной немцами Курляндии. Буржуазии удалось в своих целях использовать вековую ненависть латышского народа к своим поработителям и угнетателям — немецким баронам. Она стремилась выслужиться перед царизмом и добиться некоторых уступок в свою пользу.

В первых же боях под Слокой латышские стрелки показали исключительную стойкость и героизм. После этого успешного боевого крещения батальоны пополнили и преобразовали в полки. Они стали как бы своеобразным щитом XII армии, их бросали на самые трудные, прочно прикрытые огнем неприятеля участки фронта. Полки истекали кровью в Кекавских боях, мостили своими телами Тирельские болота, ложились у колючей проволоки немцев, срезанные пулеметными очередями на знаменитой «Пулеметной горке» и на «Острове смерти».

Война принесла народам России огромные бедствия, «... уносила миллионы человеческих жизней, убитых, раненых, умерших в результате эпидемий, порожденных войной. Буржуазия и помещики наживались на войне. Но рабочие и крестьяне перенесли все больше нужды и лишений. Война разрушала народное хозяйство России. Около 14 миллионов здоровых работников было взято в армию, оторвано от хозяйства. Фабрики и заводы останавливались. Сократились посевы зерна — не хватало работников. Население и солдаты на фронте голодали, были разуты и раздеты»¹.

Латвия, лежащая на пути немцев к столице России — Петрограду, превратилась в огромное поле сражений. Оба берега Даугавы и высоты у Тирельских болот были изрыты окопами и траншеями. Население Латвии, особенно ее западных районов, двигалось в глубь России. Хозяйственная разруха и голод охватили прифронтовую полосу. Продолжение войны грозило гибелью многим миллионам людей.

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Госполитиздат, 1946 г., стр. 166.

Большевики, работающие в армии, умело разъясняли солдатам, кто виноват в неслыханных ужасах войны, звали к революционному перевороту — единственному выходу из империалистической бойни. Посланцы партии, одетые в серые шинели, создавали коммунистические ячейки в армии и флоте, распространяли листовки.

«Особенно большая работа была развернута большевиками в армиях Северного фронта в районе Прибалтики. Главнокомандующий армией Северного фронта генерал Рузский сообщил по начальству в начале 1917 года об огромной революционной работе, развернутой большевиками на этом фронте»¹.

В XII армии плодотворную агитационную работу вела группа большевиков 436-го Новоладожского полка 109-й пехотной дивизии, в которую входили капитан Рудольф Сиверс, унтер-офицер Александр Васильев, поручик Флавиан Хаустов. Члены партии Сиверс, Васильев и Хаустов вошли в редакцию фронтовой газеты «Окопная правда», которую читали более 400 тысяч солдат XII и V армий.

В 479-м пехотном Кадниковском полку 120-й дивизии действовала боевая группа большевиков во главе с Летуновым и Федотовым.

Большевики этих полков были связаны с партийными организациями Петрограда и Риги, а также соседними воинскими частями.

Активная пропаганда и агитация велась в латышском запасном батальоне, где проходили боевую подготовку молодые стрелки перед отправкой на фронт. Латышские большевики Я. Вилкс, К. Гайлис, А. Анскин организовали в батальоне подпольную ячейку

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Госполитиздат, 1946 г., стр. 165.

«Пелекие» («Серые» — по цвету солдатских шинелей).

«Пелекие» устраивали тайные собрания, наиболее революционно настроенных солдат принимали в члены РСДРП и таким образом постоянно пополняли латышские полки кадрами большевиков.

Среди латышских стрелков активную организующую работу проводили большевики Семен Михайлович Нахимсон, Ян Шильф-Яунзем, Карл Петерсон, Арнольд Пуринь-Цималис и многие другие смелые, самоотверженные сыны партии.

Вместе с ними революционную работу в армии вел и Ян Фабрицус. Он завоевал авторитет среди однополчан, перенося вместе с ними смертельную опасность на линии огня. Мужественный революционер, стойкий ленинец, он стал любимцем латышских стрелков. И не случайно сразу же после февральской революции 1917 года однополчане единодушно избрали штабс-капитана Яна Фрицевича Фабрицуса товарищем председателя полкового Комитета.

Большевики в латышских стрелковых полках являлись инициаторами создания полковых и ротных комитетов. Крутой перелом в сознании солдат произошел после кровопролитных рождественских боев 1916 года. На укрепленных позициях в районе Калнциема только латышская дивизия потеряла более 8 тысяч человек убитыми. Большие потери понес 6-й сибирский корпус. Кровавое побоище накануне нового года рассеяло среди стрелков военно-шовинистический угар, породило ненависть к царю, его министрам и бездарным генералам.

Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал Рузский в начале 1917 года с прискорбием отмечал в одном из своих донесений: «Во время по-

следних боев под Ригой имели место крайне прискорбные и нетерпимые в армии случаи уклонения и даже отказа нижних чинов некоторых полков идти в бой... Рига и Двинск — несчастье Северного фронта, особенно Рига. Это два распропагандированных гнезда»¹.

Вспоминая о большевизации фронта, Ян Фабрицус в своей статье «Латышские стрелки и Октябрь»² подчеркивает огромную организующую роль вождя Коммунистической партии Владимира Ильича Ленина в подготовке войск Северо-Западного фронта к решительным боям против Временного правительства, за установление диктатуры пролетариата. Фабрицус пишет:

...«Когда В. И. Ленин приехал из-за границы, большевистская организация латышских стрелковых полков, находившихся в это время на Рижском фронте, устроила совещание. Последнее постановило делегировать к Владимиру Ильичу двух товарищей для подробного доклада о состоянии латышских стрелковых полков и частей XII армии и получения инструкций и указаний о дальнейшей нашей работе.

...Товарищи, посланные к Ильичу, вернулись с инструкциями по подготовке к Октябрьскому перевороту».

Гениальные ленинские «Апрельские тезисы» и речь вождя «О задачах пролетариата в данной революции» стали программой борьбы для большевиков Латвии, трудящихся масс и их вооруженных сынов — латышских стрелков. 17 (30) мая Объединенный съезд латышских стрелковых полков почти едино-

¹ Е. Барсуков. Царская армия накануне Октябрьской революции. Военно-исторический журнал № 4, 1940 г.

² Журнал «Военный вестник» № 41, 1927 г.

душно принял предложенную большевиками резолюцию об отношении к коалиционному временному правительству.

В основу этого важного исторического документа легли решения Апрельской конференции большевистской партии. В резолюции было ясно выражено отношение латышских стрелков к контрреволюционному Временному правительству:

«Мы убеждены, что представители буржуазии и помещиков во Временном правительстве будут мешать и не допустят проведения в жизнь политики революционной демократии не только в области внешней, но также по вопросам внутренней политики: уничтожения остатков старой власти, укрепления нового строя, улучшения экономического положения крестьян, осуществления в жизнь рабочих законов...

Мы убеждены, что коалиционное правительство, как защитник интересов буржуазии, не способно ни ликвидировать войну, ни принять решительные меры для борьбы с хозяйственной разрухой и контрреволюцией».

Выражая волю и светлые стремления и надежды всего трудового народа, представители латышских стрелков твердо решили:

«Нашим лозунгом остается лозунг революционной демократии: вся власть Советам Рабочих, Крестьянских и Солдатских депутатов.

В этом направлении мы обязаны усилить свою агитацию и пропаганду среди рабочих, солдат и крестьян, указывая им, что революция может победить только в том случае, если революционная демократия отмежуетя от капиталистов, помещиков и империалистов всех стран и сплотится в единый союз пролетариев всех стран... Война может быть ликвидиро-

вана только путем революционной борьбы пролетариев всех стран против капиталистов всех стран»¹.

В тот же памятный день, 17 мая 1917 года, делегаты съезда послали своему любимому вождю В. И. Ленину приветственную телеграмму:

«Мы приветствуем Вас, великого тактика русского пролетариата, истинного вождя революционной борьбы, выразителя наших мыслей, и высказываем пожелание видеть Вас в нашей среде».

Телеграмма была послана также Центральному органу большевистской партии — газете «Правда»:

«Мы приветствуем тебя, «Правда», — центральный орган РСДРП (большевиков) и подлинный выразитель мыслей рабочего класса, выше всех держащий боевое знамя революционной социал-демократии в борьбе с шовинизмом. Честь и слава тебе!»

Все восемь латышских полков стали называться полками армии Революции.

Участники съезда латышских стрелков большевистскую резолюцию от 17 мая довели до каждого солдата своего полка. Были проведены митинги в батальонах, 1-го Усть-Двинского полка, на которых выступали большевики — председатель полкового комитета Лейман, Фабрициус, Чарин и др.; резолюция была обсуждена и на ротных собраниях.

Активную пропаганду против резолюции съезда вели силы контрреволюционного антибольшевистского лагеря, возглавляемые меньшевистско-эсеровским Искосолом 12 (Исполнительным Комитетом Солдатских депутатов XII армии) и Искофом 12 (Исполнительным Комитетом офицеров XII армии).

¹ Резолюция Объединенного съезда латышских стрелковых полков.

Силы контрреволюции перешли в наступление после того, как в начале июля в Петрограде по приказу Временного правительства отряды юнкеров и офицеров расстреляли мирную демонстрацию рабочих и разгромили помещенные редакции «Правда». Контрреволюционное правительство Керенского и Церетели, Чернова и Скобелева приказало арестовать Ленина, бросило в тюрьмы лучших сынов трудового народа. На фронте были введены военные суды и восстановлена смертная казнь.

«Кончилось двоевластие.

Кончилось в пользу буржуазии, ибо вся власть перешла в руки Временного правительства, а Советы с их эсеро-меньшевистским руководством превратились в придаток Временного правительства.

Кончился мирный период революции, ибо в порядок дня был поставлен штык»¹.

Делегаты латышских стрелков снова обратились за руководящими указаниями к В. И. Ленину. Вспоминая об этом, Фабрициус пишет:

«В течение всего лета 1917 г., даже тогда, когда Ильич вынужден был скрываться в шалаше в Разливе, организация большевиков латполков поддерживает с ним самую тесную связь, постоянно получая инструкции и директивы»².

Вести большевистскую агитацию на фронте стало труднее, опаснее. Это заметил и Фабрициус после выступления на небольшом летучем митинге в тыловых частях соседнего полка. Со всей прямотой Фабрициус рассказал стрелкам о телеграмме комиссара XII ар-

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. ОГИЗ. Госполитиздат, 1946 г., стр. 187.

² Журнал «Военный вестник» № 41, 1927 г.

мии эсера Станкевича, требующего применения вооруженной силы против революционно настроенных солдат, об аресте членов редколлегии газеты «Окопная правда», о «батальонах смерти» и казачьих эскадронах, срочно стянутых в предместья Риги.

— Эсеры и меньшевики, засевшие в Искополе, предали нас, — закончил свою речь Фабрициус. — Пресмыкаясь перед врагом народа Керенским, они требуют разоружения и расформирования наших революционных латышских полков. Не бывать этому! Пока бьется сердце — мы не сдадим оружия. Оно пригодится нам в боях против баронов и капиталистов. Поймите и запомните — Керенский и его министры обгарили кровью рабочих свои подлые, трусливые руки. Это враги народа, это — наши враги. Мы сметем их с пути, как мусор.

В решающие бои за родную власть рабочих и крестьян мы пойдем плечом к плечу с русскими братьями. В одном строю, под одним Красным Знаменем.

Да здравствует грядущая Революция!

Да здравствует вождь трудового народа — Ленин!

Под дружные аплодисменты стрелков Фабрициус уступил место председателю полкового комитета и направился в свою часть. Он не заметил, что следом за ним идут какой-то прапорщик и подпоручик. У перекрестка дорог прапорщик лихо свистнул и сразу же из канавы выскочили солдаты и окружили Фабрициуса. Подпоручик, с повязкой «смертника»¹ на рукаве, выхватил револьвер и объявил:

— Вы арестованы.

¹ Смертниками называли военнослужащих «батальонов смерти», сформированных Керенским для подавления революционных выступлений.

Фабрицус осматрелся. По тропинке, ведущей наискосок к перекрестку дорог, шел с двумя стрелками каптенармус 4-й роты 1-го Латышского Усть-Двинского полка.

«Надо что-то сделать, чтобы они заметили и сообщили об аресте в полк», — решил Фабрицус и, оттолкнув солдат, закричал во весь голос:

— Вы что, окосели, не видите старшего по званию! Что за разболтанность! Вы знаете, кого собираетесь арестовать?

Это было сказано так грозно, что солдаты застыли по стойке «смирно». Фабрицус, не глядя на них, зашагал по дороге.

Подпоручик догнал его и, подпрыгнув, сорвал с плеча погон. Фабрицус перехватил руку и с такой силой сжал ее, что офицер взвизгнул от боли. Арестованный поднял погон, стряхнул пыль и посмотрел на тропинку. На ней стоял один только каптенармус. Значит, он догадался и послал стрелков в полк. Теперь надо оттянуть время.

И это Фабрицусу удалось. Когда конвоиры миновали перекресток дорог, арестованный услышал топот, оглянулся и увидел бегущих стрелков. Их было больше взвода. Они налетели с двух сторон, сшибли и обезоружили солдат. Друг Фабрицуса, георгиевский кавалер Арвид Вилкс, подошел к трясущемуся от страха подпоручику и скомандовал:

— Длинными перебежками, направляющий подпоручик, к Керенскому — марш!..

Команда запоздала. «Смертники», пригнувшись, бежали по канаве.

Фабрицус посмотрел на потные, веселые лица стрелков и сказал, не скрывая радости:

— Спасибо, друзья мои. Сердечное спасибо...

... Несмотря на угрозы, избития, аресты, расстрелы — большевики XII армии успешно готовили солдат к вооруженному восстанию.

20 июля 1917 года в помещении Исполнительного Комитета латышских стрелковых полков в Риге состоялось совещание делегатов «левого блока» от 23 полков. Был принят и направлен в Петроград решительный протест против репрессий Временного правительства и требование — освободить арестованных большевиков.

Росли ряды партии РСДРП(б), росло ее влияние. Делегат от латышских стрелков, представлявший более 2 тысяч армейских большевиков на VI съезде партии, уверенно и твердо заявил:

«Теперь штаб сожалеет, что он допустил формирование национальных полков, но расформировать восемь латышских полков уже нельзя. Латышские стрелки заявили, что они этого не допустят. Сибирские полки заявили, что если будут расформировывать латышские полки, придется считаться и с ними. И наоборот. Единение между латышскими и сибирскими полками полное, и если штабу не удастся спровоцировать нас на выступление, то я надеюсь, что мы сумеем сделать XII армию красной армией»¹.

Командующий XII армией генерал Парский и комиссар Войтинский, выполняя предательский план сдачи Риги немцам, решили расправиться с большевистскими латполками. 19 августа 1917 года окопы Рижского участка фронта озарились вспышками разрывов тяжелых немецких снарядов. Основной удар противник нанес в районе Икшкиле, прорвал плохо защищаемые позиции и переправился через Западную

¹ Шестой съезд РСДРП(б). Август 1917 г. Москва. Партиздат, 1934 г., стр. 36—37.

Двину (Даугаву). Навстречу наступающим немецким дивизиям были брошены полки второй латышской бригады. Рассказывая об этом, Ян Фабрициус пишет, что латполки были поставлены в окопы так, «чтобы они оказались в мешке и либо были бы все перебиты, либо же вынуждены были сдаться немцам в плен. И в том и в другом случае Керенский и командование XII армии избавлялись от латполков»¹.

Против каждого латышского полка наступала усиленная немецкая дивизия. Стрелков вдохновляли на ратные подвиги родная Рига, революционный Красный Петроград, сыны большевистской партии. Каждый солдат бился как герой.

«Верховно-уговаривающий» Керенский и его холуи из штаба XII армии не учли беспримерное мужество, стойкость, военное мастерство латышских и сибирских стрелков. Революционные полки обескровили вражеские дивизии, вынудили немецких генералов отказаться от дальнейшего наступления через Лифляндию на революционный Петроград.

Отступая в ночь на 21 августа на позиции Сягулда—Лигатне, латышские стрелки клялись, что скоро вернутся в Ригу и поднимут над родной столицей красные знамена свободы.

... В три часа ночи с 25 на 26 октября 1917 года член Исколастрела Ян Фабрициус получил телефонограмму. В ней было всего несколько слов:

«... Петроград взят, Керенский со своим Временным правительством позорно бежал в Гатчину»².

¹ Ян Фабрициус — «Латышские стрелки и Октябрь». Журнал «Военный Вестник» № 41, 1927 год.

² Там же.

— Свершилось, наконец-то свершилось! — закричал Фабрициус, схватил в объятия стрелка, принесшего радостную весть, и так закружился с ним, что с ног солдата чуть было не слетели сапоги. Крикнул:

— Пулей, пулей лети за членами полкового комитета!

— Да время-то позднее, все спят.

— Дорога каждая секунда. Буди их и проси сюда.

Дверь захлопнулась. Фабрициус сел за стол, но руки дрожали, и буквы прыгали по строчкам, как живые. Двадцать пять лет ждал он этой светлой минуты, и вот пришла она, и оглушила, и не дает сидеть на месте. Картофельный бунт, подпольные сходки, революционные листовки и прокламации, первомайский митинг в Виндаве, каторжная тюрьма и ссылка, работа в армии — все это быстро пронеслось перед его глазами.

Быстро меняются времена. Вопреки воле командующего XII армии, эсеровского прихвостня генерала Парского и ставленника Керенского, комиссара Войтинского, измотанных в непрерывных боях латышских стрелков сменили находившиеся в резерве сибиряки.

От порывистого ветра трещат сучья старой липы, тонко звенят стекла. Подпрыгивает и гнется пламя свечи. На стене огромным пятном — карта Российской империи. Фабрициус подошел к ней, прикинул расстояние от Валка до Петрограда и выскочил на крыльцо. Шагов не слышно. Как ласточки перед грозой, кружатся у стены дома кленовые листья. Где-то далеко широкий меч прожектора рубит осенние тучи.

Фабрициус вернулся в комнату, сел за стол и размашистым почерком написал:

«От имени комитета отдать приказ 1-му латполку о совершившемся в Питере перевороте, о бегстве

Керенского и переходе всей власти к Совету Рабочих, Крестьянских и Солдатских депутатов, во главе которого находится товарищ Ленин. Полку немедленно выступить походным порядком в гор. Венден, где занять правительственные учреждения, почту, телеграф, телефон и железнодорожный узел. Всех офицеров полка, не желающих выполнить данный приказ, арестовать и препроводить в полковой комитет»¹.

Дверь распахнулась. Ветер загасил свечу.

— В чем дело, товарищ Фабрициус, — пробасил Чарин.

— В Петрограде революция! Временное правительство не существует. Власть в руках трудового народа.

Неслышно вошел, поздоровался и сел у окна Арвид Вилкс.

— Смотрите на карту, товарищи, — продолжал Фабрициус. — В районе Венден—Валк—Юрьев—Верро — расквартированы части двенадцатой армии. Вы знаете, что во главе этой армии стоят верные слуги Керенского. Разве мы можем спокойно спать, когда малочисленным красногвардейским отрядам Петрограда угрожает закаленная в боях и хорошо вооруженная армия. Революция заклеймит нас, как трусов и предателей, если мы не захватим штаб двенадцатой армии и не двинем все полки на помощь Владимиру Ильичу.

Фабрициус прошлепал по комнате, застегнул все пуговицы и спросил Чарина:

— Как вы думаете, что нужно сделать утром?

¹ Ян Фабрициус — «Фронт накануне Октября». Газета Витебского Округкома КП(б)Б «Заря Запада» № 255, 7 октября 1927 г.

— Поднять полк по боевой тревоге и двинуть к Петрограду!

— Согласен, полк надо поднять по боевой тревоге, но прежде всего надо захватить Венден. Пока ждал вас, набросал проект приказа. Послушайте.

Читал громко и торжественно. Заметил молодые, озорные огоньки в глазах, дрожащие от нетерпения руки Чарина, сдвинутые густые брови Вилкса и уверенно закончил:

— Значит, постановление одобряете. А дальше, друзья мои, латвийские стрелки пойдут на Валк и снимут штаб двенадцатой армии...

На рассвете горнисты протрубили тревогу. Через десять минут I-й латполк в полной боевой готовности выстроился на широкой, ровной поляне. Фабрициус вышел на середину строя и зачитал приказ полкового комитета. По необычной тишине, по ликующим лицам стрелков можно было догадаться — все готовы к походу на Венден. Когда Фабрициус громко произнес:

— Да здравствует социалистическая революция и ее великий вождь Владимир Ильич Ленин, — прокатилось по рядам, загрохотало по лесу могучее, радостное «ура». Впервые этот вдохновляющий клич шел из глубины солдатских сердец и лился широко и свободно, как река в полноводе. Кто-то выстрелил в небо и все тоже подняли винтовки.

— Отставить! — распорядился Фабрициус. — Берите патроны, товарищи. Они нам еще пригодятся...

Стрелки исполнили пролетарский гимн «Интернационал», знаменчик развернул полковое знамя, и полк двинулся на Венден. Разбухшая от дождя дорога засасывала сапоги. Повозки соскальзывали в канавы. На помощь лошадям приходили стрелки.

Примерно на полпути полку встретился представитель Искосола эсер Белоус.

— Стойте, изменники! — кричал он. — Вы предали родину. Открыли фронт немцам...

— Не вопите, господин Белоус, — спокойно сказал Фабрициус. — На наших позициях стоят сибиряки. Они сменили нас и дали слово биться до последней капли крови и ни одной пяди земли не отдать врагу. Земля-то теперь наша, советская. Не размахивайте руками, мы не из пугливых.

— От имени армейского комитета я требую, чтобы полк немедленно вернулся на позиции, — громко произнес Белоус.

— Приказам ставленников Керенского мы не подчиняемся! — воскликнул Фабрициус. — Мы выберем новый армейский комитет, который будет защищать интересы пролетарской революции.

Белоус хотел еще что-то сказать, но знаменщик шагнул вперед, плечом толкнул его с дороги, и латышские стрелки двинулись дальше...

... 27 октября 1917 года 1-й латполк, а за ним и 3-й латполк с развернутыми красными знаменами и под звуки «Интернационала» вступили в город Венден.

Вечером состоялось совещание Исполнительного Комитета латышских стрелковых частей. Председательствовал уроженец Либавы (Лиенаи), большевик Семен Михайлович Нахимсон.

Доложив о походе стрелков на Венден, Фабрициус предложил ускорить занятие важнейшей узловой станции — Валка, где находился контрреволюционный штаб XII армии.

— Если мы не вскрыем гнойник в Валке, генерал Юзефович бросит на Петроград «батальоны смерти» и всю семнадцатую кавалерийскую дивизию. Малей-

шее промедление равносильно предательству, — говорил Фабрициус. — Надо немедленно захватить Валку и арестовать штаб XII армии. Мы должны отнять у Керенского и его прислужников всех солдат. Всех до одного!

Было принято решение вызвать с фронта латышские стрелковые полки и занять Валку.

Поздно вечером Нахимсон огласил Манифест Военно-Революционного Комитета XII армии. В нем говорилось:

... «Товарищи солдаты и рабочие! Настал роковой час. Началась борьба за переход власти в руки народа. Временное правительство богачей сбросило маски — оно наносит первый удар революционным организациям народа, оно стремится лишить народ завоеванных им прав, оно хочет утопить революцию в крови рабочих и солдат. Первым поднялся красный Петроград. На его улицах вновь льется кровь наших братьев — солдат и рабочих, которые умирают в борьбе за лучшее, более светлое будущее, восстав против эксплуататоров-капиталистов. Мы должны оказать помощь этим революционным борцам народа, они не должны сомневаться в нас. Нужны не слова, а дела.

Петроград находится в руках Военно-Революционного Комитета, цель которого — упорная борьба против контрреволюции. Среди нас не должно быть предателей. Ни один солдат XII армии не должен быть послан в Петроград для постыдного «усмирения народа». Это было бы братоубийством¹.

Манифест был размножен и роздан солдатам. В нем была выражена главная задача армейских

¹ Газета «Правда» № 174, 13 ноября 1917 г.

большевиков — завоевать многотысячные массы окопников, отстают колыбель пролетарской революции — Красный Петроград.

В это время в Валке Искосол и меньшевики организовали свой комитет «спасения» Родины и района XII армии. 27 октября по городу были расклеены контрреволюционные воззвания искосолец.

В ответ на это Валкский Военно-Революционный Комитет распространил следующую листовку:

«К сведению революционной демократии.

Настоящим объявляется, что по соглашению с Петроградским Военно-Революционным Комитетом защиты Советского Правительства организовался Валкский В. Р. Комитет. В него входят представители следующих организаций: СД (большевиков) Латвии, Валко-Руенской организации, военной организации XII армии, Исколата и представители всех местных воинских частей (русских). Предлагаем помимо В. Р. Комитета не предпринимать активных выступлений. Предлагаем не выполнять явно контрреволюционные приказы (например, приказы об усмирении революционного движения пролетариата или об аресте представителей революционных организаций). Обо всех мероприятиях контрреволюционеров предлагаем немедленно сообщать дежурному члену В. Р. Комитета — Большая Кузнечная № 5, рабочий клуб «Пламя» во всякое время дня и ночи.

Товарищи! Следите, чтобы темные силы контрреволюции не возбуждали брата против брата: все, как один, на защиту Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Петроградского Совета.

Да здравствуют петроградские революционные солдаты и рабочие!

Да здравствует третья рабоче-крестьянская революция России!»

Тревожная обстановка в Валке требовала решительных действий. Ян Фабрициус был одним из руководителей похода 6-го латышского и 436-го новоландского полков на город Валк. Перед выступлением во всех полках были проведены митинги. Командиры распорядились о приведении в боевую готовность оружия. Срочно была отремонтирована обувь и обмундирование, перекованы лошади.

Как рассказывает в своих воспоминаниях Фабрициус — «Железнодорожный состав, потребованный для погрузки и отправки 6-го латышского полка, Викжелем¹ подан не был. Свой отказ Викжель объяснил соблюдением строгого нейтралитета. В действительности, состоя исключительно из правых эсеров и меньшевиков, он всецело стоял на стороне штаба XII армии и Керенского».

Было принято решение направиться на Валк походом.

Головной 6-й стрелковый полк двинулся к Валку 5 декабря 1917 года в полной боевой готовности — с артиллерией и обозом. Шли по шоссе на дороге. По пути занимали все железнодорожные станции, воинские эшелоны разгружали. Весь участок от Вендена до Валка перешел в руки стрелков.

Ожидали, что в 18 километрах от Валка придется вступить в бой. Но, как указывает Фабрициус, «штабу XII армии — спалось спокойно. Штаб XII армии и охрану штаба — «батальон смерти» полк застал

¹ Викжель — Всероссийский Исполнительный Комитет железнодорожного союза, существовавший в августе—декабре 1917 года и являвшийся одним из центров мелкобуржуазной контрреволюции.

спящими. Все были захвачены врасплох и обезоружены.

Геройский переход 6-го латышского полка и арест штаба XII армии предотвратил посылку на Петроград «ударных батальонов смерти».

Председатель армейского Комитета XII армии Кучин, находящийся в Гатчине, ярый меньшевик, бывший артиллерийский поручик, не знал, что телефон и телеграф заняты, и все время передавал на Рижский фронт ложные информации о том, что восстание большевиков подавлено, а Керенский с Временным правительством вернулся к власти и находится в Петрограде.

Мы задерживали эти сведения. Солдатам передавали сводки, получаемые нами из Смольного, из штаба Ильича¹.

Для Фабрициуса и его товарищей по партии наступило время напряженной работы, бессонных ночей, беспощадной борьбы с явными и тайными врагами молодой Советской Республики. В дни подготовки к Чрезвычайному армейскому съезду XII армии Фабрициус выступал на митингах и собраниях, подбирая верных партии людей, учил их благородному делу — большевистской агитации.

15 ноября 1917 года был созван Чрезвычайный съезд XII армии. На нем был избран новый Исполнительный Комитет Совета Солдатских депутатов. В его состав вошло 48 большевиков. Эсеры и меньшевики, организовавшие «социалистический блок», получили только 12 мест. Председателем Исполнительного Комитета был избран комиссар латышских стрелковых полков большевик С. М. Нахимсон.

¹ Я. Фабрициус, «Латышские стрелки и Октябрь». Журнал «Военный вестник» № 41, за 1927 год.

Съезд обратился с приветствием к Советскому Правительству. В нем говорилось:

«Чрезвычайный армейский съезд XII армии приветствует Совет Народных Комиссаров, Рабочее и Крестьянское правительство, призванное волею большинства трудящихся масс во главу борьбы за защиту кровных интересов, насущных нужд пролетариата и крестьянства. Неописуемый восторг овладел нами, когда, наконец, долгожданный переход власти в руки Советов совершился. Краса и гордость русской революции, Красный Петроград, балтийские моряки и кронштадтцы, заплатившие тысячами жизней своих борцов в перевороте, да будет вам и нам утешением то, что мы этой кровавой ценой добились, наконец, власти.

Нет сомнения, что борьба за мир, землю и хлеб в надежных руках. Народные комиссары, ваши шаги, Декрет о Земле и Мире, которыми вы высоко подняли Знамя борьбы трудящихся масс против их поработителей и объявили войну всем нашим врагам, лишний раз доказали нам, что только власть Советов может укреплять и развивать победы революции. Тяжелое бремя возложено на вас волею пролетарско-крестьянской революции, но в этой борьбе с вами все окопники XII армии. Измученные голодом, холодом и кровавой 4-хлетней бойней, мы, однако, гордо заявляем, что гигантской силой, страшной волной сметем с лица земли всех тех, кто станет препятствием Правительству Советов в святом деле борьбы за мир, землю и хлеб. Да здравствует власть Советов! Да здравствуют народные комиссары во главе с нашим старым испытанным борцом Лениным!»¹

¹ Т. Драудин. Рижский фронт в октябре. Факты и документы. «Стрелник». Москва, 1922 год.

Армейские большевики одержали решающую победу. Съезд решил сформировать из самых стойких и преданных советской власти стрелков отдельный отряд и послать его на защиту сердца Революции — Смольного.

Вскоре стрелки сводного отряда присягнули на верность Советской Республике и выехали в Петроград. Вслед за ними в личное распоряжение Владимира Ильича Ленина был отправлен 6-й Тукумский стрелковый полк.

На Чрезвычайном армейском съезде Ян Фабрициус был избран в состав Исполкома и на первом же заседании утвержден в должности товарища председателя по крестьянской секции.

ВОЕННЫЙ КОМИССАР

Латышские стрелки выбрали Яна Фабрициуса делегатом на III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Глубоко взволнованный высоким доверием, Фабрициус заверил боевых друзей, что с честью выполнит все их наказы, и выехал в Петроград. В душе, переполненной пассажирами теплушке Фабрициус с радостью думал о том, что на съезде увидит вождя партии, Председателя Совета Народных Комиссаров Владимира Ильича Ленина и встретится со старым знакомым по сибирской ссылке Председателем ВЦИК Яковом Михайловичем Свердловым.

В Петрограде не только рекламные щиты, но и выборы были заклеены декретами, воззваниями, объявлениями. Фабрициус решил прежде всего побывать в Смольном, ведь товарищи, с которыми он ходил в штыковые атаки, теперь охраняют штаб Октября. Там руководителя партии...

... Съезд Советов открыл Яков Михайлович Свердлов. Зорко всматриваясь в зал, выслушал апло-

дисменты, позвонил в колокольчик и предложил спеть Интернационал.

Сводный оркестр балтийских моряков поднял сверкающие трубы. Все делегаты встали. Велнчаво, торжественно прозвучал партийный гимн в Белоколонном зале Таврического дворца.

Наблюдая за делегатами, Фабрициус невольно подумал о том, как круто изменилась жизнь. Ведь совсем недавно в этом старинном прекрасном дворце заседали отяжелевшие от сановой важности «влиятельные деятели» Государственной думы и равнодушно узаконивали грабеж, эксплуатацию трудового народа. А сейчас здесь собрались рабочие, крестьяне, солдаты, матросы, ученые — строители новой, счастливой жизни.

Слушая выступления ораторов на съезде, делегат латышских стрелков торопливо делал пометки в записной книжке, рассчитывая обо всем, что видел и слышал, рассказать товарищам по оружию. Особенно запомнилось выступление балтийского матроса, героя октябрьского восстания Анатолия Железнякова. Не спеша он поднялся на трибуну. В своей спокойной речи Железняков выразил заветную думу всех делегатов:

— У революционной армии и флота, у всех «черно-рабочих революции» еще не заржавели винтовки и не иссякли силы, чтобы довести революцию до конца и одержать окончательную победу над капитализмом.

Железняков рассказал о том, как по велению Советской власти было распушено враждебное народу Учредительное собрание.

От имени революционного Красного Петрограда приветствия съезду передал городской голова, старый революционер, верный сын большевистской партии Михаил Иванович Калинин.

На следующий день Фабрициус впервые увидел Ленина. Владимир Ильич появился в зале, когда Я. М. Свердлов зачитывал декларацию Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. По рядам волной прокатилось волнующе-радостное «Ленин, Ленин» — и все сразу же встали и дружно, горячо зааплодировали. Смущенный долго несмолкающей овацией, Ильич махнул рукой Свердлову и сел где-то в первом ряду.

И потом, когда Ленин выступал с докладом о деятельности Совета Народных Комиссаров, делегаты так тепло и взволнованно приветствовали его, что он долго не мог начать речь, улыбался, озабоченно потирал широкий, могучий лоб, прищурясь, всматривался в счастливые лица делегатов. Все невольно подались вперед, чтобы лучше рассмотреть, до конца жизни запомнить дорогие ленинские черты.

В зале было очень тихо. Делегаты, затан дыхание, слушали отчет своего Правительства о строительстве социалистического государства. Громом аплодисментов делегаты подтвердили свою готовность вести беспощадную классовую борьбу с теми, кто мешает строить новую жизнь.

Глубоким предвиденьем и могучей силой была наполнена вдохновенная ленинская речь.

«...Смотря на фронт гражданской войны в России, — говорил В. И. Ленин, — мы можем с полной уверенностью сказать: тут победа Советской власти полная и совершенно обеспеченная. И победа этой Советской власти, товарищи, достигается тем, что с самого начала она стала осуществлять исконные заветы социализма, последовательно и решительно опираясь на массы, считая своей задачей самые угнетенные, забытые слои общества пробудить к живой жизни.

поднять к социалистическому творчеству. Вот почему старая армия, армия казарменной муштровки, пытки над солдатами — отошла в прошлое. Она отдана на слом, и от нее не осталось камня на камне»¹.

Фабрициус казался, что Ленин говорит о нем и о его счастье. И старая женщина, рассказавшая в вагоне Владимиру Ильичу и его спутникам о добром солдате, который не только не отобрал у нее хворост, но еще прибавил дров в визанку, оказалась похожей на мать. Грета Фабрициус тоже боялась ходить в лес барона Бера и даже за лекарственными травами бегала тайком в канун праздника Лиго. Отныне трудовому народу не надо бояться человека с ружьем. Он защищает их интересы.

В этот памятный день Фабрициус твердо решил — он будет служить в Красной Армии, среди тех военных специалистов, о которых так хорошо сказал Ленин:

«... В первый раз в истории всемирной борьбы в армию вступили элементы, которые несут с собой не казенные знания, но которыми руководят идеи борьбы за освобождение эксплуатируемых. И когда начатая нами работа будет окончена, Российская Советская Республика будет непобедима»².

15 января на съезде с докладом по национальному вопросу выступил Иосиф Виссарионович Сталин.

Большой зал Таврического дворца был переполнен — влились делегаты 3-го Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. Представители всех народностей с исключительным единодушием одобрили доклад Народного Комиссара по делам национальностей И. В. Сталина и приняли предложенную им

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 420.

² В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 421.

резолуцию о федеральных учреждениях Российской республики.

Делегаты 3-го Всероссийского съезда Советов приняли также резолюцию, одобряющие политику ВЦИК и Совнаркома, утвердили историческую «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», а также декреты о независимости Финляндии и Армении.

На заключительном заседании съезда были оглашены результаты выборов в Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Первым был назван Ленин, затем его ученики и соратники — Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, Ф. Э. Дзержинский...

Делегат от латышских стрелков внимательно слушал и запоминал фамилии и невольно вздрогнул, когда с трибуны назвали:

— Фабрициус.

«Член правительства, какая огромная честь, — подумал Фабрициус. — Как много и упорно нужно работать, чтобы оправдать такое высокое доверие».

В тот же день Фабрициус узнал о том, что он введен в состав расширенного пленума ВЦИКа и назначен на работу в военную секцию. Наступили дни напряженной работы по формированию молодой Красной Армии. Митинги, заседания, подготовка рабочих отрядов. Каждая минута на учете. Выполняя задания и поручения Я. М. Свердлова, встречаясь повседневно с вождем партии В. И. Лениным, член ВЦИК — Ян Фабрициус учился у них большевистской принципиальности, бдительности, преданности интересам трудового народа.

Фабрициус был не только свидетелем, но и активным участником борьбы партии с врагами советской власти, за мир. В конце января и в феврале он часто

выступал на заводских митингах с докладами по текущему моменту, разъяснял ленинскую позицию по вопросам войны, мира и строительства Красной Армии.

Враги Советского государства стремились во что бы то ни стало сорвать мирные переговоры, спровоцировать наступление немецких полчищ и поставить под удар завоевания рабочих и крестьян России. Их союзниками в этом черном деле оказались Троцкий и его сподручный Бухарин, который вместе с Радеком и Пятаковым, с целью маскировки, возглавлял враждебную партии группировку, именовавшую себя группой «левых коммунистов». Троцкий и «левые коммунисты» повели внутри партии ожесточенную борьбу против Ленина, требуя продолжения войны.

10 февраля 1918 года Троцкий, нарушив прямые директивы большевистской партии, прервал мирные переговоры в Брест-Литовске.

Германское правительство нарушило перемирие и бросило хорошо обученные и вооруженные войска в наступление по всему русскому фронту, чтобы свергнуть советскую власть и превратить первую Республику рабочих и крестьян в свою колонию.

22 февраля по всему Петрограду был расклеен декрет Совета Народных Комиссаров «Социалистическое Отечество в опасности». В нем говорилось:

... «Священным долгом рабочих и крестьян России является беззаветная защита республики Советов против полчищ буржуазно-империалистической Германии»¹.

На ночном заседании ВЦИКа 24 февраля 1918 года с докладом о предложенных немцами условиях мира выступил В. И. Ленин. После ожесточенной борьбы с троцкистами, «левыми коммунистами», меньшевиками,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 13.

эсерами и анархистами — победили большевики-ленинцы. ВЦИК поименным голосованием постановил принять предложенные немцами условия и мир с Германией заключить.

Фабрициус был счастлив, что голосовал за предложение В. И. Ленина. В ту историческую ночь, преврав истерические речи зиновьевцев, перенуганных наступлением немцев, В. И. Ленин предложил выслушать мнение военных специалистов по вопросу обороны Красного Петрограда.

Первым попросил слова Фабрициус. Кто-то из «левых коммунистов» фыркнул: «тоже специалист нашлся». Фабрициус резко выпрямился и заговорил, с трудом сдерживая ярость:

— Здесь кто-то хихикает, выражая сомнение в моей военной подготовке. Я сын батрака и, к сожалению, военной академии не кончал. Но я прошел фронтную трехгодичную школу и по опыту знаю, что, отсиживаясь в обороне, врага не победишь. Надо идти в поле. Революция должна сохранить за собой боевую инициативу. Здесь кое-кто предлагает укреплять Таврический дворец, прятаться в закоулках. Это удел трусов и предателей. К массам, в поле, в открытый бой — вот наша тактика. Военные работники ВЦИКа должны взять на заводах рабочие отряды и немедленно выехать на передний край. Владимир Ильич, прошу Вас отправить меня на любой участок Петроградского фронта...!

Предложение Фабрициуса было горячо поддержано Подвойским и Еремеевым. В своих воспоминаниях «Красная Армия всех сильнее!» Фабрициус, рассказывая об этих тяжелых днях, писал:

¹ «Четире ордена Яна Фабрициуса» — журнал «Огонек», 1929 г., № 35 (336).

лю женам и детишкам, по земле. Но не пришло еще время расходиться по домам. Надо выгнать чужеземцев, восстановить нашу родную Советскую власть. Перед нами древний Гдов, захваченный белой бандой. От имени Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, от имени Ленина призываю вас, товарищи, присоединиться к отряду красногвардейцев и освободить Гдов.

Снова окинул взглядом солдат и громко продолжал:

— Кто хочет вступить в ряды родной Рабочей Крестьянской Красной Армии, — поднимите руки.

— Все, как один! — воскликнул Блинов, восхищенно осматривая строй. — Капорцы — народ дружный, воевать умеют...

— Вот это мы проверим на деле, — улыбнулся Фабрициус, и, не теряя даром времени, отдал приказ о наступлении на Гдов.

... Вечером того же дня Военный Комиссар Фабрициус телеграфировал:

«Редакции газеты «Правда».

«Гдов освобожден от белогвардейцев. Бывший городской голова, руководитель местной буржуазии, арестован... К нашему отряду изъявила желание присоединиться еще одна рота из оставшихся войсковых частей».

В Гдове Фабрициус прежде всего создал партийную организацию и провел выборы в уездный совет. Из разоруженных двух эскадронов бывшего 2-го кавалерийского полка военный комиссар пограничной охраны Гдовского района сформировал конный партизанский отряд. Все местные сапожные и пошивочные мастерские были мобилизованы на ремонт красноармейской обуви и обмундирования.

На третий день после освобождения Гдова, утром, примчался на лошади крестьянин из-под Самолвы и рассказал о том, что через горловину между Чудским и Псковским озерами переправилось «видимо-невидимо» немцев, и вручил Фабрициусу пакет. Это было донесение командира пограничного партизанского отряда, в котором говорилось, что имея в строю всего 50 сабель, он не в силах дальше сдерживать неприятеля и просит срочно прислать подкрепление.

Фабрициус поблагодарил крестьянина и попросил передать его землякам, что берег Чудского озера в тот же день будет очищен от неприятеля.

Когда захлопнулась дверь, Фабрициус распорядился о посылке разведчиков в район Самолвы. Присев у стола, быстро подсчитал силы. Из отряда Блинова он может взять конную разведку. Придется ввести в дело только что сформированный конный отряд братьев Новиковых. Всего можно набрать 135—140 сабель. А немцев «видимо-невидимо»... Значит, надо победить не числом, а умением.

Братья Новиковы, красногвардейцы Путиловского завода, быстро поняли боевую задачу. Поставив станковые пулеметы на легкие сани, объединенный конный отряд выехал в Самолву. Ехали рысью, не отдыхая. Командир пограничного отряда встретил Фабрициуса на окраине деревни и доложил обстановку. Осмотрели деревню. На пригорке стоял большой каменный дом купцов Захаровых. Фабрициус решил использовать его как своеобразную крепость. В нем были установлены три пулемета и пять — системы Льюиса. Решили впустить немецкий отряд в деревню и расстрелять сосредоточенным пулеметным и ружейным огнем. Для удара с тыла и преследования Фабрициус поставил в рощу у деревни полсотню конников.

На рассвете немцы вошли в Самолву. Когда весь отряд в 500 сабель втянулся в узкую длинную улицу деревни, пулеметчики открыли огонь в упор. Без промаха били из карабинов красновардейцы, окопавшиеся в огородах. Почти весь вражеский отряд был уничтожен. Немногим всадникам удалось вырваться из огневого мешка, но и те были перехвачены и взяты в плен конным отрядом, находившимся в засаде. Среди пленных офицеров оказались два капитана в русской форме — бароны Энгельгардт и Вальтер, переметнувшиеся на службу к немцам.

Возвратившись в Гдов, Фабрициус узнал, что дом купца Ильина, приспособленный под штаб, неожиданно сгорел. «Кругом враги», — с горечью подумал Фабрициус. — Отрезаны от всего мира. Единственная связь — самолет.

Трудно вести работу, если нет руководящих указаний с центра, когда не приходят даже газеты, а главное — не имеешь надежных помощников, опытных партийных работников. Кулаки и спекулянты, бывшие приставы и урядники пролезли в Советы и срывают проведение в жизнь декретов правительства.

Фабрициус обращается с подробными докладами в Петроград, просит прислать преданных партийцев и как можно больше политической литературы. Не получив ответа, посылает доклад в Москву.

При осуществлении декретов советской власти, решений коммунистической партии военный комиссар Фабрициус опирается на красновардейцев-путиловцев, на деревенскую бедноту. С их помощью проводит первый уездный съезд Советов и очищает Исполком от тайных врагов, организует совещание рыбаков Чудского побережья и переправляет с ними революционные листовки для немецких солдат, отбирает зерно у

кулаков и направляет обозы с хлебом в голодающий красный Питер. Фабрициус беспощадно расправляется с врагами советской власти — бывшим городской головой Бояриновым, купцом Брагинским и Свешниковым, медсестрой-шпionкой Борисовой.

В апреле в Гдов приехал большевик-путиловец Никитин. Его единогласно избрали секретарем уездного комитета партии. 13 апреля прибыл долгожданный военный руководитель, бывший полковник Васильев. Он оказался прекрасно знающим военное дело социалистом, преданным советской власти. Вместе с ним Фабрициус укомплектовывает и укрепляет Гдовский стрелковый полк, конный отряд, артиллерийскую батарею.

Революционное чувство бдительности помогает Фабрициусу отличать друзей от врагов. В начале июня начальник Чудской озерной флотилии Самович сообщил Фабрициусу, что он отстранен от должности и отныне является «помощником по хозяйственной части у бывшего капитана второго ранга Д. Д. Нелидова». Эта фамилия была знакома Фабрициусу. В конце апреля ему довелось допрашивать бежавших из Пернова (Пярну) офицеров — поручика Тронцкого и штабс-капитана Дмитриевского. Они показали, что на квартире у купца Лейтмана проживал некий капитан второго ранга Нелидов, который выдал немцам секретный план минных заграждений на Балтийском море и получил за это вагон награбленного добра. 15 апреля Нелидов погрузил свои пожитки на пароход и куда-то выехал из Пернова. Обо всем этом Фабрициус доложил в Петроград Зиновьеву и в штаб армии в Гатчину — Парскому. И вот они же присылают в чудскую флотилию немецкого шпionа. Что это — короткая память или преступление?

На следующий день Фабрициус вызвал к себе Нелидова для личной беседы. Без особого труда удалось установить, что именно это и есть тот Нелидов, выдавший немецкой разведке военную тайну. Фабрициус сразу же написал в Народный Комиссариат по военным и морским делам, требуя отстранения Нелидова от должности и предания суду военного трибунала.

В конце июня 1918 года Фабрициус выехал на совещание военных комиссаров в Москву. Пользуясь его отсутствием, Нелидов поехал в штаб армии к военспецу Парскому и договорился с ним о разоружении Чудской флотилии и передаче пароходов в распоряжение рыбного отдела Петроградского Совета.

Узнав об этом, Фабрициус немедленно написал рапорт, в котором требовал:

«...Находя указанные проступки гражданина Нелидова и его поведение в Пернове изменой Родине, я прошу Вас, товарищ, принять самые экстренные меры к его удалению от должности и распоряжения о самом строгом расследовании этого дела. Считаю недопустимым и преступным назначение высшими штабами лиц на такие ответственные посты, не запросив местные штабы и не наведя справок о нравственной и политической физиономии назначаемых...»¹.

На следующий день Фабрициус с командиром 26 стрелковой бригады Васильевым выехали в Раскопель, арестовали Нелидова и направили его вместе с обличающими документами в Москву.

Прошло три недели. Фабрициус проводил в штабе совещание с комиссарами полков и отдельных отрядов.

¹ Центральный Государственный архив Красной Армии. Дело 28, лист 186.

Неожиданно дверь распахнулась, вошел Нелидов и, положив перед Фабрициусом пакет, усмехнулся:

— Не горячитесь, комиссар! Вот распоряжение от Троцкого.

Фабрициус вскрыл конверт, быстро прочел письмо и не поверил самому себе. Троцкий писал о том, что Д. Д. Нелидов был командирован в Пернов начальником высшего морского штаба Шацким¹, что о нем имеются хорошие отзывы и что Нелидов, мол, неспособен на предательство. Указав на логически обоснованные действия морского специалиста Нелидова, Троцкий указывал, что никто без его личного разрешения не имеет права арестовать начальника Чудской озерной флотилии Д. Д. Нелидова.

Официальный бланк, печать — и все-таки не верится, что шпион, прохвост Нелидов на свободе и снова на должности начальника флотилии. И невольно напрашивается вывод: Троцкий — враг Советской власти, еще более страшный предатель, чем Нелидов. С трудом сдерживая ярость, Фабрициус сказал Нелидову:

— У русских людей есть поговорка — «Ошибающихся исправляют, предателей уничтожают». От этого вас не спасут и бумажки Троцкого, капитан второго ранга Нелидов. Идите...

До конца совещания Фабрициус не мог сосредоточиться, подавить возмущение. Слушал выступающих, давал советы, но из головы не выходила мысль о том, что преступления Нелидова прикрывает Троцкий. Он же покровительствует бандиту и мародеру Булак-Балаховичу, который после личной беседы с Троцким в Москве изгнал из своего конного партизанского

¹ Шацкий — бывший адмирал царского флота, расстрелянный за измену Советской Республике.

полка военного комиссара. При вызове к Фабрициусу «батяка» Булак-Балахович нагло заявил:

— Трокский разрешил мне воевать без партийного контролера. Я кровью заслужил доверие...

В Лужском уезде Балахович ведет себя как удельный князь. Процветают пьянство и грабежи. В банду Балаховича стекаются все, кто ненавидит советскую власть. Командиром дивизиона у него служит сотник Перемыкин, сын золотопромышленника, выдающий себя за революционера.

Вскоре после совещания Фабрициус получил срочную телеграмму. В ней предлагалось «Чрезвычайному военному комиссару Луга—Торошино—Гдовского района немедленно выехать для подавления кулацкого восстания барона Фредерикса».

«Вот и голубой барон вылез на сцену, — подумал Фабрициус, разбирая документы на письменном столе. — Да еще какой, племянник бывшего министра императорского двора».

Вечером военный комиссар собрал у себя в штабе партийно-советский актив Гдова. Пришло более 30 человек, а ведь три месяца назад в городе было всего два коммуниста. С отрядным сознанием исполненного долга военный комиссар Фабрициус рассказал активистам о задачах текущего момента, о белосеровских мятежах в Москве и Ярославле, о заговоре стран Антанты против молодой Советской Республики и о высалке оккупационных войск в Мурманске. Напомнив коммунистам о мародерских набегах на Чудское побережье немецких отрядов, о кулацких восстаниях, сделал вывод:

— Будьте в постоянной боевой готовности. Нас партия поставила на линию огня. Надо собрать все силы и разгромить врагов и явных и тайных...

Рано утром Фабрициус с небольшим отрядом выехал в Лугу. Центром кулацкого восстания были Струги Белые. Кулаки и дезертиры нападали внезапно, жгли волисполкомы, школы, дома сельских активистов. При появлении красноармейских отрядов уходили в леса. Фабрициус решил прежде всего поймать главаря банды Фредерикса. Опрошив крестьян-бедняков, военный комиссар узнал, что барон ночует в своем имении, в 18 километрах от станции Струги Белые.

Ночью маленький отряд красноармейцев окружил имение и в спальне захватил Фредерикса. При обыске в имение был обнаружен склад немецких винтовок и патронов. Фабрициус направил барона Фредерикса под конвоем в Петроград, где тот был осужден и расстрелян.

Потеряв главаря, бандиты присмирели. Отряд Фабрициуса прочесал леса. Выловить кулаков и дезертиров помогли крестьяне бедняки.

После ликвидации кулацкого восстания Фабрициус переехал в Лугу и приступил к формированию воинских частей. Перед ним штаб VII армии поставил новую, более сложную задачу — освобождение Пскова и Прибалтики от белогвардейцев и немецких оккупантов. Фабрициусу удалось установить связь с псковскими коммунистами-подпольщиками и постоянно переправлять им через крестьян, ездивших в город и на базар, революционные прокламации, листовки, газеты, оружие.

В сражении за Псков Фабрициус возлагал большие надежды на Чудскую озерную флотилию. Связался с Самовичем. Тот сообщил, что Нелидов, еще недавно требовавший разоружения флотилии, сейчас усиленно комплекзует команды пяти пароходов и девяти катеров.

Из Кронштадта привез изгнанных из флота офицеров и матросов. Спаивает моряков.

Фабрициус решил написать личное письмо Ленину. Рассказать об истории с Нелидовым, о преступлениях Булак-Балаховича, на которого за последнее время поступило несколько жалоб от ограбленных им крестьян. Пусть Ленин узнает о предательстве Троцкого.

Собрал необходимые материалы и документы. Предупредил связного, что будет занят весь вечер, и сел писать. Через 15 минут позвонили с телеграфа и сообщили, что в Москве стреляли в Ленина.

Фабрициус побежал на телеграф. Оцепенев, сжав виски ладонями, сидел несколько часов и смотрел на извивающуюся белую ленту. Наконец передали Обращение ВЦИКа в связи с покушением на Председателя Совнаркома В. И. Ленина. Прочитав о том, что «по выходе с митинга, товарищ Ленин был ранен», Фабрициус воскликнул:

— Жив, жив! Вот и легче дышать стало. Ленина вылечит любовь народная!

Фабрициус направился в воинские части. Спешил провести митинги, рассказать, почему враги так ненавидят Ленина, и призвать бойцов к суровой и трудной борьбе со всеми врагами партии, за родную советскую власть.

— Эсерка Каплан знала, что, целясь в Ильича, она целится в сердце революции, — взволнованно говорил Фабрициус. — На удар ответим тройным ударом. Очистим Псков от оккупантов и белогвардейцев. Товарищи красноармейцы! Нас ждут истомленные в неволе города Латвии и Эстонии. Освободим Прибалтику от врагов трудового народа. Смерть бандитам, посягнувшим на наше счастье!

Да здравствует любимый Ильич! Да здравствует родная советская власть!

В ответ грохотало, неустойчивой волной плыло могучее красноармейское «ура!». Фабрициус чувствовал — бойцы готовы к бою. В марте в Гдовском полку было лишь 600 бойцов, а сейчас налицо 2500 штыков, 48 пулеметов, 6 орудий. На станции Торошино стоит бронепоезд «Красный филиалец». В учебные атаки ходят присланные из Петрограда два конных эскадрона. Прибывают новые части...

Фабрициус знал также, что и враги, не теряя времени, собирают силы. В Пскове белогвардейцы сформировали «добровольческую» северную армию для борьбы с большевизмом. Темной октябрьской ночью, перебив коммунистов, увел в Псков пароходы Чудской озерной флотилии предатель Нелидов. Вслед за ним изменил советской власти ставленник Троцкого батька Булак-Балахович. У себя в штабе, в Стругах Белых, он оставил на имя Фабрициуса записку. В ней нагло признался:

«... Усмирение крестьян проводилось нами жестоко и беспощадно, но сознательно, по соображениям высшей политики, дабы довести ненависть к большевикам до озверения...»

В начале ноября 1918 года произошли перемены в Германии, коренным образом изменившие положение на фронтах гражданской войны в России. 9 ноября было свергнуто правительство кайзера Вильгельма. Революция в Германии облегчила положение Советской республики, дала возможность аннулировать грабительский Брест-Литовский мирный договор и новости открытую борьбу за освобождение Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии, Украины, Крыма и

Закавказья от гнета германских империалистов и их сообщников.

После поражения Германии в мировой войне страны Антанты развернули в более широких масштабах открытое военное нападение на Советскую Россию, усилили интервенцию и блокаду. Американско-англо-французские интервенты целиком подчинили своему влиянию все контрреволюционные силы в России. К ним незамедлительно переметнулись на службу и буржуазные националисты Литвы, Латвии, Эстонии, Белоруссии, Украины, Крыма и Закавказья, которые до того времени преданно служили германским империалистам.

Страны Антанты, подписывая в ноябре 1918 года перемирие с Германией, потребовали от вновь сформированного буржуазного правительства, чтобы оно не выводило свои войска из Прибалтики, Белоруссии и Украины, рассчитывая использовать австро-германские вооруженные силы против трудового народа, поднявшегося под руководством коммунистов на решительную борьбу за установление родной советской власти. Бывшие враги стали союзниками в боях против молодой республики рабочих и крестьян.

Но немецким солдатам надоело воевать, они стремились быстрее возвратиться на родину. В армии оккупантов началось брожение. Наступила благоприятная обстановка для наступления советских войск на белогвардейские позиции. 24 ноября 1918 года части Торошинского боевого участка, выполняя боевое задание Родины, с трех сторон ворвались в Псков. Используя внезапность, плохо вооруженные, еще не имевшие боевого опыта, но сильные духом и отвагой красноармейские полки разгромили белогвардейский корпус генерала Драгомирова, подготовленный к

походу на красивый Петроград. В первый день боя было взято в плен несколько тысяч солдат противника, сотни офицеров, среди которых были полковники и генералы. На реке Великой бойцы 49-го Гдовского полка захватили три парохода из Чудской озерной флотилии, нывезенных изменником Нелидовым. Уцелевшие белогвардейские части закрепились на восточной окраине Пскова, в деревне Кресты. Лобовые атаки красноармейцев были отбиты сильным пулеметным и орудийным огнем.

К Фабрициусу, руководившему боем, почти одновременно, подсказали два связанных от полков, действовавших на флангах.

Раненный в руку связной левофлангового полка подал записку от своего командира, в которой было всего три слова:

«Срочно прошу подкрепления».

То же самое передал и второй связной.

Фабрициус раздраженно покрутил свои длинные жесткие усы и твердо сказал:

— Передайте своим командирам: резервов нет и не скоро придут. Приказ надо выполнять своими силами.

Связные ускакали. Фабрициус вытащил карту, внимательно осмотрел квадрат Крестов. Если не взять этот клочок земли, победа превратится в поражение. Фабрициус порывисто выпрямился и увидел бегущего к нему связного от 49-го Гдовского полка Василия Петрова. Связной доложил, что полк три раза атаковал Кресты и не мог продвинуться ни на шаг.

Фабрициус передал повод своего коня Петрову и приказал:

— Облети всех командиров и передай им — наступление прекратить до моего особого распоряжения.

Связной ускакал. Фабрициус опустился на плоский камень и провел на карте вдоль Торошинского шоссе на Кресты длинную красную стрелу. Подозвал к себе Васильева и начальника штаба и сказал:

— Днем мы били по Крестам как бы растопыренными пальцами, вечером ударим огневым кулаком. На грузовые машины поставим стайковые пулеметы. Все орудия подтянем к Торошинскому шоссе. Обрушим на банду Балаховича ливень огня. Больше шума! Пусть думают, что мы бросили в бой дивизион броневиков.

— Замечательно! — воскликнул начальник штаба. — А кого мы посадим на эти грузовики? У нас нет в резерве ни одного бойца.

— Я сяду за пулемет головной машины, товарищ Васильев за второй, вы — за третий...

— Это же очень рискованно, Ян Фрицевич! — совсем другим голосом произнес начальник штаба. — Все-таки это грузовики, а не бронемшины.

— Есть хорошая поговорка — «Человек должен иметь сердце из стали, тогда у него может быть колечуга из дерева и он не испугается в бою». Подумайте об этой истине, — сердито сказал Фабрициус, круто повернулся к крошечному отряду охраны штаба и начальникам служб и приказал:

— Коммунисты, ко мне!

Их было немного, но он знал — на них можно положиться.

— Друзья мои, — горячо произнес Фабрициус, — пришла пора еще раз доказать свою верность партии. Сейчас все разойдитесь по частям. Поднимайте измученных бойцов на подвиг. Обязательно побеседуйте с командирами взводов и рот, с коммунистами и членами союза молодежи. Пусть все поймут, что если мы

итурмом не возьмем Кресты, враг соберет силы, ему помогут немцы и мы упустим верную победу. О сигнале атаки сообщу позже.

И коммунисты разошлись по частям. Сам Фабрициус направился в головной 49-й Гдовский полк. Провел короткий митинг. Лица бойцов Фабрициус не видел, но по тишине, по ровному, глубокому дыханию чувствовал — трудная боевая задача будет выполнена.

В назначенный час Фабрициус поднял руку и выпустил в сторону притихшей деревни одну за другой три красных ракеты. Шоферы завели машины и по сосновой роще покатились гулкий тревожный рокот. И сразу стало светлее от пламени орудий, от оранжевых вспышек на стволах пулеметов. Три минуты бушевал неистовый огонь. Деревню запылело густое темносерое облако. И вот совсем близко Фабрициус услышал зычный голос командира 49-го полка Блинова:

— За Советскую власть! За Ленина! Вперед!..

И покатились волной по всей цепи вдохновенное, могучее «ура!»

Фабрициус ударил кулаком по кабине, и грузовая машина помчалась по шоссе. Вот когда снова пригодился опыт, приобретенный в окопах войны. Фабрициус вел огонь короткими очередями, гасил пулеметные точки белогвардейцев на окраине деревни.

Услышав удаляющийся цокот копыт, выругался. Было досадно, что не удалось захватить изменника Булик-Балаховича: белые бежали в Эстония...

Прямо с поля боя Фабрициус поехал в госпиталь. Нашел главного врача и приказал:

— Займите лучшие дома. Мобилизуйте всех городских врачей. Имейте в виду — о каждом умершем будете докладывать мне лично. Немедленно составьте

список, что вам нужно, чтобы быстрее вернуть красноармейцев в строй. Нам дорог каждый боец, и мы выделим вам все необходимое...

А через полчаса Фабрицус уже беседовал с членами Революционного Комитета о самых неотложных делах. Всю ночь к нему приходили люди с жалобами, просьбами, советами. Очень хотелось спать, и Фабрицус трижды до пояса умывался водой. А утром четким, красивым почерком написал:

«Москва. Кремль.

Председателю Совета Народных Комиссаров В. И. Ленину.

Вчера вечером, 25 ноября с. г. в 16 часов 30 минут, доблестными красноармейскими частями Торошинского участка с боя взят город Псков.

Белогвардейские банды при дружном натиске частей разбежались.

В городе приступлено к восстановлению советской власти¹.

...Огромная радость охватила Псковщину. В гостиницу «Палермо», где находился штаб среднего боевого участка, хлынул поток телеграмм, подарков. Старобельский волостной совет прислал освободителям Пскова 60 пудов махорки.

— Вот кетати, вот молодцы! — воскликнул Фабрицус, узнав об этом. — Словно знали, что бойцам курить нечего.

Сел к столу и набросал телеграмму:

«Штаб Торошинского среднего боевого участка от имени красноармейских частей Псковского фронта сердечно благодарит вас за подарок... Товарищи

¹ Центральный Государственный архив Красной Армии, д. 175, стр. 476.

красноармейцы клянутся драться до последней капли крови за принципы, провозглашенные Великой Октябрьской рабочей и крестьянской революцией»¹.

Подарок крестьян очень взволновал Фабрицуса. Ведь эту махорку собирали по щепотке, по горстке. Их всех объединяло огромное чувство кровного родства с Красной Армией, готовность вместе с нею защищать самое дорогое — советскую власть.

28 ноября в Псков приехала делегация петроградских рабочих и на общегородском митинге вручила 49-му Гдовскому стрелковому полку почетное Красное Знамя и подарки героям-бойцам. Чрезвычайный военный комиссар Ян Фрицевич Фабрицус был награжден саблей в серебряной оправе.

¹ Центральный Государственный архив Красной Армии, д. 175, стр. 477.

ЗА СОВЕТСКУЮ ЛАТВИЮ

После освобождения Пскова части 7-й армии, действовавшей на Северо-Западном фронте, были разделены на три боевых участка: правый — Нарвский боевой участок, средний — Псковский и левый — Двинский. Наступая одновременно, части этих участков должны были освободить от немецких оккупантов и белогвардейцев Эстонию и Латвию.

Начальником среднего Псковского боевого участка был назначен Васильев, а комиссаром — Фабрициус. Перед ними была поставлена задача — «в кратчайший срок освободить от немцев и белогвардейцев район в пределах разграничительных линий: Ней-Раппин (Ряпин), Юрьев (Тарту), Феллин (Вильянди), Пернов (Пярну) — с севера, Остров, Пыталово, Альтшваненбург (Вецгулбене), Штокмансгоф (Плявиняс), Фридрихштадт (Яунелгава), Огер (Огре) и Рига — с юга»¹.

Приступив к выполнению боевого задания, Васильев

¹ Я. Фабрициус — «Исторические заметки о гражданской войне в Прибалтике». Журнал «Война и революция», кн. 12, 1928 год.

и Фабрициус разделили части Псковского боевого участка на три колонны.

Правую колонну возглавлял доблестный командир 49-го стрелкового полка Блинов. Ему было придано два эскадрона Питерского запасного кавалерийского полка и одна легкая батарея. Эти малочисленные части должны были овладеть городами Юрьев, Феллин и Пернов.

Средняя колонна, в составе 1, 4 и 6-го латышских стрелковых полков, бронепоездов «Атаман Чуркин» и «Красный финляндец», отряда броневиков «Коммунар», первого эскадрона 1-го запасного Питерского полка и одной легкой и одной гаубичной батареи, получила задание — освободить от противника станции и города Печору, Верро (Вьру), Валк, Вольмар (Валмиера), Зегевольд (Сигулду), Хинценберг (Инчукалс) и Ригу.

В левую колонну входили 8, 9, 10 и 12-й стрелковые Повгородские полки, бронепоезд «Огневой» и две батареи — легкая и гаубичная, которые должны были очистить от противника города и станции Остров, Пыталово, Альтшваненбург (Вецгулбене), Штокмансгоф (Плявиняс), Фридрихштадт (Яунелгава), Огер (Огре) и Ригу.

Разрабатывая боевые задания для каждой колонны, начальник и комиссар Псковского боевого участка выдержались в штабе до поздней ночи. Фабрициус не чувствовал усталости. Склонившись над картой, он с улыбкой рассматривал знакомые, волнующие сердце названия городов своей любимой родины — Латвии. Пришел час ее освобождения. Фабрициус представлял себе родной край и готовился к встрече со своими стариками, которых не видел вот уже пятнадцать лет.

Васильев трижды плотно провел по лицу ладонью, словно пытаясь стереть сон, сплюснутый тяжелые веки,

из кармана френча вытащил часы на массивной серебряной цепочке и поднес их к глазам Фабрициуса.

— План подготовлен, боевые распоряжения сделаны, теперь не грех и уснуть часика на два—три. Как вы думаете, Ян Фрицевич?

— Пора, пора. Ложитесь.

— А вы когда будете отдыхать?

— У меня хроническая бессонница, — скупо улыбнулся Фабрициус, снял накинутую на плечи шинель и накрыл легшего на койку Васильева.

На цыпочках вернулся к столу, на котором лежала крупная, исчерченная цветными карандашами карта. Внимательно осмотрел города, лежащие между двух разграничительных линий, и подумал о том, какой широкий коридор надо прорубить во вражеских позициях. А полки малочисленны, измотаны непрерывными боями. Сотни верст придется пройти под огнем хитрого, опытного, хорошо вооруженного неприятеля.

Вчера, 30 ноября 1918 г., в Псков из Арзамаса прибыли 1-й и 4-й латышские стрелковые полки. Фабрициус встречал фронтовых друзей на вокзале. Когда из теплушек донеслись знакомые слова «На устах наша песня боевая звучит», военного комиссара охватила такая радость, что он с трудом сдержал слезы. Песня нарастала, разливалась по городу, заставляла останавливаться прохожих.

В песню латышские стрелки вложил все свое ликование, — ведь они возвращались на родину. Их не страшили грядущие бои. Они прошли славную боевую школу, сражаясь под Могилевом и Рогачевом с белополяками корпуса генерала Довбор-Мусницкого, подавляли мятежные анархистские банды в Москве, громили белогвардейцев под Ижевском.

На вокзале Фабрициус провел митинг, рассказал о

текущем моменте, призвал стрелков к храбрости и стойкости в тяжелом освободительном походе на Ригу.

После бани стрелки двенадцать часов отдыхали и затем выступили в поход на Печору...

... И вот сейчас Фабрициус еще раз строго проверял, правильно ли расставлены силы в трех колоннах Псковского боевого участка, прикидывал, что нужно сделать для усиления партийных организаций, как с меньшими потерями выполнить боевое задание.

В комнату неслышно вошел ординарец, взглянул на койку и тихо на цыпочках шагнул к столу.

Фабрициус оглянулся, строго спросил:

— Чего тебе не спится, Гурьянов?

— Хорошую новость принес, товарищ комиссар. Берите красный карандаш, — и улыбающийся ординарец положил на карту телефонограмму.

В ней командир второго кавалерийского эскадрона сообщал, что станция и город Печора освобождены от неприятеля.

— По такому случаю надо бы пропустить по стаканчику, — причмокнул губами Гурьянов. — Да у вас не разживешься. Непостижимый вы для моего слабого разума человек.

— Ты чего разболтался? Я вот тебе «пропущу»...

— Это я от радости, товарищ комиссар. С волнением душевным жду, когда вы водрузите над Ригой Красное знамя труда.

— Водрузим, — улыбнулся Фабрициус. — Где это ты научился так гладко говорить?..

— С кем поведешься, от того и наберешься. На неделе шесть дней митинги слушаю. Скоро сам буду оратором...

Фабрициус, не спеша, старательно нарисовал над Печорами красный флажок. Под ним написал — 2. XII.

Ординарец, прищурив глаз, прикинул расстояние от Пскова до Риги и тихо сказал:

— Далеко нам нести этот флажок, товарищ комиссар. Верст триста, пожалуй, будет...

— Донесем. Новый год будем встречать в Риге.

Фабрициус прошелся по комнате, поднял сползшую с койки шинель, осторожно накрыл Васильева и, вернувшись к столу, уверенно повторил:

— Донесем...

... В первых числах декабря в состав 2-й латышской бригады влился героический 6-й стрелковый полк. Переброшенный в ноябре 1917 года из Валка в Петроград в распоряжение ЦК РСДРП(б), этот полк в конце февраля 1918 года участвовал в отражении немецкого наступления под Псковом-Торошино, подавлял эсеровский мятеж в Ярославле, сражался против чехословаков и белогвардейцев под Казанью.

Под Нейгаузеном (Вастелина) части немецкой «железной» дивизии укрепили свои позиции противопехотными препятствиями и решили задержать продвижение латышских стрелков.

Васильев и Фабрициус на бронепоезде «Красный финляндец» немедленно выехали на боевую позицию. В решающую минуту сражения они бросили на помощь латышским стрелкам броневой поезд «Атаман Чуркин», отряд броневиков «Коммунар» и кавэскадрон 1-го запасного Питерского кавалерийского полка. Части немецкой «железной» дивизии были выбиты из Нейгаузена и стали медленно отходить к городу Верро.

На следующий день к командире 6-го латышского полка Лобренцу прибыли парламентареры и заявили, что во избежание кровопролития они желают вести переговоры о сдаче города Верро без боя. Об этом предложении Лобренц сразу же оповестил Фабрициуса.

Не теряя времени, военный комиссар набросал условия переговоров с немецкой делегацией.

На следующий день выделенная Фабрициусом комиссия собралась в Нейгаузене в штабе 6-го латышского полка. Вскоре туда прибыли и представители от немецкой «железной» дивизии. Два чистеньких, гладко выбритых барончика и упитанный, багроволосый писарь предъявили документы и присели к столу.

Хорошо владеющий немецким языком Лобренц встал и, глядя на парламентареров, спросил:

— На каких условиях немецкое командование собирается сдать город Верро?

Щуря покрасневшие от бессонницы глаза, не скрывая пренебрежения, старший по возрасту парламентарер заявил:

— Немецкое командование требует двухнедельный срок для эвакуации войск из города Верро и окрестностей.

— А зачем вам нужен такой длительный срок? — спросил председатель нашей комиссии.

— Для вывоза военного и трофейного имущества, принадлежащего Германии.

Лобренц резко поднялся и, стараясь говорить спокойно и твердо, изложил требования Фабрициуса:

— Город Верро и другие города Эстонии должны быть очищены в двадцать четыре часа. Немецкое командование оставляет на месте все награбленное имущество.

Писарь возмущенно захлопнул кожаную папку для бумаг и, стремясь всем своим видом выразить возмущение, протянул к Лобренцу пальцы, похожие на связку сосисок.

— О, это слишком нагло, господа большевики. Вы оскорбляете честь немецкой армии.

Парламентеры отошли к окну, о чем-то поспорили и, возвратившись к столу, почти одновременно выпалили:

— Вы недооцениваете силу германского оружия...

— Такие условия нам не подходят...

Председатель комиссии, улыбаясь, заметил:

— Под Верро вы получите такую же трепку, как и под Нейгаузеном.

Писарь хихикнул и, потирая толстые пальцы, сказал:

— Ваше командование слишком самоуверенно. Получается как в басне господина Крылова — Слон и Моська...

Дверь резко распахнулась, и в штаб вошли немецкие солдаты. Рослый ефрейтор, с забинтованной рукой, подошел к столу и решительно заявил:

— Барончики не правомочны вести переговоры. Нас выбрали окопники. Вот наши документы.

Затем повернулся к своим офицерам и, прищурив глаз, словно прицеливаясь, сказал:

— Освободите-ка место!

Первая комиссия ушла, вторая — расположилась за столом.

Лобренц ознакомил солдат с условиями оставления районов Эстонии.

Окопники, сблизив лбы, о чем-то пошептались несколько минут, и ефрейтор, улыбаясь, сказал:

— Все имущество солдата уместается в ранце. За сутки можно не только собраться, но и вшей вытрясти и отдохнуть. Пишите бумагу...

Составленный акт подписали обе стороны.

Фабрициус, взынованно и горячо поблагодарил членов комиссии.

— Сегодня мы одержали большую победу. До Верро сорок верст — с боями это заняло бы трое, а то и четверо суток. Теперь мы завтра будем в Верро. А главное, мы сохраняем наших бойцов. Все латышские стрелки давно ждут того дня, когда сумеют прижать к груди жену или невесту, поцеловать стариков-родителей. Теперь на очереди Валк...

Латышские стрелки двинулись походным маршем на Верро и после 40-верстного перехода без боя заняли город.

12 декабря Фабрициус писал своему другу, просланному комиссару 6-й дивизии, освободившей Парву и наступающей на Ревель, старому большевику Лису Дауману:

«Шлю вам, товарищ Дауман, и всем товарищам 6-й дивизии сердечный привет. Желаю от души успеха и поскорее покончить с белогвардейскими бандами, соединиться с нашим отрядом и поскорее взять и вырвать старую Ригу из рук империалистов и водрузить красное знамя труда над Рижским замком и окончательно очистить Прибалтику от мерзких баронов и прочей сволочи»¹.

Стрелки спешили в Валк. Это не только узловая станция — это порог родины. От знакомой красной водокачки они круто повернут налево и вступят на землю Латвии.

Громя отряды «голубых» и «серых» баронов, головной 1-й латполк за двое суток прошел с боями 70 верст. Брошенный в контратаку крупный немецкий отряд был разгромлен у станции Себе. В плен сдались 600 солдат и офицеров противника.

18 декабря 1918 года Фабрициус рапортовал Пред-

¹ Центральный Государственный Архив Красной Армии, дело 28, стр. 888.

седателю Совета Народных Комиссаров В. И. Ленину и Председателю только что сформированного латышского Советского Правительства П. И. Стучке:

«... Геройским первым полком с боя взят Валк. Взят немецко-белогвардейский бронированный поезд и большая военная добыча. Вступая в пределы освобождаемой Латвии, шлем коммунистический привет главам Российского и Латвийского Рабоче-Крестьянского Правительства. Да здравствует мировая революция!»¹

В Валке латышские стрелки с воинскими почестями похоронили замученных оккупантами восставших рабочих. Председатель только-что организованного Валкского Совета рабочих депутатов, верный сын Коммунистической партии Август Арайс-Берце рассказал Фабрициусу о том, как мужественно сражались повстанцы с белыми бандами и как пытали, мучили иноземцы раненых героев. Фабрициус приказал сфотографировать исколотых штыками и опаленных огнем коммунаров и снимки направить в газеты Москвы и Ленинграда.

Полки 2-й латышской бригады, ломая сопротивление отрядов противника, двинулись на Ригу. Ожесточенный бой разгорелся в окрестностях Вольмара (Валмиеры). Вместе с частями немецкой «железной» дивизии действовали буржуазные националисты и сыновья «голубых» и «серых» баронов. Противник оказывал ожесточенное сопротивление, но не смог остановить храбрецов, освобождающих от врага родную землю. В четыре часа дня стрелки ворвались в город. Из окон каменных домов по бегущим в атаку

¹ Центральный Государственный Архив Красной Армии, дело 260/с, л. 182.

хлестали пулеметные очереди, летели гранаты. Наступление приостановилось. И тогда по приказу комбрига в Вольмар был брошен резервный стрелковый батальон и броневики. Дома брали приступом.

... К вечеру противник был выбит из города.

На следующий день наступающий на правом фланге доблестный 49-й (бывший Гдовский) стрелковый полк водрузил флаги свободы над университетским городом Юрьевом (Тарту).

В своей телеграмме на имя Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ленина и Председателя ВЦИКа Я. М. Свердлова военком Фабрициус доносил:

«22 декабря, ночью, частями 49-го стрелкового, бывшего Гдовского полка, под Юрьевом наголову разбиты белогвардейские банды. Пытавшиеся скрыться в городе были встречены на станции вооружившимися юрьевским пролетариатом и окончательно разгромлены. Белогвардейцы в панике разбежались в разных направлениях. Население восторженно встретило части 49-го стрелкового полка, в 6 часов занявшего Юрьев. Еще одно сильное гнездо белогвардейцев разгромлено»¹.

Победоносное продвижение Красной Армии в Прибалтике сильно встревожило империалистов Антанты. Президент США Вильсон спешно направил для формирующихся в Латвии и Эстонии белогвардейских частей оружие и обмундирование, а также офицеров в качестве советников. Хорошо вооруженные американцами отряды финнов и шведов высадились в Эстонии и вскоре были брошены в бой вместе с белогвардейскими бандами генералов Лайдонера, Родзянко, Булак-Балаховича. Английские крейсера с

¹ Центральный Государственный Архив Красной Армии, д. 260/с, л. 187.

Балтийского моря вошли в Двину и навели жерла орудий на рабочую Ригу.

Перепуганный глава созданного по инициативе и под руководством иностранных империалистов Временного правительства Карл Ульманис, предавая и продавая латышский народ, заключал сделки с германскими генералами, умоляя их любой ценой остановить и разгромить ненавистные большевистские полки.

Немецкое командование срочно влило в изрядно поколоченную «железную» дивизию резервные батальоны и приказало разбить латышских стрелков на старых Зегевольдских (Сигулдских) позициях.

Накануне боя под Зегевольдом (Сигулдой) Фабрициус объехал полки. На совещании командного состава приказал в каждой роте, батарее и эскадроне перед строем зачитать Манифест Советского Правительства рабочих, безземельных крестьян и стрелков Латвии.

29 декабря 1918 года красные полки в течение суток непрерывно атаковали сильно укрепленные высоты Зегевольда. Мужество, храбрость и верность советской власти принесли латышским стрелкам новую победу: «железная» дивизия немцев и банды ландсвера откатились на Хинценбергские (Инчукалские) позиции. Это была цепь ключевых высот, превращенных в мощные узлы обороны. Немцы еще осенью 1917 года поставили бетонные и железные колаки по всей оборонительной линии, прикрыли глубокие траншеи проволочными заграждениями, вырубил кусты и деревья, мешавшие вести фланговый пулеметный огонь.

Еще на подступах к Зегевольду Фабрициус, учитывая малочисленность полков, ходатайствовал перед Командующим 7-й армией и Главкомом о срочном

исполнении 2-й латышской бригады и усилении ее артиллерийскими частями. Вскоре была получена телеграмма, в которой сообщалось, что для среднего исковского боевого участка выделены две трехдвойных батареи. Всего лишь шесть легких орудий, а на высотах Хинценберга стоят полки немецкой артиллерии. Против каждого латышского стрелка за стеной заградительного огня пригнали 15 солдат врага. И все-таки Хинценберг надо взять. Падение этого оборонительного района будет служить сигналом восстановления для рабочей Риги.

Фабрициус поехал в Вейден (Цесис) к Председателю советского правительства Латвии Стучке, чтобы вместе с ним обсудить создавшееся положение. Решили мобилизовать в полки всех коммунистов. Написали специальное новогоднее обращение к красным стрелкам, кончавшееся призывом:

... «Латышские стрелки!.. ваши братья и отцы, наши сестры и матери ожидают вашего прихода, чтобы протянуть вам навстречу вооруженную руку и совместными силами прогнать провалившихся англичанам и французам богачей — членов Временного правительства... Товарищи, еще один напор и ваши Красные знамена гордо, победно будут развеваются на улицах освобожденной Риги. И рабочая Латвия будет освобождена, и Красное знамя труда станет знаменем Латвии»¹.

Беседу Фабрициуса со Стучкой прервал телефон. Звонил командир 2-й латбригады. Он сообщил, что противник сосредоточенным артиллерийским и пулеметным огнем отбил три лобовых атаки. От имени всех

¹ Газета «Наша Правда» (орган Центрального Комитета Социал-демократии (коммунистов) Латвии) № 4, 12 января 1919 г.

латышских стрелков комбриг попросил Фабрициуса принять на себя руководство операцией.

«Командир, потерявший надежду на успех, не может выиграть бой», — решил Фабрициус и ответил:

— Еду к вам. Соберите командиров и всех коммунистов.

Согласовав все неотложные служебные дела с Васильевым, военком Фабрициус в автомобиле выехал под Хинценберг. По дороге обдумал план боевой операции.

В штабе бригады его уже поджидали. Комбриг, доложив обстановку, подчеркнул, что в строю осталось всего 850 активных бойцов.

— Это огромная сила, — резко перебил его Фабрициус. — Каждый латышский стрелок стоит дюжины немецких наемных солдат. Значит, у нас более десяти тысяч бойцов.

Фабрициус ознакомил собравшихся с передовой в газете «Правда» — «С Востока свет», рассказал о восстании солдат в Риге, отказавшихся выступить против своих братьев — красных латышских стрелков. По казармам, где забаррикадировались восставшие, вели огонь английские крейсера, вошедшие в Двину. Опасаясь, что пострадают жители города, солдаты сдались.

— В Риге наших отцов и братьев расстреливают оккупанты, — взволнованно и горячо говорил Фабрициус внимательно слушавшим его командирам. — Нас ждет родная Рига. Послезавтра мы должны быть там.

Комбриг и начальник штаба недоуменно переглянулись, с трудом скрывая иронические улыбки.

— Вы действовали по шаблону, — строго сказал Фабрициус, глядя в лицо комбрига, — бросали полки в лобовые атаки, не находя нужным оценивать местность и силы противника. Слушайте мой план. Две роты, заметьте, всего две усиленные коммунистами

роты, обходят Хинценбергские позиции с флангов и громят вражеские штабы и тылы. И вот когда у неприятеля затрясутся поджилки, мы введем в бой наши основные силы на узком участке. Атаку подготовим сильным артиллерийским и пулеметным огнем.

Выделив в усиленные роты командиров-коммунистов и указав им районы фланговых ударов, Фабрициус сказал:

— Большие проявляйте заботы о бойцах. Проверьте обувь, оружие и боеприпасы. Посьтней накормите стрелков и обязательно предоставьте им три-четыре часа отдыха...

Закрывая совещание, Фабрициус с радостью заметил, что все командиры ободрились, повеселели, обрели необходимую уверенность в успехе боя...

... Ровно в 24 часа 31 декабря на правом и левом флангах началась сильная ружейная и пулеметная стрельба. И сразу же по приказанию Фабрициуса ударили орудия, подвезенные к передовым позициям. Огнем прямой наводки артиллеристы прорубили проходы для пехоты в проволочных заграждениях, разрушили заранее разведанные и пристрелянные пулеметные гнезда врага.

Разгуливавшая с вечера метель не утихала. Резкий ветер дул в спину, торопя бойцов. Шум деревьев заглушал свист пуль. Латышские стрелки стремительно пошли в атаку и ворвались в траншеи, когда немецкие офицеры в блиндажах поднимали новогодние бокалы с вином.

Неожиданная частая пулеметная дробь в тылу и точный огневой удар с фронта привели в смятение солдат, оборонявших укрепленный район Хинценберга. Охваченные паникой немцы и белогвардейцы откатились назад, по направлению к Риге.

... К утру командир «железной» немецкой дивизии ввел в бой резервные силы. Навстречу наступающим латышским стрелкам вышел бронепоезд. За ним развернутыми цепями двигались солдаты.

Бронепоезд открыл сильный огонь. Высокие столбы земли и дыма поднялись перед стрелками. Красноармейцы залегли, стали окапываться. Вражеский броневой поезд двигался на них. И вот в эту напряженную минуту из березовой рощи грянул орудийный выстрел. Тяжелый снаряд ударил в дверь бронепоезда и сорвал ее. Второй снаряд разбил одно из орудий.

Всю свою огневую мощь бронепоезд обрушил на березовую рощу. Над ней поднялось густое облако дыма и снега. И стрелки невольно подумали — погибли друзья-артиллеристы. Но вот новый выстрел прогремел в роще. У самого паровоза взметнулось высокое алое пламя. Когда улеглась пыль, все стрелки закричали — ура! Бронепоезд нехотя пятился назад. А в березовой роще высокий, широкоплечий наводчик вытер с лица пот и снова припал к панораме. Теперь вести огонь по бронепоезду было бесполезно, и он послал снаряд по наступающим цепям немцев.

Раненый командир орудия подполз к щиту, крикнул:

— С какого полка, парень? Возьму в расчет!

Наводчик ответил, хитро щуря глаза:

— Спасибо за честь. Видно, из новеньких. Будем знакомы. Я — Фабрициус...

— Вот ты какой, товарищ Фабрициус! — воскликнул командир орудия. — Лучшего наводчика мне не найти...

— Подберем, — сказал Фабрициус и пошел к стрелкам. Приблизившись, подал команду:

— Залпом... Целиться в пояс...

Стрелки припали к винтовкам. Грянул залп и цепь немцев остановилась, словно наткнулась на невидимую стену. Новый залп опрокинул контратакующих.

— Вперед на Ригу! Вперед! — воскликнул Фабрициус, стрелки подхватили и понеслось по фронту:

— Даешь Ригу!..

Враг бежал, потеряв около 2 тысяч солдат и офицеров убитыми и ранеными. До тысячи немецких солдат сдались в плен.

... В то время, как латышские стрелки громили банды белогвардейцев и оккупантов под Хинценбергом, рабочие подняли восстание в Риге. Руководимые коммунистами отряды захватили почту, военный комиссариат, мосты через Двину (Даугаву). Ожесточенный бой разгорелся у вокзала. Здесь полсотни боевиков в течение нескольких часов отбивали атаки врага. К вечеру ряды повстанцев поредели. Патроны подходили к концу, когда на воздушном мосту появились конники, посланные Фабрициусом на помощь восставшим. Рабочие встретили боевых друзей громовым «ура» и вместе с ними погнались белогвардейцев за Двиной...

Вечером в Ригу вступил 6-й латышский стрелковый полк. На бронепоезде, отбитом у немцев, прибыли Стучка, Петерсон, Фабрициус, Розин-Азис. Утром, после экстренного заседания Рижского военно-революционного комитета, Фабрициус передал телеграмму:

«Москва. Председателю Совнаркома товарищу В. И. Ленину.

Председателю ВЦИК товарищу Я. М. Свердлову.

Во время боев 31 декабря и 1 января под натиском доблестных латышских стрелков пала передовая твер-

дыня Риги, укрепленная немцами еще в прошлом году, м. Хинценберг. Белые были разбиты наголову, вся их артиллерия и пулеметы были захвачены героями-латышами. Этот бой предвещал падение Риги. Сегодня, 3 января, наши доблестные латышские стрелки принесли в подарок пролетариату Латвии Ригу.

Да здравствует отныне и навсегда Красная Рига!...¹

Отступая из Риги, немцы и белогвардейцы разграбили и сожгли элеватор. Германским карательным отрядом были расстреляны 16 красных милиционеров, пытавшихся спасти этот продовольственный фонд Риги. В гавани оккупанты сбросили в воду мешки с мукой и сахаром и ящики с консервами.

Отмечая тяжелое продовольственное положение ограбленной иноземцами Латвии, Председатель Советского Правительства П. И. Стучка в статье «Восстание пролетариата Латвии» (газета «Правда», еженедельное приложение от 6. I. 1919 года) писал:

«... Пролетариат приступает к работе. Все разрушено, разорено, более чем где бы то ни было в России. Но пролетариат Латвии убежден, что он сумеет создать новое здание свободы на развалинах крепостной Латвии. Конечно, в теснейшем единении с русскими товарищами и с коммунистами всего мира».

Еще 22 декабря 1918 года правительство РСФСР особым Декретом за подписью В. И. Ленина признало независимость Советской Латвии. В Декрете говорилось:

«Российское Советское правительство вменяет в обязанность всем соприкасающимся с Латвией воен-

¹ Центральный Государственный Архив Красной Армии — «Документы к биографии Я. Ф. Фабрициуса», фонд № 707.

Вступление латышских стрелков в город Ригу 3 января 1919 года.
(Неопубликованный снимок)

ным и гражданским властям Российской Советской Республики оказать Советскому правительству Латвии и его войскам всякое содействие в борьбе за освобождение Латвии от ига буржуазии»¹.

В освобожденных районах Латвии создавались Советы. Латышские стрелки, поддерживаемые трудовым народом, успешно продвигались вперед по пятам отступающих на Либаву (Либаупа) и Видаву (Вентпилс) войск оккупантов и отрядов «прибалтийского ландсвера», возглавляемых английским полковником Александром.

Верные слуги оккупантов — буржуазные националисты во главе с Ульманисом бежали в Либаву под защиту штыков немцев и англо-французской эскадры в Балтийском море.

Рабочий класс Латвии горячо приветствовал родную советскую власть. В освобожденных городах проходили массовые митинги. Похороны 27 замученных коммунаров в Риге превратились в грандиозную демонстрацию трудящихся.

13 января 1919 года в Риге был созван съезд Советов рабочих, безземельных и стрелковых депутатов Латвии, в работе которого приняло участие 105 делегатов. Накануне открытия съезда мужественными латышскими стрелками были вырваны из рук противника Митава (Елгава), Тукум и Талсы.

Почетным председателем Учредительного съезда Советов Латвии был избран Владимир Ильич Ленин.

После вступительной речи П. И. Стучки, открывшего съезд, выступил тепло встреченный делегатами председатель Всероссийского Центрального Исполни-

¹ Сборник документов «Пять месяцев социалистической «Советской Латвии», 1921 г., ч. II, изд. ЦК Компартии Латвии.

тельного Комитета Яков Михайлович Свердлов. От имени ВЦИКа он заявил:

«Я приветствую в вашем лице те массы, которые в борьбе за поправные германским империализмом права подготавливали тот праздник, который мы празднуем в настоящий момент. Товарищи, едва ли с какой-либо другой частью бывшей Российской империи связаны мы так тесно, как связаны с Красной Латвией»¹.

Съезд торжественно провозгласил советскую власть в Латвии, принял Конституцию республики, утвердил состав правительства, образовал армию Советской Латвии и наметил программу социалистической перестройки страны.

Занятый боевыми операциями на участке правой колонны, Фабрициус не мог присутствовать на съезде Советов объединенной Латвии. Фабрициус направил съезду приветственную телеграмму:

«Псылаю товарищеский привет и желаю наилучших успехов собравшемуся в Красной Риге Президиуму первого Коммунистического съезда Советов свободной Латвии, вызволенной от буржуев, баронов и империалистического гнета.

Жалею, что по боевым обстоятельствам не могу лично приветствовать съезд.

Да здравствует свободная Латвия...»².

¹ П. И. Стучка — «Пять месяцев социалистической Советской Латвии», ч. I, 1921 г., изд. ЦК Компартии Латвии.

² Газета «Циня», № 8 (316), 17 января 1919 г.

НА ЛИНИИ ОГНЯ

В то время, как части средней колонны псковского боевого участка в ожесточенных боях освобождали города и хутора Курляндии, на правом фланге в наступление перешли белоэстонские и белогвардейские соединения.

В порты Эстонии прибывали корабли Антанты и привозили орудия, пулеметы, винтовки, боеприпасы. На деньги империалистов Америки, Англии и Франции были наняты отряды так называемых «добровольцев» и Финляндии, Швеции и Дании и срочно переброшены на белоэстонский фронт.

Против поредевших батальонов 49-го стрелкового полка было брошено 9 750 пехотинцев и 250 кавалеристов при 140 пулеметах и 36 орудиях. Силы были неравными и красным бойцам пришлось отступать от Чернова на Валк и Юрв.

Бригады 6-ой стрелковой дивизии, действовавшие на Нарвском боевом участке, под ударами сильного, хорошо обученного и вооруженного противника вынуждены были отойти от Ревеля к Нарве.

В резерве у командования Псковского боевого участка был вновь организованный Вятский стрелковый полк. Когда Фабрициус и Васильев предложили перебросить эту часть на самый ответственный участок фронта, к Пернову, — командующий 7-й армией Хенриксон приказал перевести полк в армейский резерв (под Петроград, в Детское село). Дважды Васильев и Фабрициус писали рапорты командарму, просили и требовали ввести Вятский полк в бой и отстоять узловую станцию Валк от белогвардейцев. Командарм Хенриксон не нашел нужным даже ответить на рапорты командования Псковского боевого участка.

Васильев и Фабрициус вынуждены были обратиться к главнокомандующему с просьбой об использовании Вятского стрелкового полка на белозестонском фронте. Главком, запросив Хенриксона и получив от него соответствующие разъяснения, оставил преступный приказ в силе, а командованию Псковского боевого участка предложил все дальнейшие операции проводить наличными силами.

Во второй половине января 1919 года в Псков с внутренних фронтов России стали прибывать полки 3-й латышской стрелковой бригады. С прибывшими 21 января 135 бойцами 9-го латышского полка комиссар Фабрициус выехал на Валкский участок фронта. Прямо из шелона латышские стрелки пошли в бой и выбили белогвардейцев из мызы Терва (в 30 километрах севернее города Валка).

На белозестонском фронте наступили дни ожесточенных сражений. 21 января отряды белозестонцев, финнов и шведов под прикрытием огня бронепоездов ворвались в Юрьев.

Три недели полки отбивали ожесточенные вражеские атаки под Валком. Военный комиссар все время

находился на линии огня, отлично понимая, что с потерей этого важного стратегического пункта нарушается железнодорожная связь с Красной Ригой и части средней колонны — латышские стрелки попадают в «мешок».

Лишь после того, как было вывезено все военное и государственное имущество, красноармейцы оставили Валк.

После прорыва белогвардейцами железнодорожной магистрали Валк—Псков лыжный отряд белофиннов ироник в тыл наших войск и занял город Мариенбург (Алуксне). Узнав об этом, находившийся на этом участке военком Фабрициус приказал 6-му латполку и третьему батальону 49-го полка разгромить оккупантов и занять Мариенбург.

Сражаясь плечом к плечу, русские и латышские стрелки окружили оккупантов и в рукопашных схватках уничтожили 370 солдат и офицеров противника. Более 400 белофиннов, слетев в английское обмундирование, сдались в плен.

Самоотверженная боевая работа военного комиссара была высоко оценена молодой Советской республикой. 13 февраля 1919 года приказом Революционного Военного Совета Республики «Ян Фрнцевич Фабрициус за непрерывную самоотверженную работу на фронте в огне» был награжден орденом Красного Знамени. Он получил орден за номером четыре. Знак почетного боевого отличия вдохновил Фабрициуса на новые подвиги. Военный комиссар делает для себя вывод — надо еще лучше служить своему Отечеству, не жалеть ни сил, ни знаний, ни самой жизни во имя победы над врагами.

Туда, где идут самые ожесточенные бои, где противник терсит наши части, выезжает Фабрициус и

Военный комиссар Фабрициус часто являлся свидетелем подлинно массового героизма. Особенно запомнился подвиг 19 бойцов у деревни Лезги.

... Утром противник открыл сильный артиллерийский и пулеметный огонь по редкой цепи красноармейцев на левом фланге. Довольно точно бил бронепоезд, над которым пестрой тряпкой метался грехцветный флаг, из-за леса густо сыпали снаряды, крупнокалиберные пушки, очереди из пулеметов Виккерса, Шкода и Гочкиса стригли ветви хмурых верб, растущих вдоль канавы. Снаряды сорвали крыши с сараев, размели сею. Черные отметины от разрывов через полчаса слились в одно огромное пятно, снежное поле казалось вспаханным.

Бронепоезд, не прекращая обстрела позиций, двинулся к Лезги. Батарея из рожи за деревней выпустила по бронепоезду три снаряда и умолкла. Артиллеристы берегли боеприпасы для самых трудных минут боя.

У будки железнодорожного обходчика бронепоезд неожиданно остановился и из вагонов высыпались солдаты, одетые в полушубки и шапки-ушанки. Вот они развернулись в цепь и, стреляя с хода из автоматических ружей, двинулись к затихшим позициям красных стрелков. Шли, не сгибаясь, четко выдерживая равнение, словно на учениях. Расчет был простой — лихим молодечеством окончательно обезволить оглушенных канонадой красноармейцев. Пожалуй, никто из них и не уцелел после такого ожесточенного обстрела.

До деревни оставалось не более двухсот шагов, когда позиции ожили. На срезах стволов трехлинейных винтовок вспыхнули яркие оранжевые огоньки,

прерывисто замерцало крошечное, злое пламя над дулом пулемета «Максим».

Солдаты в полушубках и ушанках ускорили шаг. Они не сомневались в том, что броском преодолеют полосу огня, добьют прикладами зарывшихся в землю красных бойцов и, не задерживаясь, двинутся к желанной цели — батарее в роще.

Нет предела стойкости и мужеству красноармейцев. Бойцы не думали о том, что на каждого из них движется более десятка белогвардейцев. Главное — не тратить зря патронов, каждый выстрел — попадание, во что бы то ни стало удержать деревню. Кинжальным огнем срезали атакующих пулеметчики Николай Лебедев и Вольдемар Жигур. Пскович и рижанин подружились, побратались в боях. Под маленькой деревушкой Лезги они защищали свои родные, любимые города, свой кров, свое право на счастье. Подавая третью ленту, Жигур хмуро сказал:

— Не спешу. В запасе всего одия осталась...

— Сейчас мы их прикончим, — крикнул Лебедев, не отрываясь от пулемета. — Этим во Пскове не быть...

Наводчик вставил ленту и взглянул вперед. Стрелковой цепи больше не было. Уцелевшие солдаты залегли и, оглушенные, напуганные, поползли назад к железнодорожному полотну.

По ним не стреляли. Красноармейцы готовились к отражению новой атаки. Заменивший погибшего взводного коммунист Владимир Савин проверил, все ли товарищи живы и сколько у них осталось патронов. Кое-кому помог перевязать раны, кое-кому подбросил в окоп пару обойм из последнего цинкового ящика. Командиру роты новый взводный доложил, что никто не ушел к санитарам, но все интересуются, будут ли

хлеб и патроны. Ротный ответил, что надо продержаться еще часа два-три без пайка и боеприпасов. Владимир Савин устало сказал:

— Ладно, возьмем у кадетов. Вот они уже прут, гады, — и повесил трубку.

Перед второй атакой белогвардейцы снова обстреляли непокоренный рубеж. Бронепоезд из трех орудий старательно долбил землю у старой рябины, откуда недавно вели огонь пулеметчики. Но пулеметчиков там больше не было. За пять лет войны они хорошо усвоили правило — менять огневые позиции с таким расчетом, чтобы не успели пристреляться неприятельские артиллеристы. А здесь каждая воронка может служить укрытием для пулемета...

Учтя суровый урок, белогвардейцы отказались от наступления в полный рост. Три стрелковых цепи продвигались от рубежа к рубежу стремительными перебежками. Снег был довольно глубоким и солдаты быстро уставали. Увидев груды трупов на поляне у деревни, залегли. Офицеры долго не могли поднять солдат в атаку. Грозные команды не действовали — из снежных окопчиков не поднялось и половины наступающих. Их встретили прицельным огнем стрелки, а горстку уцелевших пулеметчики проводили «на тот свет».

Для отражения третьей атаки у защитников деревни патронов не осталось. У 19 бойцов были только штыки и готовность умереть, но не отступить ни на шаг. Красноармейцы не знали, что офицеры, выползшие с «поляны смерти», убедили своего командира, что наступать по трупам своих солдат — безумие...

... А на следующий день военный комиссар Фабрициус беседовал с Владимиром Савиным и его това-

рищами. Многих из них знал лично — недавно вручал партийные билеты.

Одного из героев, Василия Голубева, военный комиссар Фабрициус встречал раньше и имел с ним довольно неприятный разговор. Однажды, в дни обороны Валка, Фабрициус позвонил с передовой командир стрелковой роты Александр Степанов и попросил:

— Окажите воздействие на бойцов. Отказываются идти на имень Хомель.

Фабрициус сразу же выехал в роту и собрал бойцов. Он рассказывал красноармейцам о трудностях, которые переживает Советская республика, подчеркнул, что все усилия страны направлены сейчас на разгром главного врага — Колчака и что бойцы, защищающие подступы к Красному Петрограду, могут рассчитывать только на свои силы.

Вначале бойцы слушали невнимательно. Особенно вызывающе вел себя боец с лохматыми, сросшимися на лбу бровями. Он больше всех кричал: «Голодаем! Мерзнем! Нет больше терпения!» Фабрициус сумел овладеть вниманием бойцов. Присмирел и крикун — Василий Голубев. С ним Фабрициус побеседовал по душам после митинга. Молодой боец понял свою ошибку и дал слово, что искупит свою вину в бою. И вот теперь военному комиссару Фабрициусу было особенно приятно увидеть среди отличившихся героев Василия Голубева.

Отдав распоряжение отправить раненых, Фабрициус сел к столу, вытащил из полевой сумки тетрадь и торопливо написал заметку в «Псковский набат» под названием «Геройский подвиг». Заклеив конверт, пожалел о том, что газета выходит малым тиражом и многие красноармейцы ее так и не прочтут. А о защитниках деревни Лезги следует рассказать всем

бойцам, чтобы равняться по ним в ожесточенных, тяжелых боях. О героях этих боев надо написать листовку.

Военный комиссар вырвал второй лист из тетради и стал писать четко, разборчиво:

«При наступлении противника на деревню Лезги юварищи Владимир Савин, Владимир Рейтер, Сергей Федоров, Павел Кукушкин, Николай Крылов, Михаил Междрей, Георгий Пальма, Вольдемар Жигур, Николай Лебедев, Георгий Высоцкий, Владислав Янушкевич, Михаил Валинчиков, Константин Кобрин, Василий Богданов, Роман Савтенко, Василий Козлов, Константин Бараиов, Владимир Федоров (все коммунисты) и Василий Голубев совершили геройский подвиг. Заметив, что неприятель под прикрытием ураганного артиллерийского, пулеметного и ружейного огня высадился с бронированного поезда и пытается обойти наши части с левого фланга, 19 красных героев рассыпались в цепь и вступили в неравную схватку. Метким ружейным и пулеметным огнем они отбили атаки в несколько раз превосходящего численностью противника, выдержали непрерывный двухчасовой бой и спасли наши артиллерийские батареи.

Политический отдел дивизии, отмечая этот героический подвиг, призывает всех бойцов учиться у храбрых защитников Лезги мужеству, стойкости, верности Советской Республике. Имея в своей среде таких передовых бойцов за коммунизм, Красная Армия сломит все белогвардейские банды и водворит царство коммунизма во всем мире»¹.

Дважды перечел написанное и вновь увидел перед собой всех девятнадцать — темных от пыли, исхудалых, оборванных, шатающихся от усталости и голода.

¹ Центральный Государственный Архив Красной Армии. Материалы к биографии Яна Фабрициуса.

Среди них были русские, украинцы, белорусы, латыши, поляки — люди разных национальностей и профессий, объединенные одним благородным стремлением — отстаивать свободу и независимость своего Отечества, счастье для всего трудового народа.

Через неделю подвиг 19 героев повторили бойцы роты Гавшина, взвода Хрипунова и многие другие защитники Пскова.

Постоянно находясь на передовых позициях, в гуще красноармейских масс, Фабрициус внимательно изучает настроение бойцов, положение дел на фронте и считает своим долгом сигнализировать Центральному Комитету партии и ее великому вождю В. И. Ленину о вскрытых существенных недостатках, о допущенных промахах.

Так в конце апреля 1919 года военный комиссар Фабрициус послал Председателю Совета Обороны В. И. Ленину и Председателю ВЦИКа М. И. Калинину обстоятельный доклад, в котором поднимал целый ряд важных и принципиальных вопросов.

В начале 1919 года были установлены новые оклады жалования для личного состава Красной Армии. По этому положению нестроевые красноармейцы тыловых команд стали получать 500 рублей, а фронтовики — только 350 рублей. Подчеркивая возмутительное несоответствие в окладах, Фабрициус просил В. И. Ленина отменить этот приказ как вредительский, способствующий разложению воинской дисциплины на фронте.

С особым вниманием Фабрициус разбирал в докладе вопрос о подготовке преданных Коммунистической партии и советской власти красных командиров из среды рабочих и крестьян и выдвигал положение — «военком обязательно должен быть специалистом

военного дела, помощником командира в решении сложных боевых задач».

В этом же докладе Фабрициус приводил характерные факты, свидетельствующие о том, что отдельные партийные организации задерживают на местах мобилизованных на фронт коммунистов, как «незаменимых» руководящих работников, и считал это ничем иным, как узаконенным дезертирством.

В заключение доклада Фабрициус просил В. И. Ленина дать указания об очищении рядов Красной Армии от чуждых и враждебных элементов и более тщательном отборе пополнения для войсковых частей.

Председатель Совета Обороны рабоче-крестьянской республики В. И. Ленин, прочитав этот доклад, направил его 8 мая 1919 года в Революционный Военный Совет для принятия необходимых мер.

Обстановка на фронте под Псковом и Нарвой с каждым днем осложнялась. Предатели подрывали боеспособность красноармейских рядов. Английская, немецкая, американская разведки засылали своих агентов на руководящие посты во вновь формируемые красноармейские части, штабы и тылы. Так, начальником эстонской дивизии при помощи троцкистских предателей, засевших в штабе 7-й армии, устроился шпион Ритт. Ему удалось протащить на командные должности своих друзей Айтаса и Мазика.

Хорошо замаскированные враги под видом перегруппировки сил перебрасывают полки, срывают снабжение частей и тем самым помогают белогвардейцам продвигаться на Псков. С боевых участков снимаются 165, 7 и 84-й стрелковые полки.

Фабрициус посылает телеграммы в штаб VII армии, Главному и в Петроградский Комитет Обороны,

требует строжайшего расследования предательских приказов и наказания виновных. Но в штабе VII армии тревожные сигналы Фабрициуса уничтожает шпион Люндквист, враг народа Троцкий на телеграммы военкома 10-й дивизии не обращает внимания, то же самое делают «руководители» обороны Петрограда, изменники Зиновьев и Евдокимов.

14 мая Фабрициус получил приказание снять с главного, Печорского направления, вполне боеспособный 5-й стрелковый полк и отправить его в армейский резерв. Предатели открывали ворота белогвардейцам в Псков. Фабрициус отказался выполнить этот явно преступный приказ. «Надо доложить обо всем Владимиру Ильичу Ленину», — решает военный комиссар и посылает телеграмму в Кремль. В ней он сообщил о том, что «...на псковском участке полки стоят только на бумаге, так как в некоторых из них имеются по 150—200—250 штыков. Задача же дается как полку полного боевого состава. Резервов на участке не имеется вовсе. Несмотря на то, что весь Псковский фронт сейчас представляет собой натянутую струну, с него были сняты три стрелковых полка. В данное время фронт нами удерживается с трудом, так как на чудском участке противник перешел в активное наступление, на печорском направлении враг производит активную разведку с целью перейти, повидимому, в решительное наступление. Несмотря на это, Троцким предписано с передовой боевой линии снять 5-й полк в армейский резерв». Указав, что «при исполнении этого приказа Псковский участок будет легко прорван противником в печорском направлении и это неизбежно повлечет за собой падение Пскова и создаст еще более тяжелое положение», Фабрициус сообщил, что означенный «приказ временно задержан выполне-

нием», и просил распоряжения о строгом партийном расследовании всего происходящего на Псковском боевом участке.

Эта телеграмма с надписью «для немедленной передачи по месту нахождения» по приказанию В. И. Ленина 18 мая была переслана в Петроград на имя чрезвычайного уполномоченного Совета Обороны Республики И. В. Сталина¹.

Принципиального, яростно ненавидящего врагов Советской власти Фабрициуса изменники и предатели решили убрать со своей дороги. Отказ Фабрициуса подписать приказ о снятии с позиций 5-го стрелкового полка был немедленно использован как средство избавиться от дилетантного военного комиссара. На него срочно составляется клеветническое дело. 21 мая Фабрициуса вызвали в Ревтрибунал Западного фронта. Воспользовавшись его отъездом, изменники сияли с печорского направления 5-й стрелковый полк и отправили его в Струги Белые, а 3-й эстонский полк с левого, наиболее ответственного участка (Старо-Изборск) перебросили на хорошо укрепленный правый фланг. На ослабленный участок по сигналу Рита белогвардейцы повели наступление и, прорвав линию фронта, двинулись на Псков.

Врагам народа не удалось оклеветать Фабрициуса. Доказав свою правоту работникам ревтрибунала, военный комиссар поспешил на фронт. Предатели, стремясь уйти от кары, принимают решение — убить Фабрициуса. Был взорван железнодорожный путь, и поезд, в котором ехал Фабрициус, сошел с рельс. Но военный комиссар не потерял самообладания. Напрягая

¹ Г. Н. Караев. «В бсях за Петроград». Воениздат. Москва, 1951 г., стр. 43—44.

« всю свою богатырскую силу, он повис на сетке для вещей.

Фабрициус сильно ушиб ключицу и повредил руку. Отказавшись от госпитализации, военный комиссар на железнодорожной дрезине немедленно выехал в Псков.

Там его ждали тяжелые вести. Под натиском войск оккупантов и банд ландсвера пала родная Рига. Второе известие также было тяжелым. Пользуясь полной бесконтрольностью, перешли на сторону белоэстонцев нацивс Ритт, командир первой эстонской бригады Айтс и начштаба бригады Мазик. Предатели унесли с собой важные оперативные документы, секретный телеграфный шифр и увели более половины 1-го ревельского эстонского полка.

Так изменниками был открыт фронт. На рассвете 24 мая предатель Ритт провел белоэстонские части через оголенный участок фронта и захватил Старо-Изборск. В прорыв белогвардейцы бросили броневики...

Собрав отряд псковских коммунистов, Фабрициус выехал на передовую. Прямо с грузовиков развернулись в цепь, окопались. Наступающих белоэстонцев срезали дружным залповым огнем. До вечера отбили шесть атак врага. Приостановив наступление противника, Фабрициус 24 мая по прямому проводу сообщил Комитету Обороны в Петроград о положении частей на Псковском боевом участке. Трезво оценивая тяжелую обстановку, Фабрициус указывал: «... Собираем у Моглина отступающие части. Броневые машины противника нашими броневыми машинами остановлены... Вооружаем все, что только возможно, и отправляем на фронт».

Сообщение Фабрициуса заканчивалось словами: «... Если только подойдут резервы с тыла, то, может быть, общими усилиями спасем положение Пскова».

К вечеру 24 мая противник прорвался к реке Великой и западной окраине Пскова и обстрелял Омские казармы. Только теперь командование VII армии решило перебросить из резерва 5-й стрелковый полк, но было уже поздно. Созданный Фабрициусом Псковский коммунистический батальон 33 часа подряд отражал непрерывные атаки белогвардейцев, обеспечивая эвакуацию города.

Утром 26 мая Фабрициус телеграфировал Реввоенсовету Западного фронта:

«Вне всякой очереди. «Волга». Вчера, 25 мая, в 15 часов дня половина 6-го эстонского полка из Моглина перешла на сторону белых, чем обнажила фланг 5-го стрелкового полка, который не выдержал сильного пулеметного и орудийного огня с батарей, броневиков и бронепоездов противника и разбежался вдоль полотна железной дороги и шоссе Псков—Изборск. Противник повел сильное наступление бронепоездами, броневиками, под прикрытием сильного огня батарей. Полки, вследствие своей малочисленности и крайней усталости не выдержали и в беспорядке стали отступать. Своих сил и резервов до сего времени не дали, благодаря чему некому было прикрывать отступление отходящих частей, следствием чего было оставление Пскова... Энергичных, преданных руководителей совершенно не имею. Сам после катастрофы совсем болен, не действует рука, а наш командный состав, за малым исключением, бездействует. Прошу непременно приехать ко мне товарища Сталина, принять на месте энергичные меры, а также катастрофы совсем болен, не действует рука, а наш командный состав, за малым исключением, бездействует. Прошу непременно приехать ко мне товарища Сталина, принять на месте энергичные меры, а также послать энергичных военных руководителей для назначения на высшие командные должности, и коммунистов, могущих поднять боевой дух, революционную дисциплину в частях. 26 мая в 4 час. 5 мин. из Пскова отошел последний

состав. Весь подвижной состав и паровозы вывезены, водоснабженные, поворотные круги и электростанция взорваны...»¹

Позже, в специальном докладе «Причины падения Пскова в 1919 году», направленном в ЦК партии и лично Председателю Совета Обороны республики В. И. Ленину, военный комиссар 10-й стрелковой дивизии и Псковского боевого участка Ян Фабрициус привел яркие доказательства предательства штабных работников VII армии. Перечисляя причины неудач на псковском боевом участке, Фабрициус прямо указывал на «... халатное, чтобы не сказать больше, а также неумелое руководство и управление красноармейскими частями, неумение ловить подходящий момент для наступления, контратак и решительных действий со стороны командного состава от высших до низших»².

Этот доклад, как и другие документы, посланные Фабрициусом непосредственно Ленину, разбирались в ЦК РКП(б) и были пересланы в Петроград к И. В. Сталину. Они сыграли свою роль в той огромной работе по реорганизации аппарата управления фронта и подготовке частей к переходу в наступление, которую проводил Иосиф Виссарионович Сталин. Был разоблачен и арестован враг Советской власти, начальник штаба VII армии, бывший подполковник Люидекист, тщательно проверены командные кадры в 10-й стрелковой дивизии и в эстонских частях, созданы все условия для победы на Петроградском фронте.

¹ Архив Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина.

² Журнал Ленистпарта «Красная летопись» № 5 (32), 1929 г., стр. 98.

НАЧАЛЬНИК УКРЕПЛЕННОГО РАЙОНА

Тяжелые ушибы, перелом руки, ранение, напряженная бессонная работа в течение долгого времени — все это сильно расстроило и подорвало здоровье Фабрициуса. Он долго отказывался от лечения, полагаясь на свой закаленный организм, но вмешались врачи и отправили его в госпиталь.

После грохота снарядов и свиста пуль удивительно странной и непривычной была больничная тишина, мягкая теплая постель, вкусная, сытная пища. Тревожили вести с фронтов. Состояние покоя в смертельно опасное для страны время угнетало Фабрициуса. В начале августа 1919 года, как только поправилась рука и затянулась рана, Фабрициус выписался из госпиталя.

Молодая советская республика была окружена кольцом врагов. Адмирал Колчак не оправдал надежд интервентов, и теперь они делали ставку на организатора «добровольческой армии» генерала Деникина. От США, Англии, Франции деникинские войска получили с марта по октябрь 1919 года 100 тысяч винтовок, 550 орудий, свыше 100 самолетов, несколько десятков

танков и много другого оружия, боеприпасов, обмундирования и снаряжения. Уже к июню месяцу Деникину удалось захватить обширные районы на юге России и Украине.

В начале июля В. И. Ленин написал письмо ЦК РКП(б) к организациям партии — «Все на борьбу с Деникиным». Письмо начиналось словами:

«Товарищи! Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции».

Письмо ЦК РКП(б) «Все на борьбу с Деникиным» давало развернутую программу деятельности партии, народа. «Все коммунисты прежде всего и больше всего, — говорилось в письме, — все сочувствующие им, все честные рабочие и крестьяне, все советские работники должны *подтянуться по-военному*, переведа *максимум своей работы*, своих усилий и забот *на непосредственные задачи войны*, на лучший и самое отражение нашествия Деникина, сокращая и перестраивая, в подчинение этой задаче, всю свою остальную деятельность».

Советская республика осаждена врагом. Она должна быть *единым военным лагерем* не на словах, а на деле»¹.

Центральный Комитет направил на Южный фронт товарищей Сталина, Ворошилова, Орджоникидзе, Буденного.

Разваливший военную работу на Южном фронте Троцкий был отстранен от руководства войсками, сражающимися против деникинских полчищ.

На главный фронт партия посылала лучших своих сыновей. Ян Фабрициус также был откомандирован на

¹ В. И. Ленин. Сочинения, том 29, стр. 402—403.

юг. Он получил назначение на должность начальника обороны Ливно-Елецкого укрепленного района, созданного для борьбы с прорвавшейся в тыл нашим частям белогвардейской конницей генерала Мамонтова.

Рейдирующая конница белых нарушала нормальную работу в прифронтовой полосе, уничтожала военные склады, расстреливала советских работников.

В Ельце Фабрициус организовал командные курсы, сформировал и превратил в боеспособную единицу железнодорожный полк. Кроме того, в распоряжении Фабрициуса была комендантская команда и самодельный бронепоезд. С этими силами нужно было защитить Ливно-Елецкий район от многотысячной мамонтовской конницы.

Агенты врага вели активную контрреволюционную агитацию. В своем приказе № 7, отпечатанном в типографии и распространенном по району, Фабрициус писал:

«Провокаторы, агенты белогвардейцев и вообще кулацкий элемент населения стараются посеять в тылу панику, распуская провокационные, ложные и нелепые слухи о положении на фронте. Они надеются этими слухами внести расстройство в организационную работу тыла.

Призывая граждан города Ельды сохранить спокойствие и попрежнему вести планомерную работу, предупреждая, что все поддерживающие и распускающие неверные слухи будут причислены к врагам Советской власти и наказаны со всей строгостью поного времени вплоть до расстрела»¹.

Дорожа каждым часом времени, Фабрициус умело

¹ Центральный Государственный Архив Красной Армии — «Тексты и копии приказов по штабу Елецкого укрепрайона», фонд 726, опись № 7.

обучает и воспитывает поступающие в его распоряжение воинские части. В приказе № 9 комендант укрепрайона Фабрициус предлагает командиру только что сформированного 1-го караульного Елецкого полка «немедленно приступить к усиленным занятиям. Описание занятий представить мне, причем главное внимание обратить на рассыпной строй и стрельбу».

Боевую учебу прерывает внезапное нападение мамонтовцев. Прикрывающий подступы к Ельцу кавалерийский дивизион не выстоял против конных полков противника и отступил.

Услышав стрельбу, Фабрициус поднялся на чердак дома, в котором находился штаб, заглянул в окно и увидел, что в город с восточной стороны волной вливается вражеская конница. Быстро спустился вниз. Штабным работникам приказал:

— Соберите документы. Спрячьте оружие. Пойдём как мирные жители. Сбор у перекрестка дорог. Его будем держать до последнего патрона. Надо дать возможность отойти детскому дому и сельскохозяйственной коммуне.

Спокойствие, с которым Фабрициус укладывал в полевую сумку секретные документы, передалось и его боевым друзьям. Вышли из дому и по огородам направились к перекрестку дорог. А по улицам уже раздавался гулкий топот копыт и пьяные крики мамонтовцев — «бей, бей!»

Фабрициус увидел бегущих по грядкам красноармейцев из штабной команды, остановил, пристыдил их и повел за собой. За городом, в придорожной канаве маленький отряд обнаружил пулеметную команду. Фабрициус развернул бойцов в цепь и приказал окопаться и стоять насмерть.

Со всех сторон в отряд Фабрициуса вливались

отступающие из города красноармейцы. До полночи горстка храбрецов удерживала перекресток дорог. Бой продолжался восемь часов. Раненные не уходили из строя. В цепи с винтовкой лежал и сам Фабрициус и каждой пулей снимал с седла вражеского солдата.

Детский дом и сельскохозяйственная коммуна, организованная Фабрициусом, были спасены.

Не теряя времени, Фабрициус собирал силы. Через несколько дней ночью он повел на Елец вновь организованный сводный отряд и подошедший 2-й сибирский полк красных коммунаров. Неожиданный двусторонний удар ошеломил мамонтовцев. Они бежали из города. Штабные офицеры даже не успели собрать и увезти ценнейшие секретные документы.

Утром в освобожденном городе Фабрициус провел митинг и роздал жителям их имущество, отбитое у белогвардейцев. В сводный отряд вступили новые бойцы.

Изрядно потрепанный частями Красной Армии, обремененный награбленным народным добром, копытный корпус Мамонтова с трудом вернулся с рейда по тылам наших войск в состав «добровольческой армии». Его сменила конница белого генерала Шкуро. Белобандиты сжигали непокорные села, вешали коммунистов и советских работников, грабили население.

Фабрициус, назначенный начальником и военкомом сводного *Первого отряда внутреннего фронта, со своим штабом и комендантской командой разъезжал по городам и селам и, ежедневно рискуя попасть в лапы белогвардейцев, организовывал стойкую активную оборону.

... Полки Шкуро приближались к Нижнедевицку. Им навстречу Фабрициус повел свой сводный отряд. Силы были явно неравными, но Фабрициус получил

приказ Реввоенсовета Южного фронта — любой ценой задержать продвижение белых банд Шкуро и решил принять бой. Вечером Фабрициус на автомобиле прибыл в город. Впереди в селе Ясенки должен был находиться 373-й стрелковый полк 42-й дивизии. Не успел Фабрициус распорядиться о проверке телефонной линии, как в штаб привели человека. Он сказал: — Я — бывший нижедевицкий военком. Шкуро в Ясенках. Завтра он будет в Нижнедевицке.

Это сообщение встревожило Фабрициуса. Еще на марше он всесторонне продумал трудную боевую операцию. 373-й полк должен был прикрывать его правый фланг. Теперь надо отбивать натиск врага только силами своего отряда. Фабрициус развернул карту, достал лупу и цветные карандаши. У самого уха зазвонил телефон.

Фабрициус снял трубку и назвал свою фамилию. В ответ услышал:

— Говорят Ясенки. У телефона адъютант 373-го полка.

— Кто вы такой? — спросил Фабрициус.

Ему не ответили. Фабрициус положил трубку.

«Проверить сообщение бывшего военкома не требуется. Шкуро в Ясенках», — решил Фабрициус и стал наносить на карту линию обороны вокруг Нижнедевицка.

Снова позвонили.

— С вами говорит адъютант генерала Шкуро, — услышал Фабрициус. — Мы заняли Ясенки. Мы сильнее. Сдавайтесь. Генерал Шкуро щадит храбрых.

— Слушайте вы, генеральский холуй, — с трудом сдерживая ярость, сказал Фабрициус. — С палачами народа мне не по пути.

Фабрициус отошел к окну. Глубоко задумался.

Завтра Шкуро бросит двадцать сабель на один красноармейский штык. Может, потому так дешево ценит генерал доброе имя Фабрициуса. Вздумал поиграть на нервах, лишить равновесия, без которого командир не может выиграть сражение. Пустая затея! Посмотрим, чи нервы крепче, — скупно улыбнулся Фабрициус, в его большие руки уверенно легли на карту — поле грядущего боя.

Через час Фабрициус вызвал своих помощников и командиров батальонов.

— Товарищи, Шкуро в Ясенках, — сказал он. — Его адъютант приглашал в гости. Старый прием. Умереть можно, изменить — нет! Может быть, шкуровцы ночью сунутся. Удвойте караулы. Мы будем иметь дело с лихими рубаками — терцами и кубанцами. Против конницы верное средство — залповый огонь. Приказываю до наступления темноты провести по ротам тренировку на открытие залпового огня. После занятий обеспечьте бойцам отдых...

Выслушав все вопросы и ответив на них, Фабрициус указал артиллеристам и пулеметчикам по карте, где следует оборудовать огневые позиции. Командир саперного взвода получал задание поставить на дорогах и в поле проволочные препятствия.

— Вы должны расстроить атаку кавалерии Шкуро, — сказал Фабрициус. — Широким фронтом ставьте в густой траве проволочную сеть на низких колючках. Придется работать всю ночь. Дайте бойцам часа три поспать и приступайте к делу.

До полуночи Фабрициус совместно со штабными работниками готовился к выполнению боевой операции. Когда Фабрициус отослал своих помощников отдыхать, вновь настойчиво зазвонил телефон. Фабрициус узнал надменный наглый голос.

— Генерал Шкуро вторично приказывает вам сдать на условиях вашей личной безопасности.

— Передайте своему генералу русскую поговорку: «Шкуре в конце концов не миновать дубильщика».

Адъютант Шкуро закончил разговор дикой бранью.

... На рассвете шкуровцы, развернув знамена, под музыку сводного оркестра, двинулись на Нижнедевицк. Двенадцать конных полков дугой охватывали город.

В стрелковых ячейках окопов стояли красноармейцы. На высотах распластались пулеметчики. Застыли у орудий артиллеристы. Все поглядывало в сторону шоссе и ждали, когда командир подаст сигнал: огонь. Ждать и слушать нарастающую музыку было очень тяжело. А Фабрициус не торопился, спокойно рассматривал в бинокль неприятеля. Неожиданно музыка смолкла. Кони стали спотыкаться, падать на землю. Ряды расстроились.

— Молодцы саперы! — воскликнул Фабрициус. — Пора, — и послал в небо сигнальную ракету.

И сразу же застучали пулеметы, гулко и широко разнеслись дружные залпы стрелков. Падали и не поднимались всадники и кони. Волна шкуровцев покатилась назад.

— Прекратить огонь! — приказал Фабрициус и послал связных к командирам батальонов с приказом: «Стрелять экономно, беречь патроны».

Не прошло и полчаса, как вновь загудела земля и глазам стало больно смотреть на тысячи белых клинков. Теперь терцы и кубанцы мчались вперед рассыпным строем. Но поле открытое, а стрелки, пулеметчики, артиллеристы Фабрициуса ведут точный прицельный огонь. У конников нет прежней удачи. Видно, трудно пробиваться сквозь груды трупов.

... К вечеру бойцы Фабрициуса отбили одиннадца-

тую атаку. Из резерва армии подошел Тульский образцовый батальон и сменил сводный отряд Фабрициуса. В так называемом «образцовом» батальоне оказалось много замаскированных врагов. Переколов штыками коммунистов и преданных советской власти командиров, изменники перешли на сторону белоказаков. Шкуровцы ринулись в прорыв и стали окружать отряд Фабрициуса. В минуту смертельной опасности, когда у красноармейцев кончились патроны, Фабрициус повел их в штыковую атаку и прорвался из кольца врагов к деревне Турово.

Ночь прошла спокойно. Утром шкуровцы смяли малочисленные красноармейские заслоны и, открыв яростный огонь, ворвались в деревню.

Фабрициус приказал работникам штаба отходить по дороге, задержать отступающие части и привести их в порядок. Когда садился в автомобиль, вспомнил — в хате осталась полевая сумка с документами. В ней секретные дела отряда: приказы, шифр Реввоенсовета XIII армии, оперативная карта. Белые будут ликовать, захватив такую добычу.

Фабрициус вернулся в хату. На столе лежала толстая полевая сумка. Схватил ее, уложил документы и бросился к выходу. Дверь распахнулась, и маленькая дочка хозяина шагнула к Фабрициусу.

— Не ходи, — тихо сказала она. — У крыльца казаки. Спрячься в подвале.

— Выведи меня другим ходом, — попросил Фабрициус.

Они прошли по двору. Девочка открыла ворота в сад. Фабрициус порывисто пожал ее руку и побежал, прячась за яблонями. Перепрыгнул через забор и направился в поле. Навстречу из-за гумна вылетело три всадника. На кубанках — волчьи хвосты.

— Стой! — привстав на стременах, закричал боро-
датый казак. — Сдавайся, комиссар!..

Фабрициус выхватил браунинг и выстрелил. Казак
упал на землю.

Фабрициус снова прицелился. Казаки резко оса-
дили коней. Пуля вошла в мускулистую грудь взмет-
нувшейся лошади. Она свалилась и придавила всад-
ника.

Третий казак вложил клинок в ножны и соскочил
с коня.

«Сейчас ляжет за убитую лошадь и пристукнет
из карабина», — подумал Фабрициус и побежал к
шосейному полотну. Оглянувшись, выстрелил по полу-
щему к лошади казаку. Услышал пронзительный крик.
За спиной гулко ударил выстрел. За ним второй,
третий.

У Фабрициуса заныла правая нога. Упал. Ощупал.
Кажется, не ранен. На лицо упала срезанная пулей
ромашка. Пристреливаются. Фабрициус осмотрелся.
Рядом межа. Все-таки укрытие, хотя и небольшое.
Пополз. Вот уже видна белая полоса шоссе. Слабо
хрустнув, оборвался ремешок полевой сумки. Не во-
время! Фабрициус поднялся и побежал к железнодо-
рожному полотну.

Из-за насыпи вылетели красноармейские тачанки.
Ударили по Турову из пулеметов. Над полем густым
потоком зажужжали пули. С головы Фабрициуса сле-
тела фуражка. Задыхаясь от усталости, опустился на
цветущий клевер. Вытер лицо. Белый платок потемнел
от пота и пыли.

«Ушел от белых, ухдопают свои. Удивительно глу-
пая история», — подумал Фабрициус и пополз, прижав
к груди полевую сумку.

Желтая насыпь дороги совсем близко. Фабрициус

приподнялся и увидел командира Мадьярского отряда.
И стало легче дышать. Есть кого вести на Турово.

Фабрициус выпрямился в полный рост. Отряхнул
от пыли и травы гимнастерку и брюки. Крикнул:

— Сюда! Ко мне!

Командир отряда радостно воскликнул:

— Фабрициус! А мы думали, что тебя уже нет в
живых. Пехота идет на Турово.

— О Фабрициусе не беспокойтесь: его не так просто
убить, а в плену у белых он никогда не будет. Ведите
бойцов. Турово надо взять!

И снова с железной выдержкой и спокойствием
Фабрициус сколачивает отряды, формирует полки.
Он работает круглые сутки, гордясь тем, что выпол-
няет босые приказы организатора разгрома деникин-
ских полчищ Иосифа Виссарионовича Сталина.

... В середине октября 1919 года Ян Фабрициус
был назначен командиром 7-й стрелковой бригады
XIII дивизии. Председатель ВЦИК Михаил Иванович
Калинин от лица молодой Советской республики вру-
чил комбригу Яну Фрицевичу Фабрициусу дорогую,
памятную награду — именные золотые часы.

КОМБРИГ

Командир бригады Фабрициус получил приказ выбить белогвардейцев из Бирючинского поселка. Командир конной разведки донес, что высоты вокруг поселка занимают казацкие и гвардейские полки группы генерала Абрамова, численностью около двух дивизий.

Снова надо решать сложную и трудную боевую задачу. Бригада еще не пополнена красноармейцами, в самом многочисленном полку всего 250 штюков. У многих бойцов нет шинелей и обуви. Стоит поздняя осень, дуют холодные ветры, падает мокрый снег.

Фабрициус провел митинг. Он рассказал бойцам о задачах, поставленных перед народом Коммунистической партией, о врагах молодой Советской республики, которых надо поскорее разгромить, чтобы вернуться к мирному труду. В заключение комбриг пообещал завтра к вечеру выдать красноармейцам добротные сапоги, шинели английского сукна, теплые меховые шапки из складов, захваченных у белогвардейцев в Бирючинском поселке. Уверенность Фабрициуса в

победе над сильным и коварным врагом передалась бойцам.

К вечеру поднялся буран. Фабрициус решил использовать непогоду для внезапного удара по врагу. В красноармейской фуражке, в потертой, аккуратно заштопанной шинели, без перчаток, всем своим видом подчеркивая полное равнодушие к свирепому ветру и колючему снегу, комбриг обошел полки и с отцовской теплотой ободрил бойцов. Ориентиром движения служили берега реки Верхняя Тишанка. Шли безмолвно, окутанные метелью.

Солдаты сторожевого охранения белогвардейцев грелись у хат и заметили наступающих, когда те уже ворвались в Бирючинский поселок. Застигнутые врасплох казаки и гвардейцы растерялись и полураздетые бежали в Александровский поселок. В поле их встретил огнем один из красных полков, предусмотрительно поставленный Фабрициусом для преследования и завершения разгрома врага. Бригада захватила штабы 1-го и 4-го Донских полков, а также 3-го Калмыцкого кавалерийского полка и лейб-гвардии 2-го Атаманского. Количество пленных в три раза превышало численность бригады Фабрициуса. Красноармейцы отбили у врага много орудий, пулеметов, винтовок. Комбриг сдержал слово — бойцы получили из обозного имущества белогвардейцев обмундирование, обувь, снаряжение и боеприпасы.

Фабрициус не только прекрасный командир, но и военный комиссар, умелый пропагандист и агитатор. Ценные партийные качества, приобретенные еще в годы революционного подполья, он широко и постоянно использует в армии. Комбриг считает своим первейшим долгом вести массовую политическую работу не только среди красноармейцев, но также среди солдат

противника. Фабрициус беседует с пленными, изучает их настроения, интересуется, как живут их родные. Постепенно отбирает самых сознательных в резервную роту для пополнения своих полков.

На протяжении всего боевого пути на Южном фронте Фабрициус всегда следует своему правилу — не только громить белых генералов, но и отнимать у них солдат. Особенно характерен в этом отношении бой за станцию Лихую, крупный опорный пункт деникинцев. Прежде чем составить план операции, комбриг Ян Фабрициус собрал подробные сведения о противнике. Разведчик Иван Дьячков донес, что у станции Лихая курсирует бронепоезд белогвардейцев. Наступление было запланировано в ночь на новый 1920 год, и Фабрициусу невольно вспомнилось сражение под Хиценбергом (Инчукалнс). Тогда оружейный и пулеметный огонь вражеского броневоезда нанес латышским стрелкам большой урон. Фабрициусу близки и дороги бойцы, и он принимает смелое и дерзкое решение — захватить бронепоезд врага.

В маленький отряд комбриг отбирает лучших разведчиков и коммунистов. Иван Дьячков точно выводит горстку храбрецов к бронепоезду. В городе раздаются пьяные голоса — офицеры встречают Новый год.

Разведчики бесшумно сняли часового. Фабрициус с товарищами ворвались в бронированный поезд. Машинист оказался спокойным и стоворчливым человеком. Он посмотрел на браунинг в руке Фабрициуса и спросил:

— Что прикажете, товарищ начальник?

— Гони бронепоезд в сторону красных. Да не вдумай гудеть. У нас есть запасной машинист.

— Можете не агитировать. У меня семья в Луганске, — хмуро сказал машинист и повел бронепоезд

мимо железнодорожных составов, в сторону станции Пшарино, где находились части бригады.

До начала наступления Фабрициус успел безошибочно «рассортировать» команду бронепоезда. Машинист, его помощник и кочегары совсем недавно работали в железнодорожном депо Луганска и были мобилизованы белогвардейцами под страхом смерти. Фабрициус поговорил с ними по душам, и они дали слово, что в бою искупят свою вину перед советской властью.

Пьянство на службе Фабрициус считал изменой, пьяниц глубоко презирал и считал неполноценными людьми. По распоряжению комбрига еще не протрезвившиеся офицеры были выброшены из бронепоезда.

Не удалось полностью распропагандировать оружейные расчеты, зато все пулеметчики согласились служить в Красной Армии. Фабрициус придал к каждому расчету коммуниста и оставил пулеметчиков на бронепоезде. Оружейные расчеты были пополнены за счет артиллерийского дивизиона.

Не сняв с бронепоезда белогвардейского флага, Фабрициус повел его на станцию Лихую. Подъехав вплотную к железнодорожному узлу, комбриг приказал открыть огонь по огневым позициям, пулеметным точкам, штабам белогвардейцев. Огневые удары «своего» броневоезда были настолько неожиданными и в то же время страшными, что деникинцев охватила паника. А за бронепоездом шли в широкой цепи бойцы бригады. Они ворвались на станцию и уничтожили гарнизон офицеров-«смертников».

Победители захватили много орудий, английских и французских пулеметов, эшелоны с боеприпасами и продовольствием, с обмундированием и медикаментами. Противник не мог примириться с потерей важ-

нейшего узла сопротивления и в тот же день, 2 января 1920 года, перешел в контрнаступление. Цепи белогвардейцев дошли до станции Лихой и здесь перед ними выросла стена артиллерийского и пулеметного заградительного огня. Понесла большие потери, деникинцы отступили в район хуторов Ильин—Тацин.

Подтянув резервы, белогвардейцы снова бросились в атаку. Красные полки отбили натиск врага и погнались его к Азовскому морю.

Победы не вскружили Фабрициусу голову. Коммунистическая партия научила его спокойно и трезво оценивать обстановку, как бы сложна и тяжела она ни была, и принимать правильные решения. Комбриг Фабрициус знал, что нужно уметь не только наступать, но и обороняться и отступать, чтобы, сохранив и приумножив силы, нанести врагу новый, более сильный удар.

Пройдя с боями около 125 километров, 48-я бригада 16 стрелковой дивизии заняла позиции на северном берегу Дона, у станции Аксайской. Вечером 18 января 1920 года Фабрициус получил приказ совместно с 47 стрелковой бригадой овладеть станицей Ольгинской.

Фабрициус развернул рабочую карту. Не в силах сдерживать гнев, возмущенно сказал:

— Ловушка, форменная ловушка!

Начальник оперативного отдела подошел к столу, взглянул на обведенную красным карандашом станицу Ольгинскую и робко спросил:

— Вы имеете в виду опасность флангового удара противника со стороны Батайска?

— Оттуда нашему тылу будет угрожать конный корпус Мамонтова, — ответил Фабрициус. — Чуть южнее, в районе Злодейской и Хомутовской, по сведениям нашей разведки, стоят четыре пехотных полка и конная дивизия деникинцев. Маньчская — тоже

занята белыми. Противник всюду владеет командными высотами. Мы будем наступать с обнаженным правым флангом. Используя конницу и бронепоезда, белогвардейцы отсекут нас от Ростова и перехватят единственную переправу у Нахичевани, которая, как видите, куда ближе к Батайску, чем к Ольгинской. Командарм Шорин то ли не продумал до конца боевую операцию, то ли нарочито ставит нас под удар белых. Никак не пойму, почему в штабе армии не желают учитывать опыт Орловско-Кромской или Курской операции. Там мы правильно выбирали главное направление и разбили противника мощными фланговыми ударами конницы и пехоты...

Зазвонил телефон. Это начал 16-й стрелковой дивизии Медведовский интересовался готовностью бригады к выполнению боевой операции. Привыкший всегда говорить правду, Фабрициус с гневом произнес:

— Боевая операция, задуманная Шориным, порочна в своей основе. Я предлагаю другой план наступления и прошу довести его до сведения командарма.

Медведовский предложил Фабрициусу немедленно выслать план боевой операции и пообещал ознакомить с ним командующего VIII армии.

В своем плане Фабрициус исходил из более трудной задачи. Он считал, что взятие станицы Ольгинской — это часть боевой операции, конечной целью которой является окончательный разгром живой силы противника. Для этого надо не дробить имеющиеся силы, а использовать их, собрав в мощные кулаки. Фабрициус предлагал: «оставив заслон по реке Дон на линии Ростов—Нахичевань—Старочеркасская, сконцентрировав 1-ю Конную армию в районе севернее Старочеркасская—Маньчская, вести одновременно наступление

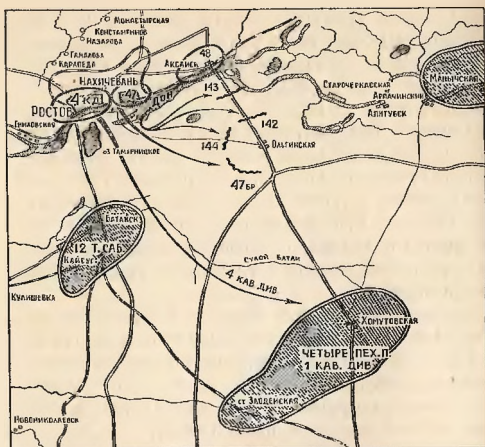

Схема боевой операции за овладение станцией Ольгинская, составленная командиром 48-й стрелковой бригады Я. Ф. Фабрициусом.

двумя сильными группами: правой в составе, главным образом, стрелковых частей VIII армии и небольших частей конницы, под прикрытием Азовского моря с запада, — на Азов и далее в направлении на станицю Злодейская, и левой в составе 1-й Конной армии, поддерживаемой стрелковыми частями, в направлении на Маньчскую и далее на станцию Хомутовскую — станцию Злодейскую. Противник оказался бы в клещах, а с нашим прорывом железных дорог Кайсуг—Куцевка и Кайсуг—Качальвицкая, лишенный своих жизненных

артерий — железнодорожного сообщения на юг, вынужден был прорываться на юг... и был бы уничтожен¹.

Ставленник Троцкого, командарм Шорин не принял предложения комбрига Фабрициуса. Ответ был лаконичный: наступать 47-й и 48-й бригадам 16-й дивизии на рассвете 19 января. Прикрывать наступление с тыла и справа будет 4-я кавалерийская дивизия Городовикова. 1-я Конная армия 20 января поведет наступление на Батайск, который возьмет к вечеру того же дня, так что никакой опасности частям 16-й дивизии угрожать не будет.

Повинуясь воинской дисциплине, Фабрициус приступил к выполнению приказа, хотя понимал, что и второй вариант плана командарма неудачен. Наступление попрежнему ведется не всей массой имеющихся сил и удары наносятся не одновременно. 1-я конная армия наступает почему-то без пехоты на защищенный многими рядами колючей проволоки Батайск. Ночью обе бригады 16-й стрелковой дивизии, а вслед за ними и 4-я кавалерийская дивизия переправились на южный берег Дона. К 9 часам утра части развернулись у безымянного озера, в 8 верстах северо-западнее станицы Ольгинской.

Противник немедленно открыл огонь с бронепоездов из района Батайска по цепям атакующих и бросил в бой конные полки. Артиллерия 47-й и 48-й бригад, не имея наблюдательных пунктов и удобных ответных позиций, слабо поддерживала наступающих бойцов. Завязался длительный ожесточенный бой. К

¹ Я. Фабрициус. «Воспоминания о боях с копией Деникина за станцию Ольгинскую». Журнал «Война и революция», 1928 г., № 2, стр. 102.

12 часам Фабрициус увидел движущиеся из Батайска конные полки. Это были отборные части генерала Мамонтова — более 10 тысяч сабель.

Конница противника волнами катилась в атаку и, отбитая пулеметным и ружейным огнем, возвращалась на исходные позиции. Неравный бой длился до вечера. Отбив все атаки, Фабрициус усилил головной 142-й стрелковый полк двумя резервными батальонами и повел их на Ольгинскую. Прикрываясь балкой и дамбой, красноармейцы ворвались в станицу.

Как только была занята Ольгинская, начдив Городовиков сообщил Фабрициусу, что согласно приказанию из штаба 1-й Конной армии он отводит свои части в Ростов для участия в операции по взятию Батайска. Вместе с Городовиковым уехал и начдив Медведовский, которого Фабрициус просил настоять перед штабом VIII армии о подкреплениях для развития наступления на юг от реки Дон.

Фабрициус, назначенный комендантом станицы Ольгинской, сразу же установил кольцевое охранение и выслал разведку на Аксайскую, Батайск, Хомутовскую и хутор Старомахинский. Из опроса пленных и жителей комбриг узнал, что Ольгинскую обороняли четыре пехотных полка, кавалерийская дивизия и специальные мелкие части противника, которые отошли на юг к станице Хомутовской.

Всю ночь с 19 на 20 января противник предпринимал атаки, но был отбит. На рассвете 1-я Конная армия двинулась на Батайск. В течение дня Буденный предпринял несколько атак, но, не имея поддержки пехоты и артиллерии, не мог захватить город.

Вечером Фабрициус проводил в станице Ольгинской митинг, призывая пленных и население вступить в ряды Красной Армии. Сквозь толпу к комбригу про-

толкался наблюдатель с церковной колокольни и шопотом сообщил:

— Наша конница уходит от Батайска на Ростов.

— Продолжайте наблюдение, — спокойно приказал Фабрициус. — Все, что заметите, записывайте!

Сведения, доставленные наблюдателем, подтвердила и разведка. Части 1-й Конной армии по приказу своих командиров отошли в Ростов.

Противник усилил натиск на станицу Ольгинскую с трех направлений: от Батайска и от станиц Хомутовской и Маньчской. Стрелковые части, оборонявшие Ольгинскую, отбили все атаки. Фабрициус по телефону связался с начдивом Медведовским и, доложив обстановку, потребовал передать в штаб армии настоятельную просьбу — либо к рассвету прислать дивизию на подкрепление защитников Ольгинской, либо отдать приказ об организованном отходе бригад, которые не в силах сдерживать превосходящие силы противника.

Через некоторое время начдив 16-й передал Фабрициусу ответ из штаба VIII армии, что меры принимаются и никакой опасности бригадам не угрожает. Это казенное равнодушие к судьбе шести стрелковых полков и приданных им специальных частей возмутило Фабрициуса, и он твердо решил доложить члену Реввоенсовета южного фронта И. В. Сталину об ошибках командарма, граничащих с предательством.

Перед рассветом 21 января противник перерезал единственный путь отхода бригад на Нахичевань, а также оседлал дамбу между станицами Ольгинская—Аксайская. Телефонная связь с дивизией была прервана.

Фабрициус созвал совещание командиров и комиссаров частей и призвал их разъяснить бойцам, что

только высокая дисциплинированность и железная стойкость могут спасти части от гибели.

С рассветом противник повел наступление на Ольгинскую с юга и с запада. Ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем атаки врага были отбиты. Фабрициус вместе с командиром 47-й стрелковой бригады Богомоловым обехал части и ободрил измученных бессонницей и непрерывными двухдневными боями красноармейцев.

Со стороны станицы Маньчской Деникин бросил на Ольгинскую новые полки конницы. Кольцо вокруг станицы стало медленно сжиматься.

Комбриг Фабрициус разработал план прорыва и вывода частей из окружения и довел его до командиров и комиссаров частей. В 13 часов 142-й и 143-й стрелковые полки под прикрытием сильного артиллерийского огня пошли в атаку и смяли цепи противника. Наращивая удары, полки очистили от белогвардейцев дорогу Ольгинская—Нахичевань и стали постепенно выходить из окружения. У безымянного озера головные отряды были атакованы с правого фланга казаками. Взяв два конных эскадрона и сводный отряд конноармейцев, Фабрициус повел их в атаку и уничтожил белогвардейцев.

Покончив с неожиданно появившимся противником, Фабрициус приказал командиру 144-го полка, прикрывавшего отступающих, ускорить движение. В эти тревожные минуты к Фабрициусу подскочил комбриг Богомолов с несколькими всадниками. По их лицам не трудно было догадаться о беде.

— Моя бригада погибла, — глухо произнес Богомолов. — После вашего прорыва и отхода калетов от Ольгинской бойцы с криком «наша берет» кинулись преследовать белых. Взаимодействие полков наруши-

лось, левый фланг обнажился, и противник, воспользовавшись этим, разгромил бригаду.

Белогвардейцы решили уничтожить и 48-ю бригаду и стали окружать ее с юга. Командир 144-го полка сосредоточенным огнем отбил атаки противника. Конные полки Мамонтова были вынуждены предпринять глубокий обход бригады.

В это время Фабрициус узнал, что из Ростова во главе небольшой кавалерийской части выехал командир 1-й конной армии Буденный и начал 16-й Медведовский. Комбриг 48-й поскакал им навстречу по дороге южнее излучины Дона. Доложив о гибели 47-й стрелковой бригады, Фабрициус рассказал, что конница белых обходит правый фланг отходящих частей.

Для отражения атаки противника был создан сводный отряд, в который вошли эскадроны стрелковых бригад, конноармейцы и весь командный состав. Отряд в контратаку повел Семен Михайлович Буденный. Укрываясь в балке, конники приблизились к мамонтовцам и ринулись в атаку. Фабрициус мчался рядом с Буденным. Обладая большой физической силой, неистовый в гнев, Фабрициус хорошо рубил шашкой. Буденный, окруженный своими отборными бойцами, проложил широкую просеку в казачьем полку. Удар красной конницы был таким яростным и стремительным, что передовые части белогвардейцев были уничтожены. Немногим удалось уйти с поля боя. Они донесли частям белых, брошенных в обход бригаде, что Конная армия во главе с Буденным неожиданно перешла в наступление. В панике белогвардейцы откатились назад к станице Ольгинской.

К вечеру 21 января 48-я стрелковая бригада, сохранив полностью всю свою материальную часть и

обозы, вышла к переправе и к ночи вступила в Нахичевань.

Горячо поблагодарив Буденного за боевую выручку, Фабрициус сказал:

— Надо о шоринской провокации доложить товарищу Сталину.

— Оповдали, — сказал, улыбаясь, Семен Михайлович. — Мы с Ворошиловым послали телеграмму Иосифу Виссарионовичу и уже получили ответ. Шорин снят с работы.

— Тогда еще раз благодарю и вас, и особенно товарища Сталина, — горячо произнес Фабрициус и так сжал руку Буденного, что тот невольно поморщился.

Войска белогвардейцев, защищавшие Батайский плацдарм, были разгромлены войсковой группой Красной Армии в составе 1-й Конной армии, 16, 13, 15 и 40-й стрелковых дивизий. Остатки так называемой «добровольческой армии» стали отходить к Черному морю.

Для эвакуации своих частей генерал Деникин решил использовать Таманский полуостров. Штаб южного фронта, стремясь отрезать белогвардейцам все пути отступления, выделил группу войск для освобождения и охраны от противника Таманского полуострова. Командование этой группы было поручено Яну Фабрициусу.

16 марта 1920 года 48-я бригада с приданными ей мелкими специальными подразделениями форсировала реку Кубань и двинулась на Темрюк. По пути Фабрициус громил белые банды, вылавливал и сводил в резервный батальон так называемых «зеленых», скрывавшихся от службы в армии. Прочесав и очистив от врагов весь Таманский полуостров, Фабрициус расквартировал надежные гарнизоны в станицах Фанта-

ловской, Таманской и Благовещенской. Вдоль всего побережья были установлены круглосуточные посты наблюдения. Фабрициус понимал, что ему поручено охранять правый фланг и тыл наших уверенно наступающих на Новороссийск частей, и не сомневался в том, что белогвардейцы попытаются высадить на полуостров десант.

В городе Темрюке, где остановился штаб 48-й бригады, и во всех станицах полуострова комбриг и военный комиссар Фабрициус провел выборы в Советы, создал партийные организации.

В частях была развернута учеба по плану, утвержденному комбригом. Особое внимание уделялось политической, огневой и тактической подготовке красноармейцев. С «зелеными» большевик Фабрициус проводил политические занятия и сумел подготовить из бывших дезертиров умелых и преданных Советской власти бойцов.

27 марта, когда ударная группа советских войск двинулась на решительный штурм Новороссийска, белый генерал Слащов высадил на побережье Таманского полуострова крупные десантные силы. По замыслу белого командования десантники должны были пройти через станицу Фанталовскую на Темрюк и нанести удар в тыл наступающим красным частям.

Фабрициус со штабной командой сразу же выехал в Фанталовскую. Только он успел распорядиться о продвижении полков бригады в район десанта, как его вызвали к телефону.

— У аппарата начальник штаба бригады Ершов, — услышал Фабрициус. — Командарм Сокольников спрашивает, сброшен ли противник в море?

— Видно командарму нечего делать, — вспылал Фабрициус. — Успокойте его, Иван Павлович. Пере-

дайте, что продвижение десантников приостановлено. Вражеские суда огнем артиллерии отгоняем от берега. Вот пока все.

Фабрициус положил трубку и поспешил к командиру гарнизона станицы Фанталовской. Тот сообщил неприятную новость:

— Высадилось еще до двух батальонов кадетов. Жмут! Пришлось ввести в бой последнюю резервную роту. Больше часа не продержимся.

— Вы плохо знаете своих бойцов, — сказал Фабрициус. — Они не умеют отступать и отдавать позиции противнику. Необходимо закрыть белогвардейцам дорогу на Темрюк.

Прибежал связной и выпалил скороговоркой:

— Товарищ комбриг, вас срочно требуют к телефону.

Звонил Ершов. Оказывается, командарм приказал ему через каждые пять минут докладывать о боевой обстановке.

Фабрициус вытер мокрое от пота лицо и резко сказал:

— Передайте командарму, пусть не наводит панику и не мешает нам выполнять боевую операцию. Сброшим десант в море, тогда и доложим...

— Увольте, — взмолился Ершов, — не могу передавать такие слова.

— Прикажите своему помощнику Лебедеву через каждые пять минут докладывать — «на фронте пока без перемен», — распорядился Фабрициус и повесил трубку.

Фабрициус презирал людей, теряющих спокойствие и силу воли перед лицом опасности. Сразу видно, что Сокольников растерялся и вместо деловых распоряжений отвлекает от дела пустыми телефонными раз-

говорами. Хочешь ускорить разгром врага — окажи оперативную помощь, пришли боевые корабли для борьбы с десантными судами противника.

Комбриг Фабрициус вынужден был ввести в бой все свои части. В решающие минуты боя он бросил в атаку и резервный батальон. Бывшие «зеленые» сражались мужественно и умело. К вечеру десантники были разгромлены. Только небольшому отряду удалось уйти на турецких фелюгах в Керчь.

Уничтожив десант белогвардейцев, части Таманской группы тем самым помогли своим товарищам по оружию освободить Новороссийск.

Оборона Ливно-Елецкого района, борьба с сильным и коварным врагом на юге научили Фабрициуса самостоятельно оценивать силы противника и принимать смелые и тактически правильные решения. Командир бригады Фабрициус научился побеждать более сильного по численности неприятеля и вести не только наступательные бои, но и стойко обороняться и выходить из окружения.

Во время Таманской операции Фабрициус приобрел ценный опыт в отражении десантных отрядов противника. Одержанная победа не помешала комбригу сделать вывод: задача полностью не разрешена, белогвардейцы в Крыму не добыты. Изучив опыт врага и имеющуюся под руками военную литературу, Фабрициус стал готовить бригаду к десантной операции. Ему удалось собрать небольшую «флотилию» из торговых судов, захваченных у белых, и турецких фелюг, отобранных у контрабандистов на побережье. Не хватало боевых кораблей для обеспечения десантной операции.

Фабрициус представил в штаб армии свой план вторжения в Крым. В нем комбриг особо подчеркивал, что именно сейчас, пока противник охвачен паникой

и не успел укрепить побережье инженерными сооружениями, неожиданный удар через Керченский пролив в тыл генералу Слащову даст возможность добить последний очаг белогвардейщины на юге.

Троцкий Сокольников¹ не нашел нужным даже ответить на предложение Фабрициуса. Это было явное преступление против советской власти. Успешно проведенный десант частей Красной Армии в Крым дал бы возможность уже тогда ликвидировать Врангеля.

Настойчивость и упорство в достижении цели — типичные деловые черты Яна Фрицевича Фабрициуса. Когда он чувствовал свою правоту и был убежден, что начатое им дело принесет пользу партии и народу, он упорно ломал все преграды, встречающиеся на пути к достижению цели. Пусть не его бригада, а другие части Красной Армии будут двинуты на Крым и до конца ликвидируют белогвардейщину. Надо, не теряя ни минуты ценного времени, использовать благоприятную обстановку и завершить очищение родной земли от врага. Если разрешению вопроса на месте мешают старшие начальники, Фабрициус, мянуя их, смело обращался за помощью в Центральный Комитет партии и непосредственно к В. И. Ленину. О десанте в Крым комбриг Фабрициус написал письмо в ЦК РКП(б). Насколько прав был коммунист Фабрициус, показывает особая записка В. И. Ленина Реввсей-совету республики. В ней В. И. Ленин писал:

«Нужно постановление РВС:

обратить сугубое внимание на явно *допущенную* ошибку с Крымом (во-время не двинули достаточных сил);

¹ Бывший командарм Сокольников — враг народа, осужден в 1937 г., как участник троцкистского центра.

— все усилия на исправление ошибки...

— в частности приготовить морские средства (мины, подводные лодки и т. п.) и возможное наступление с Тамани на Крым...

Ряд точнейших и энергичнейших постановлений РВС об этом *необходимо немедленно*¹.

Враг народа Троцкий не выполнил этого прямого указания В. И. Ленина.

Тем временем при помощи англо-французского флота шла усиленная переброска в Крым 35—40 тысяч белогвардейцев, уцелевших от окончательного разгрома на Кубани. Новый ставленник Антанты барон Врангель собирал армию для нападения с Крыма на Советскую Россию.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 377.

НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

В апреле 1920 года польские войска по указке стран Антанты неожиданно перешли в наступление, вторглись в пределы Советской Украины и захватили Киев.

У белополяков был план: захватить в свои руки правобережную часть Советской Украины и Советскую Белоруссию, восстановить в этих районах власть польских панов, расширить пределы польского государства «от моря до моря», от Данцига до Одессы, помочь Врангелю развить Красную Армию и восстановить в Советской России власть помещиков и капиталистов.

Попытки Советского правительства начать переговоры с Польшей были отвергнуты. Контрреволюционный буржуазный националист, агент английской разведки, «глава государства» Пилсудский рассчитывал на легкую победу.

Самыми непримиримыми врагами и самыми активными организаторами и участниками борьбы против Советской республики были американские монополисты. Именно на их помощь, главным образом, и опирался Пилсудский, организовав сумасбродный поход

на Советскую Россию. Еще 17 января 1920 года американский посланник в Варшаве Гибсон направил правительству США детально разработанный план организации польского нападения на «большевистскую Россию». Активную помощь белопольской армии оказывали империалисты Англии и Франции.

В ответ на нападение польских войск Красная Армия развернула контрнаступление по всему фронту.

В начале июня 1920 года 16-я дивизия имени Киквидзе, в которую вновь вошла снятая с Таманского полуострова 48-я бригада Фабрициуса, была направлена на Западный фронт.

9 июня 1920 года части 48-й бригады прибыли в район Полоцка. На следующий день комбриг Фабрициус созвал совещание командиров. Прежде всего он спросил присутствующих, имеют ли они газеты «Правда» от 30 апреля, а также за 5, 25 и 26 мая. Командиры переглянулись, не понимая, почему комбриг начинает служебное совещание с разговора о старых газетах.

Командир 143-го полка Агуреев сказал, не скрывая досады:

— Не уберegli, товарищ комбриг.

— Самое главное боевое оружие не уберegli, — сурово произнес Фабрициус. — В этих номерах «Правды» напечатаны выступления руководителей нашей партии В. И. Ленина и И. В. Сталина о новом походе Антанты на Советскую Россию. Мы с вами всегда должны иметь под рукой эти руководящие документы. Я лично вырезки из газеты «Правда» всегда ношу с собой. Вот здесь в полевой сумке рядом с боевой картой. Наша первейшая обязанность вести полнотруду, постоянно разъяснять красноармейцам и остальным командирам решения нашей Коммунистиче-

ской партии. По опыту знаю, что чем выше политическая сознательность личного состава части, тем дисциплинированнее и способнее она. Кто не понимает этой простой истины — тот не способен командовать бойцами. В ближайшее время необходимо провести красноармейские митинги. Надо разъяснить бойцам — с кем мы воюем, во имя чьих интересов пан Пилсудский затеял сумасбродный поход с «огнем и мечом» против советского народа.

Ставя перед командирами задачи по обучению красноармейцев, Фабрициус особое внимание уделил огневой и инженерной подготовке. Комбриг предложил укомплектовать взводы конной и пешей разведки и, не теряя ни минуты дорогого времени, учить их бесшумно преодолевать различные противопехотные препятствия.

Через неделю комбриг лично проверил, умеют ли разведчики и саперы скрытно пробираться к инженерным городкам, построенным в чистом поле, и бесшумно резать колючую проволоку. Плохо ползающих по-пластунски несколько раз отправлял на исходный рубеж. Услышав звонкий щелчок перекусываемой колючки, командовал «оставить», подзывал смущенного красноармейца и укоризненно говорил:

— Можно сказать, что условно вы убиты. Услышав такой грохот, пулеметчики противника сразу же открют огонь, и вы погибнете, не выполнив задания. Надо только надкусывать проволочную нить, затем ломать ее и отводить концы в сторону. Смотрите, как это делается...

Взяв у бойца саперные ножницы, Фабрициус подползал под ржавую проволоку, быстро надкусывал ее и, бесшумно переломив, ловко отводил концы к колям.

Потом его место занимал красноармеец и, тяжело дыша от волнения, во всем подражая любимому комбригу, резал проклятую колючку.

Упорная, умело организованная двадцатидневная боевая подготовка благотворно сказалась на успехах бригады по прорыву сильно укрепленных линий обороны белополяков под местечком Глубокое и особенно под Сморгонью.

... 12 июня после ожесточенного боя польские части оставили старые русские окопы времен мировой войны и отошли на заранее подготовленные позиции под Сморгонью.

Комбриг Фабрициус вместе с начальником штаба Ершовым провели тщательную рекогносцировку местности. Их лица стали серыми от пыли, гимнастерки продрались на локтях.

Вдоль реки Оксна перед ними простиралась широкая полоса колючей проволоки, бурой от налета ржавчины, а может быть, и от крови русских солдат, тысячами повисавших на этих «заборах смерти» в бесславных атаках 1915-1916 годов. Не случайно среди солдат в мировую войну ходила поговорка: «Кто под Сморгонью не бывал, тот и горя не видал».

Американские и французские военные специалисты усиленно восстанавливали и укрепляли немецкие оборонительные сооружения в начале 1920 года. Новой проволокой залатали снарядные пробоины в стене проволочных заграждений, поставили железобетонные укрытия для пулеметов и орудий.

— Вот она, окаянная Сморгонь, — угрюмо сказал Ершов. — В боях с пруссаками у этих высот погибли целые дивизии.

— И все-таки, Иван Павлович, мы вышибем белополяков из Сморгони, — хмураясь, заметил Фабрициус

и опустил бинокль от усталых глаз. — Надо только подвезти тяжелую артиллерию для подготовки атаки, дать людям хотя бы короткий отдых и провести детальную разведку.

К Фабрициусу подбежал помощник начальника штаба по оперативной части Лебедев и протянул только что полученный приказ. В нем предлагалось с рассветом 13 июля продолжать наступление, выбить противника из бывших германских окопов и занять их.

Приказ был подписан командующим XV армией Корком¹.

Комбриг Фабрициус нервно покрутил усы и сказал Эршову:

— Корк приказывает наступать немедленно. Хочет уробить бригаду. Это ему не удастся.

Выпрямился и быстро зашагал к хутору, где обожновался штаб. Связался по телефону с начальником дивизии Медведовским и попросил его переговорить с командармом о предоставлении времени на подготовку атаки. Кроме того, комбриг указал, что части соседней 54-й стрелковой дивизии еще не вышли на восточный берег реки Вилейки, а наступать с открытым флангом — это значит заведомо идти на поражение.

Медведовский, отлично понимавший, что без основательной подготовки Сморгонь взять невозможно, обещал просьбу Фабрициуса сразу же довести до командарма.

Комбриг 48-й отдал необходимые указания командирам частей и специальных подразделений о подготовке к наступлению. Стремясь раздобыть необходи-

¹ Корк — враг народа, фашистский шпион, участник заговора против советской власти. Расстрелян в июне 1937 г.

мые сведения о противнике, Фабрициус лично допросил пленных, побеседовал с местными жителями — белорусами и поляками. И хотя показания их были разноречивы, они все же принесли известную пользу. После беседы один из крестьян задержался в садике хутора и, склонившись к сидящему Фабрициусу, сказал по «секрету»:

— Ты вот, начальник, всех про колючку допытывал: где она, проклятая, гуще, где жиже. Так вот намотай себе на ус, благо он у тебя длинный. От деревни Перевозы к паровой мельнице мы наездили дорогу, а проволоку растащили. Может, эти воротца тебе и пригодятся... Паны их еще не залатали. Мой сосед еще вчера на мельницу ездил...

Фабрициус торопливо пометил на карте указанную дорогу, посмотрел на разбитые лапти, залатанные штаны, скуластое лицо крестьянина и сказал, улыбаясь:

— Спасибо тебе, отец. От всех нас. А ты мог бы показать разведчикам эту проселочную дорогу?..

— Тебе спасибо, что пришел, нашего пана с именем вытурил. Пооди, до самой Варшавы бежит без оглядки. Покажу, все что надо покажу. Я сам русско-японскую кампанию прошел, понимаю, что к чему...

Фабрициус распорядился, чтобы старика накормили, вызвал командира 143-го стрелкового полка и приказал ему провести тщательную разведку проселочной дороги и подступов к высоте 72,9 (смотри схему на стр. 171). Комбриг подчеркнул, что крайне желательно захватить эту главенствующую высоту и оборудовать на ней наблюдательный пункт. В качестве проводника предложил взять крестьянина, рассказавшего о «воротцах» в проволочных заграждениях.

Не успел командир 143-го полка уйти, как явился

начальник штаба Ершов и передал письменный ответ командарма. В нем подтверждалось категорическое требование — 13 июля с рассветом занять сморгонские позиции противника, призвела артиллерийскую подготовку легкими орудиями, имеющимися в распоряжении бригады.

Тяжело, очень тяжело полководцу готовить боевую операцию без веры в ее успешное осуществление. Фабрициус не сомневался в мужестве и храбрости бойцов, они поднимутся в атаку, но у них нет крыльев, чтобы перелететь через двенадцатирядный проволочный забор.

Комбриг приказал командиру артиллерийского дивизиона сосредоточить огонь всех орудий на узком участке наступления 142-го полка, разбить проволочный забор и огневые точки противника.

Утром 143-й полк, используя дорогу, указанную крестьянину, внезапным ударом вышиб белополяков с высоты 72,9, но удержать ее в своих руках не сумел. Противник бросил в обход высоты значительные силы пехоты и, открыв по красноармейцам, не успевшим окопаться, перекрестный огонь, заставил бойцов отступить в старые русские окопы.

Многочисленные атаки 142-го и 144-го полков также не увенчались успехом. Трехдюймовые орудия не могли разбить многорядный проволочный забор и толстоствольные железобетонные огневые точки. Красноармейцы доходили до противоположных препятствий и, встреченные фланговым и кинжальным пулеметным огнем, откатывались на исходные позиции.

Части соседней 47-й стрелковой бригады 16-й мнени Киквидзе дивизии несколько раз поднимались в лобовые атаки и, оставив у проволочки убитых и раненых, возвращались в свои окопы.

С большими потерями были отбиты все атаки полков 33-й Кубанской стрелковой дивизии, наступавшей южнее 47-й стрелковой бригады.

Комбриг Фабрициус наотрез отказался от плана лобовых атак, предложенных командармом Корком. Сколько смелых и отважных бойцов осталось у проклятой кололочки, как заметно поредели ряды 142-го полка! Фабрициус решил предпринять обходный маневр. У деревень Перелесье и Перевозы есть лес. Надо его занять и оттуда вести дальнейшие боевые операции.

К вечеру 13-го июля к реке Вилля наконец-то подошли части 54-ой стрелковой дивизии и прикрыли правый фланг 48-ой бригады.

С наступлением темноты Фабрициус отобрал из конной и пешей разведки самых отважных и умелых бойцов и повел их к лесу. Впереди, неслышно ступая по земле, шли бывалые разведчики Иван Дьячков и командир конной разведки бригады Георгий Вукмрнович, которого все звали Жоржем. У деревни Перевозы в роде красноармейцы наткнулись на крестьян, сидевших в ямах на домашнем скарбе. Фабрициус побеседовал с ними и выяснил, что лес, как и переловые окопы у города Сморгонь, заняты слабыми цепями пехоты поляков. Очевидно белополяки испугались артиллерийской подготовки и отошли к деревьям Свеляны, Корень, Минки и Лычники. По проходам в проволочных заграждениях Фабрициус с разведчиками пробрался в лес.

Неожиданно с правой стороны гулко застучал пулемет. Разведчики присели на землю.

— Товарищ комбриг, разрешите снять эту точку, — шепнул на ухо Фабрициусу красноармеец Михаил Паскин.

— Идите с Дьячковым...

Припадая к деревьям и кустам, разведчики двинулись к пулемету. Прошло несколько томительных минут. Пулемет бил короткими очередями. Срезанные пулями ветки падали к ногам разведчиков. Но вот слабый ветерок донес приглушенный шум, и пулемет замолк.

— Вот и порядок, — сказал лежащий рядом с Фабрициусом никогда не унывающий Жорж. Серб по национальности, он слылся удивительным хладнокровным и смелостью.

К Фабрициусу подошли Дьячков и Пасхин, неся на руках новенький английский пулемет.

— Расчет придется прикончить, — сокрушенно сказал Дьячков. — Виноват, товарищ комбриг. Взять языка не сумел...

— У нас есть свои языки — белорусские крестьяне. Я им верю куда больше, чем напуганным шляхтичам...

Внимательно осмотрев лес, Фабрициус разбил разведчиков на пары и приказал им проделать несколько проходов в проволочных заграждениях. Сам лег у трофейного пулемета, готовый прикрыть огнем своих боевых друзей. Тихо шептались листья осин и берез, пахло зреющей земляникой и порохом. От проволочного забора доносились чуть слышные щелчки ножниц. Разведчики, как всегда, соблюдали тишину.

По указанию Фабрициуса проходы были обозначены колышками, тыловая сторона которых была обтесанной, белой.

Возвращаясь к штабу, комбриг обдумал план боевой операции. Он решил в старых русских окопах, у реки Вилия, оставить один полк, а два других скрытно провести к оврагу у высоты 72,9 и поставить в затылок, в полной готовности к атаке. Бросок в

атаку должны были обеспечить артиллеристы 54-й стрелковой дивизии, с начальником которой Фабрициус уже имел договоренность. Сосредоточенным огнем тяжелых и легких орудий решено было уничтожить противника на высоте 72,9 и на южной опушке леса. Ровно в три часа, по замыслу комбрига, артиллеристы переносили огонь на позиции, которые штурмовались днем. Здесь 142-й стрелковый полк должен был провести ложную атаку.

В три часа ночи Фабрициус лично повел первый батальон 143-го полка на штурм высоты 72,9. Красноармейцы безмолвно атаквали окопы противника и перекололи штыками заслон белополяков.

Заняв важную для успешного наступления высоту, Фабрициус сразу же двинул полки в лес. Разведчики, приданные стрелковым подразделениям, провели бойцов в рощу по проходам, проделанным в проволочных препятствиях. Рота противника, занимавшая окопы вдоль опушки леса, бежала. Части 144-го полка прижали белополяков к реке Оксна. В это время батальон 143-го полка из леса ударил во фланг и тыл противника.

От деревни Перелесье враг бросил к реке Оксна полк пехоты. Командир батальона, занявший опушку леса, передал по телефону Фабрициусу, что замечена большая колонна противника, и спрашивал, как быть, какое принять решение.

— Пропустите колонну и ударом с тыла и фланга разгромите ее. Используйте ручные гранаты.

Как только послышались возгласы «ура» и взрывы гранат на опушке леса, Фабрициус ввел в бой батальон с высоты 72,9.

Сил у белополяков было больше, но они не ожидали удара с трех сторон и в панике бросились назад

к окопам. Красноармейцы, преследуя отступающих, прорвались за реку Оксна. Командир конной разведки бригады Вукмирович с несколькими разведчиками ворвался в огромный бетонированный блиндаж и захватил 64 пленных во главе с командиром батальона.

Красноармейские цепи вышли на линию дороги Сморгонь—Рыбаки. Противник открыл сильный огонь из дальнбойных орудий, но снаряды рвались далеко позади целей. Контратакующая группа врага из деревень Свейяны и Корень была рассеяна артиллерийским огнем.

Стремительной атакой 143-й полк выбил белополяков из деревни Свейяны. В это же время 144-й полк занял деревни Корень и Минки. Подвезенные к переднему краю орудия открыли огонь прямой наводкой по станции Сморгонь и по деревне Лычкини. За огненным валом шли в атаку полкн бригады Фабрициуса.

Противник стал поспешно отходить по всей линии. В прорыв вошли части 33-й Кубанской и 54-й стрелковых дивизий.

Не помогли белополякам американские, английские и французские военные советники и инженеры, усердно укреплявшие линию обороны вдоль старых германских окопов времен первой мировой войны. Знаменитая Сморгонь, прозванная «гигантской мясорубкой» и «неприступной твердыней», пала под натиском отважных советских воинов. В ичном бою 48-я бригада потеряла всего 9 бойцов. Противник же оставил в траншеях и блиндажах сотни убитых и раненых. Около 200 белополяков сдались в плен. Бойцы славного 143-го стрелкового полка захватили много исправных орудий, пулеметов, боеприпасов.

Прорыв вражеских позиций под Сморгонью имел

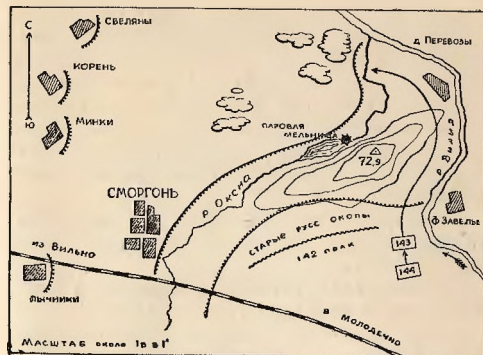

Схема боевой операции под Сморгонью, разработанная командиром 48-й стрелковой бригады Я. Ф. Фабрициусом.

большое значение для всех частей XV армии. Польское командование рассчитывало задержать наступление Красной Армии на сильно укрепленной поиме обороны Сморгонь—Шиловичи—Молодечно. Под надежным прикрытием противопехотных препятствий белополяки собирались привести в порядок свои изрядно потрепанные в предыдущих боях дивизии и перейти в контрнаступление. Разгром сморгоньского узла обороны сорвал планы белополяков. В широкие ворота, пробитые мужественными и храбрыми воинами 48-й стрелковой бригады, сразу же вошли полки 16 и 54-й стрелковых дивизий и, тесня окваченного панкой противника, двинулись к Неману.

Разрабатывая и осуществляя боевую операцию по разгрому частей белополяков под Сморгонью, комбриг

Фабрициус проявил смелость, мужество, высокое воинское мастерство, свойственные прославленным полководцам гражданской войны, верным сынам Коммунистической партии. Командир бригады Фабрициус умело оценил местность, правильно рассчитал направление главного удара, применил обходный маневр. Сморгонская операция вошла в сокровищницу боевого опыта Красной Армии и внимательно изучалась военными специалистами.

Благодарная Советская Родина отметила ратные подвиги комбрига Яна Фабрициуса вторым орденом Красного Знамени.

В приказе № 496 Революционного Военного Совета Республики от 13 октября 1920 года была дана высокая оценка воинскому мастерству комбрига Фабрициуса. В приказе подчеркивалось, что «... комбриг 48 тов. Фабрициус, развивая успех, ударил вправо и влево во фланг противника, чем способствовал занятию позиций неприятеля 46 и 47-й бригадами нашей (16-й) дивизии и частями 54-й дивизии, заставив противника отступить по всей линии».

Являясь подлинным интернационалистом-ленинцем, коммунист Фабрициус часто выступал в полках бригады, разъяснял бойцам, что они ведут справедливую войну и, защищая свое советское Отечество, в то же время помогают польским рабочим и крестьянам в их борьбе с национальной буржуазией и помещиками.

По мере продвижения частей Красной Армии к Варшаве нарастало революционное движение трудящихся Польши, руководимых Польской Коммунистической партией. В ряде городов происходили стачки. Трудовой народ выступал против войны с Советской Россией. Революционное брожение охватывало поль-

Грамота Реввоенсовета Республики о награждении командира 48-й стрелковой бригады Я. Ф. Фабрициуса вторым орденом Красного Знамени.

Командир 48-й стрелковой бригады Я. Ф. Фабрициус и начальник 16-й стрелковой дивизии имени Кинкидзе С. П. Медведевский среди бойцов после прорыва польской укрепленной линии под Сморгонью 15 июля 1920 года.

скую армию. В некоторых частях стали возникать солдатские Советы. В Белостоке был создан Временный ревком Польши. Во главе его встали видные польские коммунисты — Ф. Дзержинский, Ю. Мархлевский, Ф. Кон. Временный ревком Польши провозгласил освобождение трудящихся из-под ига капиталистов и

помещиков, торжественно заявил, что польский народ берет свою судьбу в свои руки.

Большевик Фабрициус внимательно следил за событиями, свято верил в победу торжества коммунизма, знал, что придет время, когда Польша будет свободной. В своем приказе № 51 от 15 июля 1920 г. комбриг Фабрициус, обращаясь к бойцам бригады, писал:

«... От имени Революции и Родины благодарю вас, мои славные красные орлы 48-й бригады. История оценит по достоинству все те жертвы, которые уже принесены вами. Золотыми буквами она выьет на скрижалях имена тех борцов за свободу пролетариата, которые уже пали за идеи коммунизма и мирового равенства и братства народов...

Недалек уже тот момент, когда Красное Знамя труда, которое вы несете, будет водружено в столице Польши — Варшаве.

Протянем братскую руку трудовому польскому народу. Да здравствует отныне и навеки свободная Польша!

Да здравствует вождь революции Ленин!»¹

¹ Центральный Государственный архив Красной Армии. Фонд 1258, оп. 3.

48-я БРИГАДА — ШИТАРМИИ

Следуя призывам ЦК РКП(б) и Советского правительства, сотни тысяч коммунистов и комсомольцев пошли на фронт. Опираясь на всестороннюю помощь тыла, Красная Армия в короткий срок добилась перелома. Особенно успешно продвигались вперед войска Юго-Западного фронта, очищая землю от оккупантов. Славная конница С. М. Буденного зашла в глубокий тыл противника и заняла Житомир. Преодолевая огромные трудности, части Юго-Западного фронта в течение месяца прошли с боями свыше 300 километров.

На поддержку белополяков Антанта двинула из Крыма войска барона Врангеля, снабдив их вооружением и продовольствием. Белогвардейцам удалось захватить Северную Таврию и районы южной Украины. Создалась угроза Донбассу и тылам Красной Армии.

Партия и советская власть выдвинули лозунг: «Помните о Врангеле! Смерть Врангелю!»

Значительные силы Красной Армии были брошены на внутренний фронт, и наступление Врангеля было приостановлено.

Войска Юго-Западного и Западного фронтов продолжали наступление по всему польскому фронту. Повстанческие и партизанские отряды Украины и Белоруссии помогли Красной Армии громить белополяков. Весь мир с напряженным вниманием следил за продвижением армии-освободительницы к Варшаве. Внутри Польши и по всей Европе усилилось революционное движение. «Руки прочь от Советской России!» — таково было повсеместное требование рабочих и революционных масс грядущих капиталистических стран. «Как только, — говорил В. И. Ленин, — международная буржуазия замахвається на нас, ее руку схватывают ее собственные рабочие. Вот в чем международное значение войны против Польши»¹. В странах, придушенных грабительской системой Версальского мирного договора, на Красную Армию смотрели как на освободительницу от оков хищнического империализма Антанты.

Дивизии Западного фронта, ломая ожесточенное сопротивление белополяков, шли на Варшаву. Через месяц после прорыва под Сморгонью 48-я стрелковая бригада, совместно с другими частями 16-й стрелковой дивизии имени Киквидзе, вышла к местечку Новое-Място. Позади остались освобожденные от противника города Белосток, Остров, Пултуск и сотни других населенных пунктов. Ломая узлы сопротивления врага, бригада прошла с боями более 600 километров.

До Варшавы оставалось несколько километров, но каждый шаг вперед давался ценой огромных, нечеловеческих усилий. Не было снарядов, фуража и продовольствия. Часто, не имея патронов в подсумках,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 285.

красноармейцы бросались в яростные штыковые атаки и выбывали из окопов белополяков.

С приближением советских войск к Варшаве сила сопротивления противника неизмеримо возросла. Под руководством французского генерала Вейгана польская армия была реорганизована, пополнена хорошо оснащенными свежими резервами. Пилсудский имел огромный перевес. Белополяки вводили в бой новые силы, а советские войска, по вине Троцкого, по существу резервов не имели. Наши действующие войска оторвались от своих тылов на сотни километров и сражались, ощущая острую нехватку боеприпасов, продовольствия, обмундирования и транспортных средств.

Таким образом, «наступление красных войск на Западном фронте, в сторону Варшавы, проходило — по вине Троцкого и Тухачевского — совершенно неорганизованно: войскам не давали закреплять завоеванных позиций, передовые части были заведены слишком далеко вперед, резервы и боеприпасы были оставлены слишком далеко в тылу, передовые части были оставлены, таким образом, без боеприпасов, без резервов, линия фронта была удлинена до бесконечности, и, следовательно, был облегчен прорыв фронта»¹.

В труднейших условиях бои, командиры и политработники проявляли исключительный героизм и мужество. Бессмертной славой покрыто имя командира 143-го стрелкового полка Николая Васильевича Агуреева. В решающую минуту боя, когда в ряды атакующих были направлены все, вплоть до писарей и поваров, коммунист Агуреев на своем молодом «Вороном»

¹ История ВРП(б). Краткий курс, стр. 231.

выехал вперед, выхватил шашку и возгласом: — «Смерть панам! Свободу народу!» — поднял красноармейцев в решительную атаку. Командир полка первым ворвался в укрепленный пункт и упал с коня, смертельно раненный в голову. Мстя за гибель любимого командира, бойцы уничтожили два батальона шляхтичей.

... У берегов Нарева похоронен помощник начальника штаба по оперативной части Алексей Васильевич Лебедев. Он проверял телефонную связь, когда в лошину, где помещался полевой штаб, упал тяжелый снаряд. Осколки разворотили грудь Лебедева. Он умер у Фабрициуса на руках. У сурового комбрига, не раз смотревшего смерти в лицо, на глазах заблестели слезы. Сам раненный осколком, Фабрициус даже не почувствовал боли, думая лишь о том, как бы спасти боевого соратника...

... В тяжелую минуту боя выбыл из строя раненый командир 142-го стрелкового полка Михаил Андреевич Стряченко.

... После третьей раны санитары унесли с поля боя любимца красноармейцев 143-го стрелкового полка комиссара Федорова.

... Разведчик Павел Чередник, раненый, не ушел из цепи наступающих. Один из самых метких стрелков бригады, он вырубал товарищей, снимая вражеских пулеметчиков, охотился за офидерами и подносчиками патронов, пока ноги не подкосились. Через четыре дня он вернулся в бригаду. В разведке пуля пробила ему ногу. Павел Чередник забрал лошадь у убитого офицера и ездил на ней, пока не зажили раны...

Героев не перечесть! Во имя победы многие из них отдали самое дорогое — жизнь. Фабрициус дорожил каждым бойцом и отлично понимал, что немало отваж-

ных можно было бы спасти от гибели, если бы у артиллеристов были снаряды и атаке предшествовала бы огневая подготовка. Да и пулеметы вели огонь слишком скупными очередями...

Отходить куда труднее, чем наступать. Сохранившиеся боевые приказания и донесения рассказывают о высоком моральном духе, о непоколебимой стойкости и отваге бойцов 48-й бригады. Самым тяжелым преступлением считались малодушие и трусость. С паникерами расправлялись беспощадно. Бригада отступала, ведя непрерывные бои и сохраняя в самой трудной обстановке дисциплинированность, организованность, мужество. В эти тяжелые дни крепко боевое товарищество и особенно стало заметным благородное чувство взаимной выручки.

Севернее Пултуска путь отхода красноармейцам преградил крупный конный отряд белополяков.

— Уланы! — прозвенел мальчишеский голос, и те, что шли вперед, невольно ускорили шаг. В такие минуты рождается паника, грозящая гибелью всей части. Учитывая это, ехавший на лошади Фабрициус, багровея от напряжения, во всю силу голоса скомандовал:

— Ложись! Пулеметы вперед для встречи конницы! И эту команду услышали все и сразу же бросились на землю.

Фабрициус повернулся к начальнику штаба Ершову и сказал совершенно спокойно:

— Иван Павлович, вы останетесь здесь и встретите конницу огнем, а я со штабным эскадроном ударю во флаг...

Хлестнул коня и поскакал вдоль цепи, подбадривая бойцов.

Ершов соскочил с лошади и, передав повод ординарцу, приказал отвести ее в укрытие.

Впереди, на опушке леса, сосредоточивались уланы. На солнце горели клинки офицеров. Ершову показалось, что уланы совсем рядом и, повидимому, не сомневаются в успехе атаки. Окинул взглядом красноармейцев, деловито подгоняющих упоры для стрельбы лежа, и кинулся к выдвинувшимся вперед пулеметчикам.

— Ну, как, не робеете, ребята!

— А чего нам робеть, когда шляхта совсем оробела. Гляньте, как топчутся на месте, как будто к копытам пудовики привязаны, — сказал пожилой наводчик, протаскивая ленту в приемник.

Ершов громко засмеялся. Заулыбались бойцы. А наводчик, прикидывая расстояние до рощи, нарочито громко сказал:

— Казачишек и тех на всем скаку срезали, а ведь те почище вояки. Встретим панов так, что не успеют и обидеться...

Донесся нарастающий топот копыт. Уланы бросились в атаку.

И сразу же на левом фланге взметнулось и покатило неудержимо сильными голосами поднятое «ура!» Это Фабрициус повел кавалерийский эскадрон на белополяков.

— Огонь! — спокойно скомаандовал Ершов.

Деловито заговорили пулеметы. Гулко грянул первый залп. Скачущие впереди нарядные, лихо размахивающие саблями офицеры вылетели из седел.

— Пришивай к земле, пришивай навечно, — кричал лежащий рядом с Ершовым пожилой пулеметчик, ведя огонь с рассеиванием по фронту. — Паны кланяются в ноги холопам...

Падали, бились на земле, дико ржали кони. Всад-

ники сталкивались, что-то кричали и медленно сползали под копыта лошадей.

Стрелки и пулеметчики прекратили огонь, когда кавалерийский эскадрон врезался в расстроенные ряды улан и погнал их к роще. Немногих унесли сытые, резвые кони...

48-я бригада была замыкающей и довольно часто прикрывала не только свою дивизию, но и части армии. 20 августа 1920 года нацив Медведевский передал комбригу Фабрициусу:

«Командарм приказал во что бы то ни стало держаться на этом берегу Нарева, ввиду тяжелого положения армии. Приказываю Вам с бригадой держаться на линии Иержаново—Червонки, загнув свой левый фланг на Залунье, где находится правый фланг 46-й бригады...»¹

Фабрициус выполнил приказ. Части бригады заняли круговую оборону и отбили одну за другой одиннадцать атак противника. Тогда белополяки решили обойти бригаду. На рассвете Фабрициус и Ершов услышали частую стрельбу на левом и правом флангах. Попробовали связаться по телефону с соседями и выяснить обстановку. На позывные никто не ответил — связь была прервана. Выслали конную разведку. Через некоторое время в штаб вбежал Вукмирович. С трудом сдерживая волнение, командир бригадной разведки доложил:

— Товарищ комбриг. Наши части слева и справа отошли за реку Нарев. Мост у Рожан догорает, из воды торчат обгоревшие сваи.

Ершов встал, прошелся по комнате, пристально

¹ Центральный Государственный Архив Красной Армии. Фонд 1258, оп. 2.

посмотрел на исхудавшее, давно небритое лицо Фабрициуса и тихо сказал:

— Пути для отхода нет. Связь с тылом нарушена. Что будем делать, Ян Фрицевич?

— Будем громить штабы противника, — горячо произнес Фабрициус, — партизаним. Безвыходного положения не бывает. Переправу поищем в районе города Остроленко.

Противник поднял силы и решил последнюю бригаду красных на правом берегу реки прижать к Нареву и уничтожить. Завязался ожесточенный кровопролитный бой. Неожиданно Фабрициус повел бойцов в наступление и отогнал белополяков к городу Макову. Затем, собрав части в крепкий кулак, стал пробиваться к городу Остроленко. Оттуда доносился шум боя. Значит, в том районе есть какие-то наши войска.

Фабрициус не знал, что к нему на помощь спешил Медведовский. Услышав о том, что две его бригады откатились за реку Нарев, а одна осталась у сожженного моста, начдив собрал до полка конницы и повел ее к переправе, у города Остроленко, чтобы вывести из окружения части Фабрициуса. Отряд Медведовского опоздал — мост уже был захвачен противником. Пехота и конница белополяков переправлялись на восточный берег. Медведовский вступил в неравную схватку, стремясь во что бы то ни стало овладеть мостом.

Шум этого боя и услышал Фабрициус. Отражая одним батальоном наседавших белополяков, комбриг повел бойцов в атаку и прорвался к мосту у Остроленко. Попав под двойной удар, части противника дрогнули, стали разбегаться. И тогда белополяки обрушили на мост огонь тяжелой артиллерии. В небе

появились самолеты, пилотируемые американскими летчиками. Вода в Нареве закипела, вспенилась от разрывов бомб и снарядов. Когда самолеты сделали второй заход для бомбежки, они были встречены дружным ружейным и пулеметным огнем. Установив пулемет на бречку, Фабрициус сам повел огонь по пикирующему головному самолету. Слева и справа также застрочили пулеметы. Головной самолет закачался, окутался сизым дымом и врезался в берег.

Мост загорелся. Бойцы 48-й бригады прорвались сквозь огонь врага, сквозь дым и пламя на восточный берег реки. Последним проскакал всадник в черной бурке — комбриг Фабрициус.

В минуты смертельной опасности комбригу Фабрициусу никогда не изменяло мужество, его не покидало спокойствие и уверенность в победе. Некоторые части Западного фронта и прежде всего конный корпус Гая перешли немецкую границу и были разоружены. Фабрициус стремился во что бы то ни стало сохранить родную бригаду как боевую единицу. Ни один боец не бросил винтовки, были сохранены все пулеметы и орудия. Сдерживая на важных рубежах противника, 48-я бригада давала возможность отходить частям XV армии. Поредели ряды бойцов, но никакие трудности не могли сломить их стойкость и отвагу. Несколько раз враги окружали 48-ю бригаду. Фабрициус собирал шатающихся от бессонницы, усталости и голода красноармейцев и говорил им:

— Надо, товарищи, прорвать кольцо неприятеля. Мы отступаем временно. Окончательная победа будет за нами. В огне революции спорят враги трудового народа...

И как всегда в первые ряды атакующих выходили самые смелые воины — коммунисты и комсомольцы.

Дружной, стремительной атакой бригада разрезала цепи противника и пробивалась к своим частям.

У Ломжи, после девятой атаки белополяков, в бригаде кончились патроны и снаряды. Гибель казалась неизбежной. Фабрициус выслал разведку. Наступила тревожная ночь. Комбриг проводил совещание с командирами, когда на белом от пены коне прискакал командир бригаазведки Вукмирович и доложил о том, что на станции Червоный Бор, занятой противником, стоит оставленный соседней дивизией эшелон с боеприпасами. Фабрициус сразу же принял решение — овладеть станцией. В отряд, как всегда, он отбирает самых верных бойцов — коммунистов и комсомольцев. Их мало осталось в строю, но только они могут выполнить этот необычайно смелый план.

В сумерки Фабрициус со своим крошечным отрядом ворвался на станцию и, переколов штыками взвод охраны, вывез боеприпасы.

На рассвете, уверенные в своей легкой победе, белополяки густыми цепями двинулись на бригаду. Бойцы Фабрициуса подпустили идущих в полный рост шляхтичей на двести метров и расстреляли пулеметным и ружейным залповым огнем. И на этот раз бригада не только вышла из окружения, но и нанесла поражение обнаглевшим белополякам. Комбриг Фабрициус пополнил свои части за счет разрозненных групп отступающих красноармейцев и вывел бригаду на огневые позиции, на которых было приостановлено продвижение противника.

...Прав был Ян Фабрициус, когда, обращаясь к бойцам бригады, писал в своем благодарственном приказе — «История оценит по достоинству все жертвы, которые уже принесены Вами».

Приказом Революционного Военного Совета Рес-

Грамота Реввоенсовета Республики о награждении командира 48-й стрелковой бригады Я. Ф. Фабрициуса третьим орденом Красного Знамени.

публики за отличия в боях с врагами Социалистического Отечества были награждены почетными революционными Красными Знаменами 142, 143 и 144-й стрелковые полки 48-й бригады знаменитой дивизии имени Киквидзе.

Родина-мать высоко ценит ратные богатырские подвиги своих верных сыновей. За выдающуюся стойкость и доблесть, проявленные в период наступательных боев на Варшаву и в последовавших затем арьергардных боях командир 48-й стрелковой бригады Ян Фрицевич Фабрициус был награжден третьим орденом боевого Красного Знамени.

Десятки бойцов и командиров доблестной 48-й стрелковой бригады были отмечены высшей военной наградой — орденами Красного Знамени.

ПЕРВЫЙ КРАСНОЗНАМЕНЕЦ

Благодаря принятым мерам наступление белополяков было остановлено по всему фронту. Пополненные части Красной Армии подготовились к контрудару. Паиская Польша, не имевшая свежих сил и опасавшаяся революционного взрыва в своей стране, была вынуждена отказаться от своих планов захвата Правобережной Украины и Белоруссии и пойти на переговоры с Советской Россией, 12 октября в Риге был подписан договор о перемирии. Красная Армия получила возможность сосредоточить все силы на разгром войск генерала Врангеля.

Накануне заключения мира с Польшей комбриг Фабрициус был контужен. Измученный непрерывными тяжелыми боями, с расстроенной нервной системой Яв Фрицевич был отправлен в госпиталь.

После лечения, в начале января 1921 года, Фабрициус получил назначение на должность начальника и комиссара 43-х Объединенных курсов командного состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии, разместившихся в здании бывшего кадетского корпуса в городе Полоцке.

Фабрициус старательно принялся за новое для него дело. Ему, сыну батрака, было отраднo видеть, что создаются кадры красных командиров из рабочих и крестьян. Все свои знания и боевой опыт Фабрициус передает курсантам, обучает и воспитывает волевых, мужественных, знающих военное дело и беспрдельно преданных Советской Родине командиров.

В конце февраля на конференции Полоцкой городской партийной организации герой гражданской войны Яв Фрицевич Фабрициус был единодушно избран делегатом на X съезд РКП (б).

Фабрициус радовался и гордился высокой честью, выпавшей на его долю.

Съезд собирался в трудное для молодой советской республики время. Победа в гражданской войне далась нелегко. Страна была разорена, многие губернии были охвачены неурожаем. В Поволжье свирепствовал голод. Большинство фабрик и заводов не работало, рудники и шахты были разрушены, затоплены. Не хватало топлива. В стране чувствовался острый недостаток самого необходимого: хлеба, жиров, мяса, обуви, одежды, спичек, соли, керосина, мыла.

Перед партией встал вопрос о выработке программы хозяйственного строительства, восстановления разрушенного сельского хозяйства и промышленности.

Классовый враг, используя тяжелое хозяйственное положение и недовольство крестьян продразверткой, перешел к борьбе, к организации кулацких мятежей в Сибири, на Украине, в Тамбовской губернии. Теперь контрреволюционеры выступали под новым лозунгом: «За Советы, но без коммунистов».

Ярким проявлением новой тактики классового врага явился белогвардейско-эсеровский мятеж в Кронштадте, вспыхнувший за неделю до открытия

X-го съезда партии. Во главе мятежа стали белогвардейские генералы, связанные с эсерами, меньшевиками, агентами иностранных государств. Контрреволюционеры предприняли попытку свергнуть советскую власть, используя недовольство мелкобуржуазных масс. К этому времени в Кронштадте изменился состав моряков на военных судах. Старые революционные матросы, участники октябрьских боев, почти поголовно ушли на фронты гражданской войны и отважно сражались в рядах Красной Армии. Во флот пришло новое пополнение, среди которого было немало середняков и кулаков, недовольных продрозверсткой.

Кронштадтская большевистская организация была ослаблена мобилизациями на фронт и не могла противостоять эсэро-меньшевикам и белогвардейцам, пролезшим в Кронштадт. Мятежники захватили первоклассную морскую крепость, огромное количество вооружения и снарядов. Имperialисты, усленно помогая контрреволюционерам, уже предвкушали победу.

Партия и Советское правительство приняли все меры для ликвидации мятежа. На одном из заседаний X-го съезда Владимир Ильич Ленин предложил послать военных специалистов, делегатов съезда, на подавление кронштадтского мятежа. Ян Фабрициус сразу же направил старшему группы К. Е. Ворошилову рапорт, в котором просил включить его в список едущих в Петроград. Вместе с Фабрициусом решил поехать делегат съезда, бывший латышский стрелок, военный комиссар 51-й отдельной стрелковой бригады Ян Биезайс. Просьба их была удовлетворена. Вместе с Ворошиловым, Кировым и многими другими делегатами съезда Фабрициус и Биезайс выехали на новый внутренний, опасный фронт борьбы за свободу и неза-

висимость Советской Родины. 13 марта 1921 года специальный поезд прибыл в Петроград.

Красноармейские части должны были наступать по льду залива, под огнем пулеметов и орудий мятежников, укрытых бетоном фортов и броней кораблей. Предприятие 8-го марта 1921 года первое наступление на Кронштадт было отбито сильным артиллерийским огнем мятежников. Наступила оттепель и лед начинал покрываться водой. Дорог был каждый час, нужно было как можно скорее раздавить контрреволюционное гнездо генерала Козловского и его верных прислужников — эсеров и меньшевиков, сумевших обмануть матросов-новобранцев.

Мятежники установили связь с белогвардейцами за рубежом. Финская газета «Карьяла» в номере от 11 марта 1921 года сообщала:

«Гучков просит американского президента Гардинга о финансировании и продовольственной поддержке генерала Козловского, а также об отпуске продовольствия (6000 тонн), находящегося в Финляндии в американском Красном Кресте».

Вскоре наша разведка обнаружила на заливе наезженную дорогу — из Финляндии в Кронштадт. Прикрываясь флагом Красного Креста, империалисты Америки доставляли генералу Козловскому и его помощникам — бывшим офицерам генерального штаба Соловьянову и Арканникову — оружие, боеприпасы, продовольствие.

«Главноуправляющий» Керенский спешно направил послание в Америку и Англию, умоляя оказать немедленную помощь мятежному Кронштадту.

В штаб Козловского посыпались телеграммы из Вашингтона, Лондона, Парижа, Праги, Ревеля (Таллина). Запелелились Милоков, Чернов и другие

бывшие министры-эмигранты, организовав помощь белогвардейской банде, угрожавшей революционному Петрограду.

Делегаты X-го съезда партии проявили упорство и решимость в достижении победы. Направленные в воинские части, они сплачивали красноармейские массы, вдохновляли их на подвиги.

По предложению военного комиссара южной группы К. Е. Ворошилова Ян Фабрициус был направлен командиром 501-го стрелкового полка.

Браги советской власти, стремясь вызвать разложение и панику в частях Красной Армии, распустили провокационные слухи о том, что весь лед в заливе минирован и цепи атакующих Кронштадт взлетят на воздух. Фабрициус — опытный командир и политработник — понимал, что нужно, не теряя времени, провести широкую разъяснительную работу среди красноармейцев, вдохновить их на трудный ратный подвиг. Готовясь к выступлению перед личным составом полка, Фабрициус использовал такие важные документы, как правительственное сообщение о контрреволюционном мятеже в Кронштадте и подписанное В. И. Лениным Обращение Президиума X-го партсъезда к петроградским рабочим.

Приехав в Ораниенбаум (Ломоносов), где стоял 501-й полк, Фабрициус сразу же провел митинг. Произнес проникновенную речь, командир соскочил с толстого березового пня и вытер мокрое от пота лицо.

К оратору протолкался курносый, багровый от загара красноармеец, и сказал так, чтобы все слышали:

— Мы не отказываемся. Мы пойдем. А что, ежели у того берега вода? Потопнем все, как один.

— Глупости, — спокойно произнес Фабрициус, хотел снова подняться на пень, но раздумал. Во всем

полку не было равного ему по росту. Он видел всех. — Вы передаете вражки сплетни. Ходила разведка. Лед цел. Белые халаты скроют наступающих. На расвете мы будем в Кронштадте.

Курносый красноармеец вытащил из рукава длинную самокрутку, глубоко затянулся и с шумом выдохнул облако махорочного дыма, словно хотел им закрыться. Его сосед, широкоплечий парень, с удивительно белесыми волосами, привстал на носки и выпалил скороговоркой:

— Фомичев правду высказал. На язык-то вы острые. Все гладко получается. А вот сами-то пойдете с нами, товарищ командир, или будете с этого берега распоряжаться?

Фабрициус огляделся по сторонам. Его преудал К. Е. Ворошилов о том, что бывший командир 501-го полка оказался изменником, а среди красноармейцев ходят слухи о неприступности Кронштадта. Много ли таких, как Фомичев и его дружок? Кругом посиневшие от стужи лица. Смотрят жадно. Ждут, что он им скажет.

— Пойду! — воскликнул Фабрициус. — Коммунисты в тяжелое для Родины время не прячутся за спиной народа. Коммунисты ведут атакующих. Меня увидите в передовой цепи. Но запомните — угovarивать никого не буду. Приказ — закон! У кого есть еще вопросы?

— Разрешите мне, товарищ командир полка, пару слов сказать, — раздался глухой, простуженный голос.

Невысокий, худощавый боец вскочил на пень и, не скрывая злости, сказал:

— Не своим голосом пел Фомичев. Мы никому не позволим шельмовать нашего командира. В бою он на самом главном месте. Под огнем не гнется. Я своими

глазами вядел, как под Псковом товарищ Фабрициус из пулемета роту беляков скосил. Его к нам сам Ленин прислал, прямо с партийного съезда. Нашему командиру советская власть верит, он за нее три года в атаке ходил. И вот, на ж тебе, нашелся среди нас вытик. Не место паникерам в наших рядах. Товарищ Фабрициус, можете не сомневаться — мы крови своей не пожалеем, а приказ выполним. Ведите нас на Кронштадт!

Фабрициус узнал воспитанника 49-го стрелкового полка, бывшего связного Василия Петрова. Как он вырос и возмужал за эти три года! Настоящий солдат. На кожанке поблескивает свеженький орден Красного Знамени. Бойцы Петрова любят, обобрительный гул свидетельствует об этом.

Командир полка хотел поблагодарить старого солдатушку, но тот куда-то исчез. Фабрициус направился к штабным работникам. Красноармейцы раздвинулись, и сквозь толпу пролегла просека.

— Пушки привезли? — спросил Фабрициус начальника штаба.

— Никак нет. Нашу забавку не удовлетворили.

— Жаль, очень жаль, — с горечью произнес Фабрициус. — Мы не на прогулку выходим, а наступаем на первоклассную морскую крепость. Орудия должны сопровождать пехоту огнем. И все-таки мы разгромим бандитов генерала Козловского. Идите в батальоны, готовьте бойцов к походу. Позаботьтесь о веревках, досках, лестницах. Кто знает, может выйдем на открытую воду или битый лед...

Стемнело. Фабрициус стоял на берегу и смотрел на голубоватое ровное поле залива. Слева и справа готовились к атаке полки южной группы. Фабрициус знал, что с северного, сестрорецкого берега залива

гоже пойдут в бой красноармейцы, курсанты, моряки и отряды петроградских рабочих. По Кронштадту бьют гтяжельные батареи с севера и юга. Прошла эскадрилья самолетов и сбросила на форты бомбы. Не спасут мятежников ни бывший командир линкора «Севастополь» английский шпион адмирал фон Вилькен, приехавший из Финляндии, ни валюта американских и английских империалистов, ни приветствия бывшего главнокомандующего, великого князя Н. Н. Романова.

Фабрициус резко обернулся, услышав за спиной чей-то голос:

— Возьмите мой халатик, товарищ командир. — В бурке-то на льду как мишень будете торчать.

Фабрициус узнал Фомичева и, подавив волнение, отодвинул его руку с белым свертком. Он и сам понимал, что подвергается большому риску. Фабрициус привык воевать в своей любимой черной бурке и сейчас решил не расставаться с ней, чтобы все видели, где идет командир.

— На меня еще не отлили пулю, товарищ Фомичев, — сказал Фабрициус. — В бурке-то вы меня наверное приметите.

— Опасное дело, товарищ командир, — виновато проговорил Фомичев. — Мы без вас, как рой без матки.

— Наденьте халат. Идите на свое место. Постарайтесь в бою искупить свою вину, товарищ Фомичев.

Красноармеец накинул халат на плечи и медленно пошел к товарищам...

... Выступили в полночь. Красноармейцы не разговаривали и не курили. За своей спиной Фабрициус слышал, как шипит и чавкает вода в сапогах, как осторожно, шаг за шагом, бойцы продвигаются по льду. Влажный холодный туман лежал на заливе. Пожалуй,

это хорошо. Туман, как дымовая завеса, поможет скрытно подойти к Петроградским воротам. Вечером, на берегу, начальник штаба доложил командиру полка о странных световых сигналах, замеченных в соседней роще. Это шпны по азбуке Морзе сообщали мятежникам о выступлении красноармейских полков. Много еще явных и тайных врагов у молодой Советской Республики.

Глаза привыкли к темноте. На льду довольно четко выделяются лужи, словно черные заплатки на белом холсте. Петроградский климат неустойчив. Не было бы дождя. Он разъест лед. Надо спешить. Фабрициус посмотрел на компас, затем на светящиеся стрелки часов и угрюмо сказал начальнику штаба:

— Медленно идем. Передайте по цепи — шире шаг!

Последние слова повторили десятки голосов, и темная огромная толпа стала сжиматься. «Не набрести бы на полыню, — подумал Фабрициус. — Пожалуй, целесообразнее двигаться развернутой цепью».

— Распорядитесь, чтобы в ротах подготовили фонари для сигнализации, — приказал Фабрициус.

Ответа начальника штаба командир полка не расслышал. Слева на льду неожиданно вспыхнуло алое пламя и высоко взметнулся тяжелый столб льда и воды. Взрывная волна хлестнула по ногам.

Фабрициус снова посмотрел на компас и громко произнес:

— Направление держим правильное, на Петроградские ворота. В цепь!

Тоскливо просвистев, у ног упала пуля. Фабрициус поморщился, услышав пронзительный крик раненого бойца. На участке 499-го полка, наступавшего слева,

разорвалось еще несколько снарядов. Среди грохота ломающихся льдин донесся гулкий топот, ругань командиров и стоны умирающих и тонущих красноармейцев. Фабрициус понял, что огонь ведут линейные корабли «Петропавловск» и «Севастополь». У соседей слева — замешательство, должно быть, они несут большие потери.

— Ложись! — приказал Фабрициус.

— Ложись! — понеслось по цепи, и люди стали опускаться на лед. Пули над головой уныло высвистывали:

— Ложись! Ложись!

Фабрициус обошел полк и приказал командирам рот:

— Передайте всем: выход один — вперед из огня, только вперед. Броском вперед, слышите? Отстающие погибнут. Крик «ура» — сигнал атаки. Дружно поднимайте людей. Прицела на нас навести не успеют...

Широкий желтый луч опустился на залв и рассек темноту. Фабрициус увидел за цепью лежавших красноармейцев знакомую серую папаху Климента Ефремовича Ворошилова. Он шел спокойно, словно не по хрупкому льду, а по ровной шоссеиной дороге. В руках у него был карабин.

И сразу стало легче дышать, пропала усталость и, набрав полынь легкие воздуха, Фабрициус громко, нараспев, прокричал:

— С нами Ворошилов! Ура, товарищи, ура-а-а!

И побежал вперед. Он тянул это длинное и высокое -а-а-а, задыхаясь и багровел. Но вот возглас подхватили сотни голосов, и нарастающий широкий могучий клич заглушил разрывы снарядов. Красноармейцы видели в оранжевом слепящем свете прожекторов высокого человека в черной бурке. Он бежал, не

сгибаясь и не оглядываясь. Верил, что они последуют за ним. А позади себя бойцы слышали нарастающий гул шагов. Это вливались в их цепь красноармейцы 499-го полка.

Фабрицус принял командование и над этим полком и таким образом возглавил 167-ю стрелковую бригаду.

Снаряды дробят лед позади атакующих, осыпают ледовой крошкой. Пули звенят густым роем, но значительно выше цепи атакующих.

«Видно, с испугу забыли переменить прицель», — подумал Фабрицус, перепрыгивая широкую полынью у самого берега. С трудом удержался на скользкой кромке и, почувствовав боль в правой ноге, вспомнил, что уже вторую неделю не массажировал синеватые рубцы. А может быть, это не раны ноют, а старый таежный ревматизм дает о себе знать.

— Вот не во время, — прошептал Фабрицус и, припадая на левую ногу, вылез на пристань, лег за чугунный столб и стал жадно глотать пахнущий пороховым туманом.

Стрелковая цепь, как волна, ударилась о берег и отхлынула назад. Из трехэтажного длинного дома, стоявшего поперек пристани, по атакующим били станковые пулеметы.

«Пушечку бы сейчас иметь, хоть бы одну трехдюймовку, — подумал Фабрицус и, не скрывая раздражения, передал лежащему рядом с ним красноармейцу:

— Коммунисты — к командиру полка.

Прижимаясь горячим лбом к ледянящему чугуну, Фабрицус ждал самых смелых и надежных бойцов. Так уж повелось — всегда на самое трудное и ответственное дело он брал с собою коммунистов. Под-

ползло шесть человек. Он взял четырех старых солдат. Сказал сурово.

— Надо захватить пушку и разбить пулеметы.

И, раздирая о мерзлые камни колени и локти, пополз к сараям, стоявшим на берегу. Еще там, на льду, он слышал с той стороны басовитый голос шестидюймового орудия. Фабрицус не ошибся. За сараем чернел ствол. У панорамы стоял высокий матрос и, кого-то подзывая, говорил:

— Да нет здесь красных. Драпанули в Оранienбаум. Что ж вы скисли, братишки?

Фабрицус молча взял из рук ридом лежащего бойца винтовку, спокойно, как на стрельбище, лег на живот и первой пулей свалил долговязого матроса. Негоропливо загнал второй патрон, но красноармеец сказал:

— Удрали, товарищ командир полка. Ну и лихо же вы бьете из винтовки! А кто у нас из пушки будет стрелять? Артиллеристов-то не захватили.

— Ничего, — улыбнулся Фабрицус, — я сам артиллерист.

Пушку повернули к дому. Фабрицус навел ствол на мерцающий алый огонек в черном зеве окна. Первый снаряд врезался в стену. Внес поправки. Второй выстрел был удачным. Пулемет заглох. Фабрицус действовал быстро и сноровисто. Подавил огонь еще двух пулеметов, сказал устало:

— Пушку катите следом. Снаряды собрать все до одного. Пригодятся! — И побежал на пристань, к полку. Столкнулся с каким-то бойцом, на ходу зарядившим винтовку, и с трудом удержался на ногах.

— Смотрите надо, — сказал Фабрицус и по густому румянцу, по лукаво вздернутому носу узнал Фомичева. — Опять вы здесь под ногами путаетесь. Почему отстаете?

— Царапнула меня какая-то шальная ниже колена, — сказал Фомичев.

Фабрицус взглянул на красное пятно на маскхалате и сказал тихо:

— Каждая пуля шальная. Дайте-ка я вас перевяжу...

— Опосля перевяжемся, — крикнул Фомичев и как-то по-петушиному, боком запыгал по улице.

... Бой продолжался весь день. Дрались за каждый дом. Мятежники пропускали красноармейцев вперед и стреляли в спину. Неоднократно выручало оружие. Полк захватил торьму и освободил приговоренных к смерти коммунистов.

— Дайте нам оружие, — попросили они. — Надо за все рассчитаться.

Фабрицус был рад такому пополнению.

На одной из улиц он увидел Фомичева. Лицо его теперь было желтым. Он лежал на пулемете. Проби-тый пулями халат был черным от запекшейся крови.

«Жаркая была здесь схватка, — подумал Фабрицус, осматривая трупы на мостовой. — А Фомичева надо представить к награде. Жаль, что посмертно. Настоящим оказался человеком».

Мятежники потеснили части 167 и 80-й стрелковых бригад от Машинной школы на линию Чебогаревской улицы. Фабрицус немедленно доложил об этом Клименту Ефремовичу Ворошилову, взявшему в свои руки руководство боевой операцией всей группы войск.

Климент Ефремович ввел в бой отряд петроградских коммунистов, послал на помощь атакующим взвод полевой артиллерии. Трехдюймовые орудия били в упор по пулеметным точкам врага. Машинная школа была взята.

Грамота Реввоенсовета Республики о награждении командира 501-го стрелкового полка четвертым орденом Красного Знамени.

И опять 501-й полк вместе с другими красноармейскими частями медленно, но упорно продвигался вперед. Руководить боем было очень трудно. Часто приходилось заменять выбывших из строя командиров.

Вечером мятежники выслали своих парламентаров. Предложили брататься.

Из-за угла дома вышел косолапый детина, с ног до головы одетый во все кожаное. Пулеметные ленты скрещивались на его груди, огромный маузер бил по колену, ремень оттягивали увесистые гранаты. Его охрана тоже была вооружена маузерами и гранатами.

— Что вы делаете, братишки, что вы делаете, — забасил грозный «парламентар». — Мы тоже русские. Мы тоже за советскую власть, только без коммунистов. Пока не поздно — опомнитесь. С нами Англия, с нами Америка...

— Убирайтесь! Убирайтесь в свою Америку! — крикнул Фабрициус. — Даю вам две минуты на размышление...

— Бей комиссара! — заорал косолапый детина и швырнул гранату. Хлопья снега и земли залепили лицо Фабрициуса.левой рукой вытащил платок. Протирая глаза, услышал совсем близко рокот станкового пулемета. Очереди были точными. Второй гранаты парламентар так и не успел бросить.

Из-за пулемета поднялся Василий Петров, стряхнул снег и сказал, хмуро улыбаясь:

— Провокация не состоялась. Эсеры отправлены в штаб к Духонину...

— Благодарю, товарищ Петров, за распорядительность. Во время подоспели. Худую траву — из поля вон.

— А как же иначе. Я за вашу сохранность перед всем полком отвечаю. Еще на том берегу, сразу после

митинга, дружки наказали: прикрывай командира огоньком, Василий. Не выпускай из глаз. Да разве за вами успеешь.

— Вижу, вижу, так спешили, что даже ногу не перевязали. Отправляйтесь в госпиталь, товарищ Петров.

— Да это касательная, — пренебрежительно махнул рукой пулеметчик. — Она уже засохла. Отчаянный вы человек, товарищ командир, вас без примотра нельзя оставлять...

Фабрициус улыбнулся и ничего не сказал. Его охватило теплое, волнующее, светлое чувство отцовской гордости. Ему нравилась уверенность, с которой входил в жизнь сын убитого кулаками продармейца — Василий Петров. Он вспомнил свою первую встречу с ним под Псковом, в октябре 1918 года. Как вздрагивал Васька, услышав недалекий разрыв снаряда, с каким трудом он преодолевал цепкий детский страх, когда отвозил приказание командирам наступающих частей. Бывший связной с честью прошел фронтovou школу. Сейчас ему можно смело доверить стрелковый взвод, а может быть, и роту.

Фабрициус решил после боя забрать Петрова с собой на курсы командного состава.

К вечеру мятежников оттеснили на корабли. Фабрициус взглянул на небо. Какая широкая яркая заря сегодня — словно огромный алый флаг поднят над дымящимся Кронштадтом.

... К утру 18 марта стрельба прекратилась.

Фабрициус, цепляясь за влажные стены, перешагнул через сорванные с петель двери и вошел в пропахший порохом дом. Шедший с ним рядом Петров предупредил:

— Шагайте прямо по коридору, товарищ командир.

Начальник и военный комиссар 43-х Объединенных курсов командного состава Я. Ф. Фабрициус (г. Полоцк, 1921 год).

Комната большая, теплая. Я вам кровать постелил. На вас лица нет. Отдохнуть надо.

— Это верно, надо . . .

Фабрициус добрал до стола, выпил два стакана воды, положил голову на руки и сразу же уснул.

Никто не мешал отдыхать, Часовым первой смены стоял красноармеец Василий Петров. Но вот Фабрициус почувствовал, как на его голову легла чья-то теплая рука. Вскочил, протер глаза. Перед ним стоял улыбающийся Ворошилов.

— Я видел, как дружно поднялся твой полк, — сказал Климент Ефремович. — Ты увлек за собой всех, Ян Фрицевич. Благодарю. Я непременно расскажу о тебе Владимиру Ильичу.

. . . 24 марта 1921 года Фабрициусу была вручена грамота о награждении орденом Красного Знамени. В ней говорилось:

«По уполномочию Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов Революционный Военный Совет РСФСР постановил: война рабоче-крестьянской Красной Армии тов. Фабрициуса Яна Фрицевича — комполка 501 за отличие в бою против врагов Социалистического Отечества, за то, что, участвуя в штурме фортов и Кронштадтской крепости, личной храбростью и примером вдохновлял красных бойцов, чем способствовал окончательному очищению Кронштадта от контрреволюционных сил, — наградить знаком ордена «Красное Знамя» . . .

Так старый большевик Ян Фрицевич Фабрициус стал первым кавалером четырех орденов Красного Знамени в Советской Армии. Первым, почетным краснознаменцем . . .

СЧАСТЬЕ В СЛУЖЕНИИ НАРОДУ

В марте 1923 года Ян Фабрициус был назначен начальником 2-й Белорусской дивизии, только что переведенной на новую территориально-милиционную систему. В этом соединении постоянные кадры составляли всего лишь одну пятую часть положенных штатов военного времени. Весь переменный рядовой состав был приписан к частям дивизии по территориальному признаку и лишь периодически собирался для военной и политической подготовки. Такая система обучения была порождена крайне тяжелым экономическим положением страны, стремлением партии и правительства выделить максимальное количество сил и средств на восстановление разрушенного народного хозяйства.

Фабрициус отлично понимал, что одним из основных условий успешного проведения учебных сборов и обеспечения боеспособности частей является постоянная деловая связь с гражданским населением. Новый начальник дивизии принимает активное участие в работе Минского городского Совета, держит тесную связь с партийными и комсомольскими организациями.

Опытный пропагандист, вдохновенный агитатор, Фабрициус часто выступает на собраниях и митингах, разъясняет решения партии и правительства, призывает рабочих и крестьян самоотверженным, честным трудом крепить могущество любимой Родины. Фабрициус всегда внимательно следил за международными событиями и со свойственной ему прямоотой и ненавистью разоблачал империалистов Америки и Англии, готовивших новую войну против первой в мире республики Советов.

Жаждающая подвигов и славы молодежь любит полководца Фабрициуса и часто обращается к нему с просьбой рассказать о своем боевом пути, о четырех орденах Красного Знамени, что горят на его широкой груди. И начальник дивизии находит время для того, чтобы побеседовать с юношами и девушками и ознакомить их с ратной доблестью фронтовых друзей. На комсомольских конференциях и съездах, на сборах пионерских отрядов и у лагерных ярких костров часто можно было видеть могучую фигуру начдива 2-й Белорусской, с отцовской нежностью разговаривающего со своими любимцами. Ян Фрицевич был почетным комсомольцем и пионером и до конца своей жизни бережно хранил билет члена Ленинского союза молодежи и алый пионерский галстук со значком «Будь готов!»

В своей повседневной работе начальник дивизии Фабрициус постоянно стремится создать все условия для плодотворной учебы и службы красноармейцев. Он беспощадно строг к тем командирам, которые нерадиво относятся к своим подчиненным, не проявляют отцовской заботы о бытовых нуждах вояков.

10 мая 1923 года совместно со своими помощниками начдив Фабрициус выехал в город Борнсов, где был

в то время расквартирован 4-ый стрелковый полк. Его прибытия не ожидали. По своей скромности и деловитости Фабрициус ненавидел показную шумиху и церемонии парадных встреч и чиновочитания. С вокзала начальник дивизии направился в казарму. Дневальный, дремавший у тумбочки, услышав скрип двери, встретился, увидел суровое, озабоченное лицо Фабрициуса и закричал:

— Рота, смирно! Начдив заявился... Все вокруг в порядке...

— Кто вас научил так докладывать старшему начальнику? — спросил Фабрициус.

— Никто нас не учит. Мы только в караул ходим...

Фабрициус сразу же заметил, что гимнастерки и шаровары у многих красноармейцев давно просят в стирку, у некоторых сапоги накрепко стянуты обрывками телефонного провода. Все не стрижены и не бриты.

Красноармеец, стоявший у окна, стремился спрятать в карман какую-то истрепанную книгу, она трепалась и не лезла.

— Что вы читаете? — спросил начальник дивизии смущенного бойца.

— Про Антона Кречета, атамана разбойников. Сочинение Раскатова. У одной знакомой выпросил...

— А почему вы не берете книги в библиотеке?

— А там кроме старых брошюрок да журналов ничего нет...

Фабрициус сделал пометку в своем блокноте: «надо проверить библиотеку», медленно прошелся по казарме, пылливо рассматривая все вокруг и нервно покручивая усы...

Подбежал запыхавшийся командир роты, хотел что-то доложить, но Фабрициус только махнул рукой.

— Все вижу сам...

Из казармы начдив направился в кухню, заглянул в сапожную мастерскую и надолго задержался в конюшне, осматривая ковку и чистку лошадей. Побывал Фабрициус и на стрельбище, на учебном плацу, и в библиотеке.

Вечером на совещании командного и политического состава полка начдив подробно разобрал недостатки в обучении и воспитании красноармейцев и указал на то, что нужно сделать для поднятия дисциплины и боеспособности части.

Перед отъездом Фабрициус приказал командиру полка снять с работы завхоза Козлова за халатное отношение к служебным обязанностям и в недельный срок устранить все недочеты в учебе и организации быта красноармейцев.

Из Борисова Фабрициус поехал в город Слуцк и внимательно проверил боевую и политическую подготовку и состояние воинской дисциплины в отдельном кавалерийском эскадроне.

Командир и военком этого подразделения развалили боевую и политическую подготовку личного состава, довели до истощения лошадей эскадрона, преступно относились к сбережению оружия и военного имущества.

В своем приказе по дивизии за № 50 от 19 мая 1923 года Фабрициус, подробно разобрав проступки командира и военкома эскадрона, не только отстранил их от занимаемых должностей, но и предал суду ревтрибунала.

Приказ заканчивался обращением ко всему командному и политическому составу частей дивизии

«... надо подтянуться, стать ближе к своим подчиненным, памтуя о том, что нерадение к службе и вялость недостойны командира Красной Армии.

Следует обратить сугубое внимание на несение внутренней и гарнизонной службы, на должное состояние оружия, на надлежащий уход за конским составом, на поднятие в частях самой стройгой и сознательной революционной дисциплины, помня, что где нет дисциплины, там нет и порядка, там нет и боевой готовности»¹.

Стремясь всячески поднять роль командира в воспитании и обучении подчиненных, в наведении образцовой дисциплины и порядка в подразделениях, Фабрициус издал специальный приказ, в котором изложил свои взгляды на взаимоотношения начальника с подчиненными. Начдив Фабрициус писал:

«... Общее стремление всего командного состава должно сводиться к созданию из товарища красноармейца сознательного, дисциплинированного, разумного и добросовестного воина, одухотворенного готовностью приносить жертвы в надежде на лучшее будущее.

... В наше время командир должен знать много, непрерывно и без усталости работать, если хочет быть достойным своего звания. В наше время он не только командир, но нечто большее. Он общественный деятель в гражданском смысле слова, потому что призван играть не последнюю роль в народном воспитании. Велика и почетна роль командира, понимаемая таким образом, и не всякому она под силу. Много энергии надо положить в свое дело для того, чтобы с чистой совестью сказать: много людей прошло через мои руки

¹ Центральный Государственный Архив Красной Армии, дело 1070, оп. 2.

и весьма мало было между ними таких, которые от этого не стали лучше, развитее, пригоднее для всякого полезного дела. Ни одного я не сделал негодным, ни одного не замотал бестолковой работой или невниманием к его нуждам, ни в одном не подорвал доверия к собственным силам, все привыкли подчинять свою волю к достижению одной общей цели с осознанием своего долга перед трудовым народом. Условия для деятельности в нашей Красной Армии для командирского воспитания крайне благоприятны, но в свое дело необходимо вложить душу и сердце. Что идет от души, то и попадает в душу и сердце бойца.

Предлагаю всему командному составу чаще общаться со своими подчиненными, ближе стать к ним. Это неперемное условие, без которого вся военно-воспитательная деятельность сводится к нулю.

... Я, ваш красный командир, скажу вам, что за всю долговременную военную практику убедился, что наш трудовой народ, несмотря на свои многовековые страдания, сохранил в себе самое ценное в человеке — великую душу и отзывчивое сердце, чего никогда не было, нет и не будет у буржуа, пившего веками народную кровь.¹

Фабрициус был противником многословия. Приказы его, как правило, предельно кратки, лаконичны. В приказе о командире-единоначальнике начдив отступил от этого своего правила и подробно изложил мысли, остро волновавшие его, сделал интересную попытку обобщить собственный опыт воинского обучения и воспитания. Многие выводы Фабрициуса имеют в настоящее время злободневное практическое значение.

¹ Центральный Государственный Архив Красной Армии. Фонд 1070, дело 106, оп. 2.

ние, хотя со дня его издания прошло более 30 лет. Приказ начдива № 252 был изучен на совещаниях командиров и политработников. Размноженный на гектографе, он служил своеобразной памяткой всему командному и начальствующему составу дивизии, начиная от командира отделения и кончая командирами полков.

Фабрициус сумел в короткий срок создать боеспособное, дисциплинированное соединение, получившее после осенней инспекторской проверки хорошую оценку высшего командования.

Возвращение дивизии из лагерей превратилось в своеобразный праздник всех трудящихся белорусской столицы. По улицам города, в строгих колоннах шли молодцеватые, загорелые, опрятно и чисто одетые воины, восторженно приветствуемые своими родными и близкими. Радовал четкий строевой шаг, радовали гулкие, дружные песни, мужественные, ликующие лица. А ведь совсем недавно эти белорусские парни не имели никакого представления о военной службе и даже побавались оружием. Многие переменники были неграмотными и за лето научились читать и писать, поняли, как нужно жить и работать после окончания сборов.

Красноармейцы горячо полюбили своего строгого и в то же время по-отцовски заботливого начдива. Первый краснознаменец был зачислен почетным красноармейцем многих воинских частей. На общем собрании личного состава артдивизиона было принято решение:

«Вождя революции товарища Ленина Владимира Ильича зачислить Почетным красноармейцем на должность начальника 1-го орудия 1-й батареи».

Героя гражданской войны начдива Фабрициуса Яна Фрицевича зачислять Почетным красноармейцем, наводчиком 1-го орудия 1-й батареи»¹.

Заполняя анкету для личного дела, Фабрициус прочел аттестацию, которая глубоко его взволновала. В ней говорилось о том, что Я. Ф. Фабрициус «командир с твердым характером. Решительный в боевой обстановке. Имеет большой боевой опыт в серьезных операциях. Человек большого здравого смысла. Высокой честности. Склонен к аскетическому образу жизни и на деле может показать пример способности к перенесению лишений и тягот. Имеет черты несомненного военного таланта, однако недостаточно в военном отношении подготовлен. Как на отрицательную черту в мирной работе должен указать на его бессистемность в работе, на разброску, на стремление все видеть и знать самому, не учитывая ограниченность человеческих способностей. Признаю его выдающимся...»

Аттестация заканчивалась выводом — «Полезно прослушать курс высших военных курсов»².

«Значит, аскет, в военном отношении недостаточно подготовлен, бессистемен. К тому же присутствует «какая-то разброска», — мысленно перечисляя свои недостатки, думал Фабрициус.

До сего времени ему казалось, что «стремление все видеть и знать самому» — достоинство его характера. Выходит, что он ошибался, недооценивал своих подчиненных и, может быть, излишней опекой мешал им в работе.

Фабрициус беспощадно строг к самому себе. У него

¹ Центральный Государственный Архив Красной Армии. Фонд 1070, дело 90, оп. 2.

² Там же, «Личное дело Я. Ф. Фабрициуса».

давно стало привычкой — недостатки исправлять по партийному, трудолюбиво, настойчиво. Фабрициус не учился в военной академии. Партия учила его побеждать врагов на полях гражданской войны. У пролетарских полководцев — Фрунзе, Ворошилова, Буденного перенимал Фабрициус боевой опыт. Пришла пора, как говорится, сесть за парту и обогатить практику теорией. Пора!

В тот же день Фабрициус написал доклад, в котором просил направить его «на Военно-академические курсы Высшего комсостава для пополнения своих теоретических знаний, а также и для учета боевого опыта».

Просьба начдива Фабрициуса была удовлетворена. В октябре 1923 года он выехал на учебу в Москву.

На курсах Фабрициус встретил много боевых друзей и соратников, с которыми отродно было вспомнить былые походы, разбирать боевые операции, участниками которых они были.

В напряженной учебе быстро летят дни. Фабрициус принимает активное участие в работе Военно-научного общества, выступая с докладами, в которых обстоятельно разбирает отдельные выдающиеся операции гражданской войны. Для сборника «Милиционное строительство» пишет большую статью «Политическая работа в территориальных дивизиях», в которой обобщает свой практический опыт.

Фабрициус участвует в III Всесоюзном совещании по политработе в Красной Армии и Флоте. На совещании он резко критикует командиров, которые слишком узко понимают свои задачи, постоянно не пропагандируют и не разъясняют решения партии и правительства среди личного состава, разлагают воинскую дисциплину.

В свободное от занятий время Фабрициус жадно пополняет свои знания. Он покупает книги Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и постепенно собирает библиотеку, которая служит ему до последнего дня жизни. Фабрициус находит время и для чтения художественной литературы. Его любимые писатели — Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Некрасов, Салтыков-Щедрин. С особым увлечением он знакомится с новыми произведениями Горького и выписывает в свою записную книжку «Избранные от избранных» целые страницы, поразившие житейской мудростью, глубиной мысли, заложенной в них. Из западных писателей Фабрициус с юношеских лет любит Шекспира, Диккенса, Гёте, Гейне, Золя, Бальзака и других классиков мировой литературы.

Как-то однажды, возвратившись с занятий, Фабрициус нашел на своем столе долгожданное толстое письмо из Вицдавы. Торопливо ногтем вскрыл конверт и осторожно вытащил фотографию. Опустился на стул и долго-долго смотрел на своих родителей. О, как изменились, как постарели они! У отца глубоко запали глаза, заострились черты и борода стала совсем белой. Мать сидела с ним рядом и в обрамлении черного платка художцавое лицо казалось бледным, без кровинки. Когда-то пухлые, улыбающиеся губы стали тонкими, лоб и щеки избороздили глубокие морщины. На ее коленях лежал букет цветов, которые она, видно, попрежнему любит. Глаза у матери широко открыты, словно она хочет за тысячу с лишним верст хорошо рассмотреть своего любимца...

Старики писали, что на полученные от него деньги они приделались и сфотографировались. Проникновенно и довольно пространно поблагодарив любимого сына, родители спрашивали «когда же ты женишься,

Ян, и наконец-то обзаведешься семейством? Разве тебе не надоело жить холостяком?» После подробного рассказа о том, как живут братья и сестры, следовала просьба «вышли красную и большую фотографию и чтоб был как настоящий генерал, на белом коне».

Поставив фотографию перед собой, пристально всматриваясь в дорогие лица, Фабрициус стал вспоминать свое детство и юность, теплые заботливые руки матери и суровую ласку отца. Вспомнил и последнюю встречу со стариками в феврале 1919 года. После того, как была освобождена Виндава, непосредственный начальник Фабрициуса, отзывчивый и внимательный Васильев посоветовал своему другу навестить родителей и просил передать от своего имени маленький подарок.

До хутора Казраги добрались к вечеру. Мать, увидев сына, переступавшего через порог, уронила неочищенную картофельну в чашу с водой и вскрикнула:

— Ян! Родной, вернулся!

Он подхватил ее на руки сутулую, удивительно легкую, и бережно посадил на лавку. Наклонился и стал неловко целовать ее мокрое от слез лицо и трудолюбивые огрубевшие руки. Успокаивал и сам боялся, что не удержит слез. Она гладила жесткой горячей ладонью его короткие русые волосы, торопливо вытирала глаза и засыпала вопросами.

Вошел отец и уже с порога пробасил:

— Дай-ка я тебя за уши оттащу, комиссар. Всю Латвию промаршировал, а домой носа не покажет. Загордился...

Порывисто и крепко Ян прижал к себе отца. Почувствовал, как вздрагивают широкие, бессильно повисшие плечи, как гулко стучит сердце...

А потом Фабрициус принес из машины большой коричневый чемодан, торопливо открыл и, не спеша, стал вынимать подарки. Положил на руки отца новенький костюм из добротного черного сукна, поставил у ног поблескивающие ботинки и, как некогда старик, пробасил:

— Сейчас ты примеришь свой новый костюм и ботинки. Ведь тебе скоро стукнет восемьдесят лет...

Отец крикнул от удовольствия:

— Крепкая у тебя память, Ян...

— Такое не забывается. Помнишь, как говорил: «станешь грамотным, нам поможешь». Я не знаю, как отблагодарить вас, мои дорогие...

Передал матери валенки, два отреза на платье, накинул на узкие плечи шерстной платок. С самого дна достал завернутую в непромокаемую бумагу пачку чая и сказал:

— Когда-то ты, мама, говорила: «попить бы досыта китайского чаю и помирать можно». Я привез тебе китайского чаю. Пейте на здоровье...

И за чаем они проговорили весь вечер и всю ночь. А утром Фабрициус вернулся в штаб...

Фабрициус никогда не забывал о своих родителях. Как только были установлены дипломатические отношения с Латвией, стал переводить родителям деньги, посылать ласковые, бодрые письма...

И сейчас достал бумагу и написал ответ своим старикам. Рассказал о своей работе и жизни и даже пообещал жениться после окончания учебы. Отобрал из альбома крупный портрет, написал на оборотной стороне несколько теплых слов и вложил в конверт.

В Москве, находясь на учебе, Фабрициус вел активную общественную работу. Трудящиеся столицы избрали Яна Фрицевича Фабрициуса в члены Москов-

ского Совета рабочих и крестьянских депутатов, а также делегатом на II Съезд Советов СССР.

Накануне съезда Коммунистическую партию, советский народ и трудящихся всего мира постигло величайшее горе — 21 января 1924 года скончался наш вождь и учитель Владимир Ильич Ленин.

Пять дней и ночей непрерывный людской поток двигался к Колонному залу Дома Союзов, где был установлен гроб с телом Ленина. Миллионы трудящихся ждали своей очереди, чтобы проститься с организатором Коммунистической партии, создателем Советского государства, горячо любимым Владимиром Ильичем.

Старый коммунист Фабрициус, лично знавший Ленина, дважды стоял у его гроба в почетном карауле. Смотрел на дороге, застывшие черты вождя, не в силах сдерживать слезы. Рядом с Фабрициусом стоял легендарный герой гражданской войны Григорий Иванович Котовский, человек железной воли и мужества, и тоже плакал, не сдерживая слез. Из тысяч людей, прошедших мимо гроба, особенно запомнился старик, задержавшийся на минуту у ярких и печальных венков. Он был слепым. Его вел за руку мальчик, должно быть, внук.

— Пойдем, дедушка, — вздрагивающим голосом упрасивал мальчик. — Ведь ты ничего не видишь.

— Не мешай, — сурово оборвал старик. — Я хоть и слепой, но чую скорбную тишину. Ильича может узнать даже слепой...

И побрел, низко опустив голову.

И еще врзалась в память группа боевых друзей — латышских стрелков. Ветераны сражений за честь и свободу республики Советов, не сгибавшиеся в атаках,

Г. И. Котовский (справа) и Я. Ф. Фабрициус перед заступлением в почетный караул у гроба В. И. Ленина (Москва, 26 января 1924 г.).

шли медленно, пошатываясь, словно на плечи их легла непосильная ноша . . .

26 января 1924 года на заседании II съезда Советов СССР Фабрициус слушал великую клятву, данную народу от имени Коммунистической партии И. В. Сталиным. Это была историческая клятва большевистской партии своему вождю Ленину, который будет жить в веках . . .

В мае 1924 года Фабрициус участвовал в работе XIII съезда партии. Накануне съезда он внимательно изучал документы общепартийной дискуссии, активно выступал на предприятиях столицы против троцкистов и зиновьевцев. Фабрициус с глубоким удовлетворением голосовал за резолюцию съезда, резко осудившую платформу троцкистской оппозиции и определившую ее как мелкобуржуазный уклон от марксизма, как ревизию учения Ленина.

XIII съезд Коммунистической партии подтвердил линию на развитие кооперации, как путь к социализму, дал указание о дальнейшем расширении индустрии нашей Родины.

КОМАНДИР КОРПУСА

После окончания академических курсов Высшего комсостава Фабрициус получил назначение на должность командира 17-го Приморского стрелкового корпуса.

Накануне выезда на новое место службы Фабрициус принял заместителя председателя Реввоенсовета и Народного Комиссара по военным и морским делам Михаил Васильевич Фрунзе. До этого памятного дня Фабрициус встречался с Фрунзе на партийных съездах, на совещаниях по обобщению политической работы в армии, на заседаниях Военно-научного общества. Он был хорошо знаком с работами выдающегося полководца, опубликованными в журналах и газетах.

Выдающийся деятель Коммунистической партии, прославленный полководец Красной Армии Михаил Васильевич Фрунзе имел большой практический опыт руководства войсковыми соединениями на Украине и хорошо знал положение дел в 17-м стрелковом корпусе. Заместитель наркома задумчиво побеседовал с Фабрициусом, рассказал ему, с чего начать работу, с

Член Реввоенсовета Серго Орджоникидзе (третий справа), командир кавалерийского корпуса Григорий Котовский и командир пехотного корпуса Ян Фабрициус в группе командиров Красной Армии. (Москва, 1924 г.)

какими недостатками бороться и как строить взаимоотношения с местным населением.

Деловые советы и указания, полученные от Фрунзе, помогли комкору Фабрициусу быстро наладить учебную работу, связаться с партийными и советскими организациями, наладить дисциплину и порядок в частях корпуса.

Вместе с Фабрициусом в 17-й стрелковый корпус прибыли окончившие Военно-академические курсы опытные военные специалисты, участники гражданской войны.

Руководствуясь решениями Коммунистической партии по вопросам военного строительства, Фабрициус проявляет постоянную заботу о повышении моральной стойкости, об укреплении воинского духа личного состава. Своими выступлениями на собраниях и митингах, приказами и статьями, всей своей повседневной практической деятельностью он решает главную задачу — воспитание воинов, преданных делу Коммунистической партии, готовых стойко и мужественно защищать свободу и счастье Советской Родины. Обращаясь к красноармейцам, командирам и политработникам корпуса, Фабрициус всегда стремится внушить им благородное чувство ответственности за неприкосновенность границ нашего великого Отечества, всегда призывал «встречать каждый месяц, каждый день так, как будто бы это последний месяц и последний день нашей воинской подготовки перед решающим боем»¹.

От командиров частей и подразделений Фабрициус постоянно требует проводить воинскую учебу с учетом боевого опыта, воспитывать у красноармейцев желез-

¹ Газета «Червоный край», орган Винницкого и Тульчинского округов КП(б)У, № 16 (477), от 23 февраля 1926 г.

ную стойкость в обороне и умение маневрировать и сочетать огонь с движением в наступлении.

Первый признак высокой боеспособности бойца — его умение владеть оружием. При выездах в части корпуса Фабрициус всегда интересуется огневым мастерством красноармейцев.

На стрельбище 286-го стрелкового полка Фабрициус приехал совершенно неожиданно. В этот момент была подана команда «осмотреть мишени», и комкор, не замеченный командиром роты, вместе с красноармейцами пошел к мишеням. Невысокий, с опаленным солнцем лицом красноармеец Васин присел на корточки у своей мишени и стал осматривать ее не с центра, как это делают меткие стрелки, а с краев, с белого поля. Заметив в углу не отмеченную карандашом пробойну, сокрушенно сказал:

— Только зацепил окаянню...

— Плохо стреляете, — услышал Васин за своей спиной голос, торопливо оглянулся и часто заморгал глазами. Перед ним стоял командир корпуса, речь которого о последних событиях в Китае он слышал недавно на полковом митинге. Лицо бойца сразу покрылось капельками пота. Не смея взглянуть в суровое лицо комкора, Васин невнятно произнес:

— Красноармеец Васин не попал... Виноват, упражнение не выполнил.

— А почему?

— Винтовка у меня неправильная. Ей в обед сто лет. Из такой никто не попадет...

С правого фланга прибежал командир роты, громко и четко отрапортовал и, взглянув на потное лицо Васина, догадался, о чем идет речь.

— Оружие приведено к нормальному бою? — спросил Фабрициус.

— Так точно. Сам проверял пристрелку.

— А вот товарищ Васин говорит, что у него винтовка неправильная. Плохо, когда боец не верит в свое оружие. Очень плохо...

Фабрициус прошелся вдоль мишеней, внимательно всматриваясь в пробоины. Красноармейцы докладывали о выполнении упражнения. Комкор торопливо делал пометки в записной книжке.

У последней мишени Фабрициус остановился. Пробойны лежали в центре, так плотно, словно собранные в цепоть. Переспросил фамилию красноармейца.

— Данилушкин, — тихо сказал стрелок. — Иван Данилушкин.

— А по отчеству?

— Отца Василием звали.

— Василий Петрович Данилушкин, — тепло и задушевно произнес Фабрициус. — Из Черновца. Он был хорошим бойцом. Служил в моей бригаде. После занятий я побеседую с вами, расскажете, как живут родные...

Комкор положил записную книжку в сумку и шагнул на огневой рубеж. Следом за ним шел командир роты.

Пахло клевером и пороховой гарью. Солнечные лучи были такими яркими, что слезились глаза.

Фабрициус сказал командиру роты:

— Продолжайте стрельбу. Я попробую выполнить упражнение из винтовки Васина. Пусть он ложится рядом со мной и смотрит, как надо вести огонь.

Красноармейцы с любопытством наблюдали за командиром корпуса, внимательно осматривающим винтовку. Вот он вместе со всеми выдвинулся на огневой рубеж и точно, как указывает наставление,

изготовился к стрельбе. Винтовка лежит неподвижно, словно впаивая в выемку плеча. Фабрициус ведет огонь не спеша, перезаряжает оружие, не спуская глаз с цели...

По команде ротного комкор и бойцы пошли осматривать мишени. Васин присел на корточки, взглянул на черное яблоко и, не скрывая восхищения, закричал:

— Впритирочку посадил! Четыре пробойны одним пятакom иакрывать можно. Кучно и метко. Вот бы мне так навориться пулять...

— Учитесь говорить по-военному, товарищ Васин, — строго сказал Фабрициус. — Как это вы осмелились оклеветать свою винтовку?

— Виноват, товарищ командир корпуса. Заслуживаю взыскания. Стыдно... Оробел...

— Взыскания у Васина есть? — спросил Фабрициус у командира роты.

— До сего дня не было.

— Вранье, нечестность не терплю, — сказал Фабрициус. — Но на первый раз прощаю. Будьте правдивы, товарищ Васин. Любите оружие, и оно никогда не подведет вас. Через месяц проверку, как вы стреляете...

Командир роты неуверенно попросил:

— Товарищ командир корпуса. Разрешите вашу мишень выставить на стрельбище. Для примера...

— В данную минуту вы командир роты, а я стрелок. Действуйте, как найдете нужным. С моей точки зрения целесообразнее было бы выставить мишень красноармейца Ивана Васильевича Данилушкина. И пусть он после занятия расскажет всем товарищам, как научился метко стрелять...

— А мы выставим две мишени — комкора и красноармейца, — не растерялся командир роты. — И попро-

УЧЕТНАЯ КАРТКА
УЧЕТНАЯ КАРТКА

1. Имя Фамилия Имя Отчество *Я. Ф. Фабрициус*

2. Дата рождения *1873*

3. Место рождения *Рязань Рязанская губерния*

4. Образование *высшее*

5. Служба в Вооруженных Силах Российской Империи *с 1904 по 1917*

6. Служба в Вооруженных Силах Советской России *с 1918 по 1920*

7. Служба в Вооруженных Силах Советского Союза *с 1921 по 1925*

8. Служба в Вооруженных Силах СССР *с 1926 по 1935*

9. Служба в Вооруженных Силах РСФСР *с 1936 по 1937*

10. Служба в Вооруженных Силах СССР *с 1938 по 1940*

11. Служба в Вооруженных Силах СССР *с 1941 по 1945*

12. Служба в Вооруженных Силах СССР *с 1946 по 1950*

13. Служба в Вооруженных Силах СССР *с 1951 по 1955*

14. Служба в Вооруженных Силах СССР *с 1956 по 1960*

С. Фабрициус

Я. Ф. Фабрициус

Учетная карточка члена ВПК(б) Я. Ф. Фабрициуса.

сим вас, товарищ Фабрициус, поделиться боевым опытом.

— Хитер, — улыбнулся Фабрициус. — Таким красноармейцам, как Васин, надо чаще рассказывать о силе нашего оружия, используя опыт бывших фронтовиков...

... И вот отстреляна последняя смена. Собраны потемневшие гильзы. Вычищены винтовки. Бойцы сидят на поляне и смотрят на мишени, прибитые к тополям. К одной из них подходит командир корпуса, только что кончивший беседовать с красноармейцем Данилушкиным. Блестят четыре ордена Красного Знамени на выцветшей гимнастерке. Комкор внимательно осматривает красноармейцев и отмечает, что все они по форме одеты, вид у них бравый. Свою беседу Фабрициус начинает с рассказа о Мосине — изобретателе русской трехлинейной винтовки, равной которой не было в мире. Вспоминает о боевых друзьях, без промаха разивших врагов, об отце красноармейца Данилушкина, охотившемся за офицерами и пулеметными командами, в своем последнем бою под Маковым снявшего с седел свыше десятка польских уланов. А потом ведет речь о том, как надо изучать приемы и правила ведения огня, как пользоваться пособиями и стрелковыми приборами, чтобы быстро и точно поражать любую цель.

— Когда вы целились, — говорил Фабрициус, — думайте, что перед вами не мишень, а заклятый враг, скажем, сам Пилсудский или лорд Керзон. Если вы его не поразите, он вас убьет... Для того чтобы каждый зачетный выстрел был отличным, надо ежедневно делать десять-пятнадцать прицельных холостых выстрелов.

Выступление Фабрициус заканчивает предложением

нием — построить тир и после упорных тренировочных занятий провести призывную стрельбу.

Это предложение красноармейцы встречают дружными аплодисментами. Усерднее всех бьет в ладоши гордый и счастливый Данилушкин: комкор обещал выхлопотать пособие для его матери.

За помощью к Фабрициусу обращаются не только красноармейцы, вроде Данилушкина, но и бывшие сослуживцы, а также рабочие и крестьяне. Одним он помогает советом, за других, как член правительства, ходатайствует перед местными советскими организациями. Так, в конце января 1926 года Фабрициус получил письмо из Харькова от бывшего командира 142-го стрелкового полка Ивана Трофимовича Кладько, который просил оказать ему содействие в получении пенсии.

Фабрициус немедленно ответил:

«Многоуважаемый Иван Трофимович!

Получив Ваше письмо, я очень удивился тому, что Вы и Ваша семья до сего времени находитесь в таком бедственном положении.

Я обратился к Командующему войсками Украинского военного округа с просьбой оказать Вам всемерное содействие в назначении Вам пенсии.

Ходатайство сего числа мною направлено (копия прилагается при сем), поэтому прошу Вас лично обратиться к Командующему войсками, где и получите ответ. Вообще же прошу писать мне о своей жизни и результатах ходатайства...»

Перечитав письмо, решил послать Кладько деньги. Проверил карманы и обнаружил лишь небольшую сумму. Вспомнил, что на-днях отправил перевод матери, дочери сестры и девушке-студентке из батрацкой семьи, над которой он взял шефство, когда еще служил в

Командир 17-го стрелкового корпуса Я. Ф. Фабрициус в группе отдыхающих. Кисловодск, август 1924 года.

Полошке. Пожалев, что не может как следует помочь старому боевому соратнику, вложил в конверт свди последние деньги.

Инвалид гражданской войны, И. Т. Кладько получил пенсию. Его судьба глубоко взволновала Фабрициуса. В своих выступлениях на IX Всеукраинском съезде Советов и на IX съезде КП(б) Украины комкор Фабрициус выдвигает требование — более внимательно присматриваться к нуждам инвалидов войны и командиров запаса, оказывать им помощь в поступлении на работу, содействовать улучшению жилищно-бытовых условий.

Командир корпуса Фабрициус постоянно учится, глубоко изучает передовую военную науку, находит время для ведения научно-исследовательской работы. Так, вместе с врачами он подготовил статью «Еще раз о психотехнических испытаниях новобранцев», которая была напечатана в журнале Украинского окружного объединения Военно-научного общества «Армия и революция» (№ 2, за 1926 год).

Большая, построенная на многочисленных, интересных опытах и наблюдениях статья Фабрициуса «Вопросы изучения психофизиологии бойца» была напечатана в основанном М. В. Фрунзе журнале «Воина и Революция» (№ 8, за 1927 год).

В редакционном вступлении к статье говорится:

«Учитывая колоссальную важность правильного разрешения вопросов, связанных с изучением психофизиологии бойца, редакция с большим удовлетворением и охотой помещает настоящую статью, являющуюся продуктом большой научно-опытной работы, проведенной в одной из наших стрелковых дивизий. . .

Обращая внимание читателей журнала на настоящую статью, редакция считает крайне желательным поступление и от других частей и родов войск нашей

Красной Армии аналогичных материалов по проведенной опытной работе, с целью помещения их на страницах настоящего журнала».

Фабрициус пишет для газеты «Красная Звезда» статью «Укрепление дисциплины», в которой проводится главная, не устаревшая и в наше время мысль: «Каждый начальник еще в мирное время должен упорно прививать своим подчиненным сознание, что всюду и везде для военнослужащего дисциплина — прежде всего. Дисциплина не рабская и холопская, основанная на капризах начальника, а железная привычка сознательного подчинения всех — от Главнокомандующего до рядового красноармейца — определенно заведенному в войсках порядку».

По просьбе редакций военных журналов и газет Фабрициус пишет воспоминания и статьи: «Латышские стрелки и Октябрь», «Еще об организации отступления», «Воспоминания о боях с конницей Деникина за станцию Ольгинскую», «Ледяной бой», «Начдив Медведовский», «Первые шаги X дивизии» и многие другие, в которых ярко отражает массовый героизм бойцов и командиров Красной Армии в годы гражданской войны.

Ян Фрицевич Фабрициус очень любил детей. Маленькому сынишке начальника штаба корпуса В. Н. Каховского — Всеволоду комкор всегда приносил конфеты, шоколадку или забавную игрушку.

Накануне нового года для маленьких жителей Винницы, в городском парке, у ледяной горки была устроена необыкновенная елка. Украшали ее по просьбе Фабрициуса пожарники. На огромные ветви игрушек не хватало. Тогда Фабрициус купил на базаре мешок яблок и грецких орехов.

В назначенный час на елке вспыхнули разноцвет-

ные электрические лампочки. Весь вечер Фабрициус любовался ликующим детским хороводом и жалел, что у него нет своих детей.

Веселые игры у живой елки продолжались всю неделю. А в ночь с воскресенья на понедельник беспризорные ребятишки сняли многие игрушки и почти все яблоки и орехи.

Комеда́нт города, докладывая об этом досадном происшествии Фабрициусу, ожидал по крайней мере десять суток ареста.

И действительно, Фабрициус сразу помрачнел, несколько раз пересек комнату вдоль и поперек, что-то записал на листке календаря и неожиданно громко спросил:

— Как вы думаете, сколько в Виннице беспризорных?

— Не считал, товарищ комкор. Они же оседлости не имеют. Сегодня здесь, а завтра там...

— Плохо, комеда́нт, плохо!

— Да. За елкой не досмотрел. Виноват...

— Не о том думаете. По служебному долгу, а лучше сказать, по зову сердца, мы с вами должны были давным-давно поинтересоваться судьбой беспризорных детей. Поставить их, как говорится, на путь истинный, воспитать достойными гражданами, всеми уважаемыми труженниками — ведь это же самое благородное, глубоко партийное дело.

Фабрициус посмотрел в широко открытые, недоуменные глаза комеда́нта и твердо, почти сурово произнес:

— Через два дня вы доложите мне о каждом беспризорном Винницы...

— Помилуйте, товарищ командир корпуса. Ведь

это же невыполнимое задание. Они меня боятся. Как увидят — разбегаются...

— Нашли тоже чем гордиться. Смотрите, комеда́нт, как бы вам не потерять так называемую оседлость. Идите!

Комеда́нт щелкнул каблуками и выскочил за дверь.

Фабрициус сел к столу, подпер голову ладонями, и в памяти его встали дорогие лица боевых друзей, похороненных под Псковом, Валком, Хинценбергом, Ригой, Ельцом, Лихой, Ольгинской, на Таманском полуострове, на равнинах Польши, на огромном братском кладбище в Кронштадте. А ведь у многих из них были дети...

Командир корпуса отлично понимал, что комеда́нт вопрос о беспризорных, конечно, не решит. Надо поднимать это важное дело всем армейским коллективом и во всех гарнизонах. Возглавить работу должны коммунисты и комсомольцы.

Многие секретари партийных и комсомольских организаций были удивлены, когда на деловом совещании командир корпуса предложил им на ближайшем собрании поставить вопрос о помощи беспризорным детям.

После выступления Фабрициуса в клубе в день 8-го марта жены командиров и политработников занялись сбором подарков и вещей для осиротевших детей.

Более активно устройством беспризорных стали заниматься и специальные школы и трудовые коммуны, партийные и комсомольские организации, исполнительные комитеты городов, в которых размещались части 17-го стрелкового корпуса.

... В первое воскресенье июня в штаб к Фабри-

циусу пришел пионервожатый из школы, в которой учились дети военнослужащих, и попросил:

— Товарищ командир корпуса, от имени отряда приглашаю вас на первый пионерский костер. Мы надеемся, что вы расскажете о том, как били белых, и про ордена...

— Много вас будет? — спросил Фабрициус.

— Весь отряд.

— Этого мало. Вот вам мое задание — соберите всех ребят пионерского возраста. И в первую очередь пригласите детей, у которых нет родителей, беспризорных.

— Они не пойдут. Они дерутся...

— Не понимаю, что вы не можете поделить? Беспризорных привыкли ругать, а вы с ними по-хорошему, по-дружески потолкуйте. Скажите, что командир корпуса Фабрициус хочет их видеть. Да, да, видеть для того, чтобы рассказать об их отцах...

— Попробуем, товарищ комкор, привести их на сбор отряда.

— Не привести, а вежливо пригласить...

— Так точно. Пригласим!

Вечером, отложив все дела, Фабрициус поехал на опушку рощи. Первое, что он увидел, был огромный костер из сухих веток дуба, акации, граба.

К командиру корпуса подбежал старший вожатый и, заикаясь от волнения, отдал рапорт:

Фабрициус поздоровался с пионерами, окинул их взглядом и сразу же заметил, что беспризорные не пришли. Вожатому укоризненно сказал:

— Выходит, что вы не выполнили моего задания...

— Они прибыли. Восемь пацанов сидят у старого дуба в роще. Ждут вашего приглашения. Гордые...

— Спасибо за помощь, дружище. А кто у них за старшего?

— Васька Коршун.

— А отчества его не знаешь?

— Да он и сам не знает отчества.

— Это, пожалуй, верно.

Фабрициус приставил ладоши рупором ко рту и громко крикнул:

— Василия Коршуна и его команду прошу к нашему шалашу.

Не прошло и минуты, как к командиру корпуса подошли строем восемь беспризорных. Старший из них протянул хриловатым баском:

— Пришли подвиться на твои ордена. Мы смелых людей уважаем...

— И я тоже, — воскликнул Фабрициус и с каждым из пацанов поздоровался за руку. — Присаживайтесь, хлопцы, к костру. Поговорим сегодня о смелых людях...

Пацаны сели плотным полукругом в стороне от школьников.

Почетному пионеру Яну Фабрициусу принадлежало право зажечь первый костер. В этот теплый, летний вечер командир корпуса неожиданно для всех нарушил установившуюся традицию и, передав спички Ваське Коршуну, воскликнул:

— Пали!

Прищурив карие глаза, Коршун осмотрел своих изумленных товарищей и, потрясенный доверием комкора, тихо сказал:

— Как же так... Я не пионер... Посторонний...

— Неверно — свой. Здесь все свои. Зажигай, Вася, зажигай...

Коршун порывисто откинул длинную курчавую

прядь волос со лба, торжествующе окинул взглядом широкую поляну, заполненную пионерами, тихо провёл спичкой по терке коробки и, прикрыв маленький огонек огрубелыми, черными ладонями, уверенно поднес его к костру. И сразу же заискрилась сухая трава, затрещали сучья, пламя, изгибаясь, охватило костер, взметнулось и широким алым мечом разрубило темноту.

Фабрициус присел рядом с Коршуном и, не спеша, просто и выразительно стал рассказывать о своих любимцах, воспитанниках стрелковых полков. И первое, что всплыло в памяти, были костры из соломы, зажженные деревейскими ребятишками под Старо-Изборском в декабре 1918 года. Ребята подняли такой шум, так усердно кричали: «Спасайтесь! Красные идут! Большаки наступают!» — что расположившиеся было на отдых белогвардейцы бежали из деревни, оставив на огородах артиллерийскую батарею. А наутро подростки пришли в штаб и сообщили о брошенных орудиях...

Рассказав удивительно внимательным слушателям этот памятный случай, Фабрициус вспомнил о связанном 49-го Гдовского стрелкового полка Василии Петрове, награжденном двумя орденами Красного Знамени. Недавно Петров сообщил о том, что назначен на должность командира полка. Вот как растет человек — в 22 года такую ответственность принял на плечи. Ну как не рассказать о Василии Петрове этим жаждающим подвигов ребятишкам!

А потом командир корпуса поведал собравшимся у костра о славных делах бесстрашного юного разведчика Сережки Вересова, которого знала вся 48-я бригада и звала с уважением — «Находка».

Никто не заметил, как погас костер и серой плен-

кой затянулись розовые угольки. Над рощей появилась алая полоса, словно кто-то провел по небосклону широкой кистью.

Фабрициус устал. Несколько раз он порывался встать, но со всех сторон звенело дружно:

— Еще! Еще расскажите, — и комкор сконфуженно пожимал плечами и продолжал беседу, искренно любясь преображенными, взволнованными лицами.

В роще жаркая соскучившийся по хозяину гнедой, Фабрициус широко потянулся и сказал:

— На сегодня хватит. Пора спать!

— А про свои ордена так и не рассказали, — обижено заметил Васька Коршун.

— Расскажу. В следующее воскресенье. Придете?

— А как же! Я еще трех пацанов приведу...

— Всех веди, всех...

... Осенью командир корпуса стезе в детскую трудовую коммуны Василия Коршуна и его товарищей. Ребята полюбили Фабрициуса, звали его батей и не сразу решились на разлуку. Пришлось командиру корпуса пообещать, что он будет навещать их и непременно возьмет к себе в часть в пору совершеннолетия...

В начале 1925 года в жизни Фабрициуса произошло событие, положившее конец его спартанским привычкам и так называемому «аскетизму».

Как-то поздно вечером комкор вызвал по телефону помощника начальника штаба, старого фронтового друга Ершова.

Фабрициус сидел за столом. Пристально посмотрев на Ершова, тихо произнес:

— Знаете, Иван Павлович, я, кажется, сегодня сам не свой.

Ершов, ожидавший какое-нибудь срочное распоряжение, высказал горячее сочувствие.

— Не мудрено. Работаете 24 часа в сутки. Надо подлечить нервную систему. Ян Фрицевич. Дело правильное...

— Не о том речь, дружище. Знаете, я хочу жениться.

Помнаштаба облегченно и шумно вздохнул, а командир корпуса захохотал, сверкая белыми зубами.

— Что, Иван Павлович, не ожидали такой новости?

— Наоборот, давно ждал. Пора, пора и вам стать семейным человеком. Я вот заметил, что вы стали шоколадки покупать...

— Помилуйте, Иван Павлович! Это я для маленьких. А вот для семейной жизни, как видите, у меня никакой обстановки нет. Все приданое в чемодане. Да еще вот шкаф с книгами.

— Все наживете. Так чем могу быть полезен, Ян Фрицевич? — спросил, улыбаясь, Ершов.

— У вас уже есть некоторый опыт. Поделитесь... Должен признаться, есть у меня такой недостаток, какая-то чрезмерная робость, смущение. И это в моем возрасте...

— А кто она?

— Сестра нашего штабного работника Петра Улепа — Кристина Михайловна.

— А я что-то вас с ней и не видел.

— В таких делах огласка не нужна. Вот вам список гостей. Действуйте, Иван Павлович.

... На свадьбу приехали друзья Фабрициуса — командиры корпусов Котовский, Городовиков, Апанасенко, начальники дивизий и командиры полков, товарищи по общественной работе...

Ян Фрицевич Фабрициус с женой Кристиной Михайловной
Город Винница, 1925 г.

... Осенью 1926 года в районе Бердичев-Вчерайше штаб РККА проводил крупные тактические учения. Руководил ими Народный Комиссар по военным и морским делам К. Е. Ворошилов. Командующий одной из сторон — частей «красных» был назначен Я. Ф. Фабрициус.

Выполняя непосредственные указания Климента Ефремовича Ворошилова, командир корпуса Фабрициус приобрел большой практический опыт руководства крупными войсковыми соединениями. Успешно выполнив тактические задачи, Фабрициус получил благодарность от Народного Комиссара К. Е. Ворошилова, сделавшего подробный разбор маневров.

С гордостью и радостью Фабрициус узнал о том, что по приказанию Наркома ему, командиру корпуса (ведь были начальники и повыше по должности), поручено командовать парадом.

Фабрициус лично объехал стянутые на одно поле части и проинструктировал командиров. Всего месяц тому назад Фабрициус проводил трехдневные тактические учения совместно с командиром соседнего конного корпуса Городовиковым. На параде, проведенном после занятий, произошел случай, чуть было не омрачивший торжество.

Первыми, усердно чеканя шаг, прошли по широкому, притоптанному полю пехотинцы. Степенно и важно, выдерживая равнение, прокатили орудийные расчеты. Вновь подтверждая босую выучку и дисциплинированность, в образцовом порядке прошли специальные подразделения.

Нарастающий гулкий топот копыт взбудоражил собравшихся ребятишек из соседних сел. Послышались полные ликования возгласы:

— Тачанки! Тачанки летят...

В сером, вздыбленном облаке пыли мчались кавалерийские тачанки. Рослые, гладкие, горячие кони, распластавшись в карьере, рвали копытами землю. Видно, пулеметные команды решили показать безудержную лихость атаки и разгорячили своих легконогих гнедых и вороных.

Командир конного корпуса Ока Иванович Городовиков, пряча улыбку в жестких черных усах, любовался пролетающими рысистыми конями. Вот промелькнул первый, второй, третий ряд, а когда с принимающими парад поровнялись упряжки четвертого, со второй тачанки сорвался и тяжело упал на землю номерной пулеметного расчета.

Все замерли. Ахнули ребятишки. Надвигалась новая волна тачанок. Оглушенному падением красноармейцу грозила смертельная опасность. И в эту тревожную минуту принимавший парад Фабрициус

бросился к бойцу, схватил его и побежал к трибуне. Рядом с командиром корпуса пронеслась вздернутая, покрытая пеной лошадиная голова.

Тяжело дыша, Фабрициус передал бойца присутствующему на параде корпусному врачу и сказал:

— Позаботьтесь о нем, — и стал рядом с Городовиковым. Взволнованный Ока Иванович молча пожал вздрагивающей левой рукой широкую крепкую ладонь Фабрициуса...

...И вот сейчас, подготавливая войска к параду, командир корпуса учел этот случай.

Красноармейцы были хорошо проинструктированы и проявили похвальную дисциплинированность, воинское усердие и мастерство. Принимавший парад К. Е. Ворошилов отметил образцовый порядок и высокую строевую выучку участвующих в параде частей.

В начале марта 1927 года Фабрициус был переведен в Белоруссию на должность командира IV стрелкового корпуса. В том же месяце он был избран делегатом на VIII Всебелорусский съезд Советов. Выступая на съезде, Фабрициус призывал трудящихся Белоруссии крепить могущество нашей Родины, быть готовыми к обороне Советского Союза.

Самой высокой наградой для себя Фабрициус считал теплое слово благодарности от простых людей — рабочих и крестьян. Командир корпуса был до слез взволнован одной простой и в то же время памятной встречей, происшедшей 18 сентября 1927 года.

... День был солнечным. Над стерней висели длинные, сизоватые паутины. Пахло зреющей антоновкой, боровинкой, анисом. Командир корпуса Ян Фабрициус вместе с командиром 27-й Омской стрелковой дивизии С. С. Вострцовым ехали на лошадях по деревенской улице, следом за воинскими частями, возвращаю-

Я. Ф. Фабрициус выступает на красноармейском митинге в летнем лагере (июль 1926 года) с докладом о китайской революции.

щимися с полевых занятий, и лобовались раскнившимися перед ними садами.

На перекрестке дорог их поджидал какой-то старик. В руках он держал фуражку, наполненную яблоками. Фабрициус сурово взглянул на Вострецова и глухо сказал:

— Не иначе, как на твоих орлов жаловаться пришел.

Вострецов ничего не ответил, видно, учел вспыльчивость и резкость своего старшего начальника.

— Задержись-ка на минутку, товарищ красный генерал, — твердо произнес старик. — Иван Кузьмич хочет с тобой потолковать.

Фабрициус остановил лошадь, прыгнул на землю. Вострецов тоже спешился и отошел в сторону, внимательно наблюдая за стариком.

— Слушаю вас, отец, — сказал Фабрициус. — Попрошу генералом меня не обзывать. Можете называть по фамилии — Фабрициус, или по должности — командир корпуса. Все равно.

— Да ты не обижайся, товарищ начальник. Я ведь тебя поблагодарить пришел. От всего села. Войско твое через нашу деревню три раза промаршировало. По моему саду шли и, представь себе, ни одно яблоко не тронули. Я старый солдат, в Маньчжурии побывал, под Сморгонью был раен. Солдатское «счастье» испытал полной мерой. Видел я и немецких grenадеров, и польских улан, и бандюгов Булак-Балаховича. И у всех одна повадка — как бы стянуть, что плохо припрятано. А вот такой армии, как твоя, не видал...

Фабрициус улыбнулся:

— Передай, Иван Кузьмич, землякам, что Красная Армия для того и существует, чтобы охранять труд и добро советских людей от grenадеров, улан и прочих

мародеров в солдатской форме. Красноармеец до чужого имущества и пальцем не дотронется.

— Вот за это и благодарствую, товарищ Фабрицнус. — Я вот вас анисовкой хочу угостить. Выбрал самую спелую...

— Спасибо, отец. Парочку яблок возьму.

— Все бери, все. Не обижай Кузьмича. У меня этого добра хватит. Хочется хорошего человека хоть чем-нибудь да отметить.

Фабрицнус испугался, что Иван Кузьмич принесет еще яблок, и стал торопливо рассовывать анисовку по глубоким карманам. Потом обнял старика, коснулся губами его жесткой щеки и вскочил на коня...

ВЕРНЫЙ СЫН ПАРТИИ

Осенью 1927 года Ян Фрицевич Фабрицнус как член правительства участвовал в юбилейной сессии ЦИК'а в Ленинграде. Фабрицнус невольно вспомнил III Всероссийский съезд Советов и начало своей работы в расширенном Президиуме ВЦИК'а в феврале 1918 года. И так же, как и в те незабываемые дни, после заседаний он отправлялся вместе с другими членами правительства на заводы и фабрики, выступал на собраниях и митингах, душевно беседовал с бывшими красногвардейцами, с которыми когда-то вместе защищал побережье Чудского озера от немцев и освобождал от белогвардейцев Псков и города Эстонии и Латвии. Особенно запомнилось собрание на «Красном треугольнике». Огромный зал столовой, освобожденный от столов и скамеек, был заполнен рабочими. Первым выступал Григорий Иванович Петровский, которого многие из присутствующих знали, как депутата большевистской фракции Государственной думы. Старый революционер, прошедший суровую школу подпольной борьбы, рассказал о решениях юбилейной сессии,

Билет члена Центрального Комитета Коммунистической Партии (большевиков) Белоруссии Я. Ф. Фабрицуса. (1927 год.)

призывал рабочих примерным трудом крепить могущество государства рабочих и крестьян.

Затем слово было предоставлено Фабрицусу. Он напомнил ленинградцам о борьбе партии с зиновьевцами на XIV партийном съезде, вскрыл преступный антибольшевистский характер так называемой «новой оппозиции». Беспощадно разоблачая врагов партии троцкистов и зиновьевцев, Фабрицус призывал ленинградцев еще теснее сплотиться вокруг Центрального Комитета Коммунистической партии и вести беспощадную борьбу с двурушниками и предателями, не считаясь с их прежними заслугами и партийным стажем. Свою краткую, яркую речь Фабрицус закончил

обращением — повседневно крепить оборону страны Советов, быть готовыми защищать завоевания Великой Октябрьской социалистической революции.

По тому, как старательно и долго аплодировали рабочие, Фабрицус понял, что слова его взволновали слушателей своей искренностью и правдивостью, что Зиновьев и его подручные давно уже стали «генералами без армии».

Эти мысли были подтверждены выступавшими рабочими и инженерами «Красного треугольника».

Когда уже была зачитана и принята резолюция и председательствующий собирался закрывать собрание, на трибуну поднялся седой рабочий Павлов и настойчиво попросил слова.

— Говори, Васильич, говори! — послышались голоса.

Павлов обвел глазами огромный зал и громко, торжествуя спросил:

— Товарищи, есть ли в мире еще такая страна, где правительство отчитывается на рабочем собрании?

Улыбнулся, лукаво подмигнул стоящему рядом с ним Фабрицусу и сам же ответил:

— Нет другого такого государства, как наше рабочее да крестьянское. Советское правительство не только пришло к нам на завод сделать доклад о произведенной работе, а еще и наших советов спрашивает. Так я говорю от самого сердца — когда понадобится, мы все, как один, пойдем за коммунистами на защиту нашей страны.

Да здравствует Центральный Исполнительный Комитет!

Да здравствует наша Коммунистическая партия!

Оратор хотел сойти с трибуны, но рабочие подхва-

тели его и под гул овалции и гулкое «ура» стали подбрасывать...

На следующий день Фабрициус с делегатами из Бурят-Монгольской Республики и с Урала выступал на митинге на заводе «Электросила». Потом вместе с Андреем Александровичем Ждановым отчитывался о деятельности правительства перед рабочими и служащими завода имени Кулакова. Побывал командир корпуса Фабрициус и на заводе «Промет», ознакомился с производством автомашин, автоцистерн, дымогонов и горячо поблагодарил рабочий коллектив за отличную работу.

19 октября члены ЦИК во главе с Михаилом Ивановичем Калининным выехали на торжественную закладку Свирьстроя. В 11 часов утра на берегу бурой Свири были уложены первые кирпичи в фундамент будущей Свирской гидроэлектростанции.

В тот же день делегаты юбилейной сессии побывали на линкоре «Парижская Коммуна», и Фабрициус от имени Красной Армии приветствовал боевых друзей — краснофлотцев.

Огромное, неизгладимое впечатление на Фабрициуса произвела демонстрация ленинградских рабочих в честь юбилейной сессии ЦИК.

Члены правительства товарищи Калинин, Киров, Жданов, Петровский, Буденный, Семашко и Фабрициус с центральной трибуны приветствовали демонстрантов, проходивших по легендарной Дворцовой площади. Было отраднo ощущать великое кровное единство народа, партии и правительства...

...Возвратившись в город Витебск, Фабрициус выступил с докладами об итогах юбилейной сессии ЦИКа. 26-го октября с трибуны партийной конференции 27-ой стрелковой дивизии комкор говорил:

— Сессия прошла очень хорошо. Ленинградский пролетариат с большим энтузиазмом встретил делегатов. В демонстрации участвовало больше 250 тысяч рабочих. Манифест правительства был горячо принят рабочими. Он, как снег, свалился на голову оппозиции.

Я побывал на многих ленинградских заводах, выступал с докладами. Настроение рабочих бодрое, революционное. С воодушевлением рассказывают они о производственных достижениях своих предприятий за три года. Никто не жаловался. Зарабатывают хорошо, жить можно.

Я задавал рабочим вопросы, спрашивал, в частности, не отразится ли введение семичасового рабочего дня на выполнение плановых заданий. Мне отвечали: «Что вы! Если мы возьмемся, то за семь часов сделаем больше, чем за восемь. Ну, а в случае войны мы будем работать и по семнадцать часов».

Лидеры оппозиции были биты по всем пунктам. Они теперь нападают главным образом на товарища Сталина, как на стойкого борца за единство нашей партии.

Я думаю, что пятнадцатый партсъезд может только поблагодарить такого секретаря ЦК, как Сталин.

XV партсъезд должен сказать свое последнее слово об оппозиционерах, — сказал в заключение Фабрициус.

Эти слова были встречены продолжительными аплодисментами участников конференции¹.

Фабрициус яростно ненавидел врагов партии. О том, что Троцкий и Зиновьев предатели, он догады-

¹ Газета «Красноармейская Правда» Политуправления Белорусского военного округа, № 245 (1960), от 27 октября 1927 г. и «Заря Запада», Витебского окружкома, № 246, от 26 октября 1927 г.

вался еще в годы гражданской войны и в письмах в ЦК РКП(б) смело разоблачал их преступную деятельность.

С негодованием и презрением пишет Фабрициус о Троцком в своем письме к фронтовому другу И. П. Ершову:

«...Троцкий до того докатился, что стал врагом Советской власти и диктатуры пролетариата. Я, грешный человек, еще в 1918 году говорил, что Троцкий этим кончит... Троцкий всегда считал, что он только один культурный и образованный во всех отношениях человек, а все остальные люди стоят на две-три головы ниже его. Он упустил из виду, что с партией Ленина так высокомерно нельзя поступать. Он, видно, не понял, что партия сумеет разжаловать его не только в рядовые, но и выбросить из своих рядов, как пенужный хлам...»

В октябре 1927 года, за два месяца до XV съезда партии, ЦК ВКП(б) объявил общепартийную дискуссию. Широкие партийные массы повсеместно разоблачали троцкистско-зиновьевских предателей, их лживую платформу, низкопробную демагогию, с которой они выступали против ленинского Центрального Комитета партии. В этой гнусной борьбе троцкистско-зиновьевский блок потерпел полное поражение, собрав за свою гнилую «платформу» менее одного процента голосов.

Старый большевик Ян Фабрициус принимал активное участие в борьбе против троцкистов и зиновьевцев, развернувшейся накануне исторического XV съезда. В своих выступлениях на заводах, фабриках, воинских частях первый ленинец отстаивал линию Центрального Комитета на построение социалистического общества, боролся за чистоту и единство рядов партии.

В яркой, образной речи на партийной конференции Белорусского военного округа Фабрициус разоблачил Троцкого, Зиновьева, Каменева, Сокольников, как заклятых врагов Советского государства. С нескрываемым возмущением и гневом командир 4-го стрелкового корпуса Ян Фрицевич Фабрициус говорил:

— Давно пора серьезно взяться за оппозиционеров. В партии есть точный устав, и если кто с этим уставом не согласен, тот не может быть партийцем. Пора всех партийцев уравнивать в отношении партийных преступлений. Оппортунисты кичатся большим стажем. Пусть у него будет стаж хоть пятьдесят, хоть сто двадцать пять лет, а если он совершил преступление против партии, — должен быть наказан. Мы видим, что у оппозиционных вождей, которые хотят быть только вождями, кроме нахальства ничего нет. Кто идет против партии, того надо исключать из рядов партии...

Витебская партийная организация единодушно избрала стойкого большевика краснознаменца Я. Ф. Фабрициуса своим делегатом на XV съезд ВКП(б).

Заверив товарищей по службе и работе в том, что он постарается передать съезду их волю, их чувства, их верность ленинско-сталинскому Центральному Комитету, Фабрициус выехал в Москву.

Съезд собрался в трудное для нашего Отечества время. В опубликованном в печати обращении Центрального Комитета ко всем партийным организациям ВКП(б), ко всем рабочим и крестьянам говорилось, что важнейшим политическим фактором последнего времени является разрыв Англией дипломатических и торговых отношений с Советским Союзом. Империалистические хищники Европы и Америки перешли к наглому, открытому и форсированной подготовке новых нападений на нашу Родину. Они выжидали благо-

приятный момент для того, чтобы напасть на Советское государство.

Империалистам активно помогали своей подрывной работой заклятые враги социализма — троцкисты и прочие оппортунисты, ставшие на путь открытой анти-советской борьбы.

XV съезд открылся 2 декабря 1927 года. На повестку дня были вынесены вопросы исключительной политической важности. Кроме отчета Центрального Комитета ВКП(б) и отчетов других центральных учреждений партии, были обсуждены следующие вопросы: Директивы по составлению пятилетнего плана развития народного хозяйства, О работе в деревне, Об оппозиции.

С напряженным вниманием и глубокой радостью слушали делегаты съезда выступления руководителей партии и правительства — товарищей И. В. Сталина, В. М. Молотова, М. И. Калинина, Г. К. Орджоникидзе, К. Е. Ворошилова, А. И. Микояна, В. В. Куйбышева и других преданных учеников и соратников великого Ленина.

Злобные выпады атаманов троцкистско-зиновьевского блока, их клеветнические выступления против Центрального Комитета вызвали у Фабрициуса чувство глубокого возмущения и он обратился в президиум с просьбой предоставить ему слово для выступления по докладу товарища Орджоникидзе.

7 декабря председательствующий объявил:

— Слово имеет товарищ Фабрициус.

Вспыхнувшие в зале дружные аплодисменты глубоко взволновали Фабрициуса. Пока шел к трибуне, сумел подавить волнение. Речь начал спокойно, громко и выразительно произнося каждое слово:

— Товарищи! Здесь товарищ Орджоникидзе уже

говорил, и всем известно, что троцкистская оппозиция обвиняет Красную Армию, красных пролетарских командиров во всех смертных грехах. По мнению оппозиции, комсостав Красной Армии теперь в случае войны не будет защищать интересы рабочих и беднейшего крестьянства, а Красная Армия пойдет за тем или другим бонапартистом. Я думаю, тут что-то не то. Есть такая поговорка: «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Кое-кто из оппозиции, наверно, мечтал о бонапартизме. Но когда это сорвалось, тогда начали клеветать на рабоче-крестьянскую армию. Я думаю, что лидеры оппозиции оторвались от Красной Армии.

Произнеся эти слова, Фабрициус услышал, как в президиуме кто-то громко и восхищенно воскликнул:
— Правильно!

Короткая, одобрительная реплика обрадовала и ободрила Фабрициуса. Окинув зорким взглядом огромный, заполненный делегатами зал, он уверенно продолжал:

— Правильно будет, если я скажу, что они никогда и не были близко связаны с красноармейскими массами, что они совершенно не знают нашей Красной Армии. Если оппозиция обвиняет Красную Армию в разных грехах, то это лишь доказывает, что эти товарищи совершенно не знают того, что делается в Красной Армии. Партийные руководители, партийные работники, командиры, политработники, которые работают в Красной Армии, сумели так связать нашу Красную Армию и красноармейские массы с партией, рабочим классом и крестьянством, как никогда.

Рассказав о преступлениях раскольников-оппозиционеров и их агентов «троцкинят» в Красной Армии, Фабрициус сделал справедливый вывод:

— Я думаю, товарищи, что довольно говорить об оппозиции. Слишком большая честь для нее, что мы так долго говорим и терпим издевательства с ее стороны. Все те товарищи, которые участвовали на XIV партийном съезде, помнят, что оппозиция совершенно не давала работать и срывала своими демагогическими фракционными выступлениями всю работу съезда. За эти два года оппозиция точно так же мешала работать партии и укреплять как Красную Армию и советскую работу, так и работу на трудовом фронте. XV съезд партии должен положить этому конец. Тут верить на честное слово, которого, видно, у них давно нет, никто не согласится...

Затем делегат от большевиков Витебщины Ян Фабрициус поставил вопрос о необходимости улучшения условий для учебы молодежи, о подготовке не только квалифицированных, но и здоровых кадров для народного хозяйства и Красной Армии.

В заключение Фабрициус отметил, что кое-где на местах не выполняются директивы и распоряжения центральных органов об оказании помощи командирам и политработникам, уволенным из Красной Армии в запас, и что казенное, бездушное отношение к военным специалистам тормозит дело укрепления обороноспособности нашей Родины.

XV съезд Коммунистической партии сыграл выдающую роль в деле укрепления и дальнейшего социалистического развития Советской страны, росте ее экономического могущества и обороноспособности. Руководствуясь ленинско-сталинскими указаниями, съезд партии взял курс на массовую коллективизацию сельского хозяйства и дальнейшее ограничение кулачества, наметил новые грандиозные задачи в области индустриализации страны. Съезд подвел итоги много-

Прочитать всем стран, советской!

**ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (БОЛЬШЕВИКОВ)
ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТРОЛЬНАЯ КОМИССИЯ**

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ № 192

Президентом сего, тов.

*Лабрициус
Я. Фабрициус*

является членом Центральной Комиссии
Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков),
избранным пятнадцатым съездом партии.

Секретарь ЦК

Москва, 1927 г. Президиум ЦК ВКП(б)

Членский билет члена Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б) Я. Ф. Фабрициуса,
подписанный Секретарем ЦК ВКП(б) И. В. Сталиным.

летней борьбы партии против троцкизма, завершил его разгром. Было одобрено постановление объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) об исключении из партии Троцкого и Зиновьева и принято решение об исключении из партии активных участников троцкистско-зиновьевского блока.

На XV съезде старый большевик, постоянно борющийся за очищение рядов партии от всех оппортунистических элементов, Ян Фрицевич Фабрициус был единодушно избран членом Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б). По окончании съезда он получил членский билет № 172, подписанный секретарем ЦК ВКП(б) И. В. Сталиным.

Комкор Фабрициус считает своим первейшим долгом воспитывать воинов в духе беспредельной преданности великому делу Коммунистической партии. В приказе № 24 от 22 февраля 1928 г., обращенном к красноармейцам, командирам и политработникам корпуса, он писал:

«... Коммунистическая партия являлась организатором и руководителем революционной борьбы *Рабоче-Крестьянской Красной Армии на всех фронтах. В трудные моменты партия выдвигала в армию десятки и сотни тысяч лучших своих бойцов.* (Подчеркнуто Я. Ф. Фабрициусом.)

Без партии, железной и закаленной в боях с царизмом и буржуазией, без партии, тесно связанной с массами, создать классовую армию пролетариата было бы невозможно.

...Несокрушимая классовая сплоченность, политическая стойкость и военно-техническая выучка Красной Армии — есть результат руководства партии, влияния и повседневного участия в укреплении Красной Армии партийно-политических организаций.

... Мы хотим мира. Советская власть сделает все, чтобы избежать войны, но в то же время мы будем продолжать укреплять Красную Армию, как одно из средств охраны мира. Дело обороноспособности нашей страны сделаем достоянием всех трудящихся масс СССР. Еще больше сплотимся вокруг испытанного вождя ВКП(б) — партии Ленина.

... В случае, если нам навяжут войну, Красная Армия вместе с трудящимися массами, сплоченными вокруг Коммунистической партии и Советской власти, даст такой могучий отпор, который потрясет основы всего капиталистического мира¹.

... Весной 1928 года Фабрициус прошел десяти-недельные курсы усовершенствования Высшего командного состава. 17 мая 1928 года он был назначен на должность помощника командующего Отдельной Краснознаменной Кавказской армией.

Будучи подлинным ленинцем-интернационалистом, он радовался, что теперь ему удастся ознакомиться с жизнью и бытом народов Кавказа и отдать все свои силы благородному делу проведения ленинско-сталинской национальной политики в сложных условиях Закавказской федерации.

За годы своей богатой событиями жизни сын латышского крестьянина Ян Фабрициус вел революционную работу в многонациональных районах Севера и Дальнего Востока. В своих анкетах Фабрициус отмечает, что ознакомился с китайским и корейским языками в годы ссылки, когда приходилось вести пропаганду и агитацию в Маньчжурии. В годы гражданской

¹ Газета «Зари Запада», Битобского окружного, № 46, от 23 февраля 1928 г.

Я. Ф. Фабрициус с женой Кристиной среди отдыхающих.
(Август 1928 года)

войны и в послевоенный период Фабрициус изучил белорусский и украинский языки. И свою работу в Закавказье Фабрициус начал с изучения грузинского, армянского, азербайджанского языков.

В одном из писем к фронтовому другу И. П. Ершову Фабрициус, рассказывая о своем первенце Альваро, сообщал:

«... Альваро уже ходит в детский сад. Он быстро научился говорить по-русски, говорит хорошо на латышском языке, и если мне придется долго жить в Тифлисе, то паверное научится разговаривать по-грузински и станет настоящим интернационалистом».

В письме к родственнице Эмме Фабрициус, присланном с фронта 30 ноября 1917 года, Фабрициус с возмущением указывает:

«... Буржуа-европейцы привыкли другие, менее развитые в культурном отношении народы называть «дикарями, азиатами». Я много лет прожил на Дальнем Востоке, среди так называемых «лесных племен». Эти люди куда лучше, чем многие из нас. Если их не обманывать, быть честным и справедливым к ним и уважать их человеческие права, тогда с ними можно жить куда лучше, чем с некоторыми европейцами. Народы Севера и Дальнего Востока предельно честны, они не крадут и не убивают...»

... Страшные выродки — Вильгельмы и Гинденбурги, Романовы и Пуанкаре, Сухомлиновы и Корниловы и прочие слуги капитала — искалечили и убили более 25 миллионов молодых, сильных людей. Я удивляюсь, как земля терпит и носит таких чудовищных злодеев. Почему недра земли не открываются и не поглощают этих подлинных дикарей...»

Эти строки характерны для Яна Фабрициуса. Всегда и везде он стремится развивать дружбу и

уважение между народами и беспощаден к тем, кто стремится разжечь рознь и национальную вражду.

Все свои знания и опыт Фабрициус отдает великому делу укрепления обороноспособности любимой Родины. Помощник командующего принимает самое активное участие в проводимой по всему Союзу с 15 по 22 июля 1928 г. «Неделе обороны».

В национальных формированиях Краснознаменной Кавказской армии под непосредственным руководством опытного полководца-большевика Фабрициуса значительно повысились боеготовность и воинское мастерство, укрепились дисциплина и порядок. Об этом свидетельствовали успешно проведенные горьские маневры в сентябре 1928 года.

... На одном из горных привалов к Фабрициусу, беседующему с красноармейцами, подошел совсем седой, но еще довольно бодрый и сильный старик. Изпод косматых белых бровей смотрели веселые, умные глаза. Поздоровавшись с помощником командарма и тесно окружившими его бойцами, старик обратился с необычайным вопросом:

— Где ты родился, сын мой?

Прежде чем ответить на этот вопрос и предвидя продолжительную беседу, Фабрициус встал с валуна и предложил свое место старику. Тот молча покачал головой. Фабрициус подошел вплотную к старику и улыбаясь сказал:

— Я родился и вырос на берегу Балтийского моря, в Латвии.

— А я думал, что ты наш, кавказский. По горам ходишь, как по берегу моря. Свой человек в горах. И люди твои шли не только по баран-дорогам, но пробирались и по кур-дорожкам и их один не оробел, не опозорил свое имя трусостью...

— Вы правы, папаша. Чтобы защищать страну гор, надо знать каждую кур-дорожку. Это паш долг. Великий поэт Германии Гёте примерно сто лет тому назад написал замечательные строки:

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой!

Вот мы так и живем.

— Это верно сказано. В твоём войске каждый солдат джигит и сам ты подобен горному орлу. Да продлятся дни твоей жизни, сын мой. Народы гор могут спокойно работать...

Произнеся эти возвышенные слова, старик церемонно поклонился Фабрициусу и не спеша пошел к своему винограднику.

Молодой светловолосый красноармеец, преодолев смущение и робость, тихо спросил у Фабрициуса:

— Товарищ помощник командующего, разрешите вопрос — о какой это бараньей дороге говорил старик?

— Это надо знать. Видите ли, горцы делят свои дороги по их проходимости. Здесь самая просторная — арба-дорога. По ней можно проехать на арбе-двуколке. Ишак-дорога куда уже, но всадник все-таки может по ней проскакать. А вот баран-дорога коннику недоступна, она горными козлами протоптана. Кур-дорожка — это узенькая тропка, прерываемая оврагами и обрывами. Старик похвалил нас, товарищи, авансом. Какне мы с вами джигиты? У многих из нас еще на ишак-дороге голова кружится. Так что не пришло время считать себя горными орлами. Впереди у нас много сложных и трудных задач, и, чтобы с честью разрешить их, надо закалять тело и волю тренировками, постоянно заниматься гимнастикой, не жалеть

пота на полосе препятствий и в спортгородке. В бою побеждают сильные и выносливые воины. Эту простую истину всегда нужно помнить, товарищи...

Самокритично рассматривать свои дела, не успокаиваться на достигнутом — таковы характерные черты Фабрициуса. Подводя итоги горийских маневров в статье «Боеспособность наша растет», напечатанной в газете «Красный воин», помкомандарма наряду с успехами подмечает существенные недостатки и, прежде всего, слабую тактическую подготовку войск, плохое использование некоторыми частями местности и медленное развертывание огневых средств во встречном бою.

Разбирая горийские маневры, Фабрициус особое внимание уделяет роли младших командиров в подготовке умелых, физически натренированных и дисциплинированных воинов. По указанию помкомандарма газета «Красный воин» отвела специальную «Страницу младшего командира», в которой обобщался передовой опыт обучения и воспитания бойцов. Несмотря на загруженность служебной и общественно-политической работой, Фабрициус находил время для того, чтобы написать методические статьи в помощь младшим командирам.

Фабрициус высоко оценивает значение военной печати.

В своем приветствии газете «Красный воин» в день ее десятилетия (16 сентября 1928 г.) помкомандарма указывает:

«Переступая через порог 11-го года своего существования, «Красный воин» должен еще больше внимания уделять самокритике, учебе, укреплению боеспособности. Нужно в каждой части иметь военкоровский актив. Недостаточно выступает в печати младший

и средний комсостав и обменивается опытом. Больше внимания стрелковому обучению. Искренне желаю «Красному воину» плодотворной работы в деле укрепления дисциплины и боевой мощи нашей армии».

Большое внимание Фабрициус уделяет укреплению партийных и комсомольских организаций в частях и подразделениях армии.

В апреле 1929 года Ян Фабрициус принимал участие в исторической XVI партийной конференции.

Главным вопросом, обсуждавшимся на конференции, был первый пятилетний план.

Делегаты конференции отвергли усердно защищаемый правыми оппозиционерами «минимальный» вариант пятилетки и утвердили «оптимальный» вариант плана, как обязательный при всяких условиях.

Коммунистическая партия утвердила знаменитый первый пятилетний план строительства социализма.

XVI партийная конференция приняла обращение ко всем трудящимся о развертывании социалистического соревнования.

Слушая выступления руководителей партии и правительства, читая газеты и журналы, зорко присматриваясь к жизни, Фабрициус, как и все советские люди, гордился гигантской борьбой за вооружение промышленности и сельского хозяйства передовой, современной техникой. Сооружалась крупнейшая электростанция Днепрогэс. В Донбассе строились Краматорский и Горловский заводы, реконструировался Луганский паровозостроительный. На Урале создавался Уралмаш, воздвигались корпуса Березниковского и Соликамского химкомбинатов. Поднимались корпуса гигантских автомобильных, тракторных, металлургических заводов...

История еще не знала такого трудового героизма,

такого могучего размаха промышленного строительства, стремительного преобразования лица земли.

Участие в работе партийных съездов и конференций было огромной политической школой для Фабрициуса. И сейчас, возвращаясь из Москвы в Тифлис, он чувствовал большой прилив жизненных сил, переживал творческое вдохновение и думал о том, как лучше построить работу, как поднять на новую ступень боевую готовность частей и соединений Краснознаменной Кавказской армии.

Кроме службы, Фабрициус как всегда ведет большую партийную, советскую, научно-общественную работу. На отдых почти не остается времени. А когда выпадали свободные минуты, Фабрициус с большой радостью возился со своими ребятишками. Подсаживался к широкой коляске малышей-близнецов Тамары и Яниса, смешил их забавными гримасами, шекотал усами. Кто бы узнал в этом добродушном, нежном, седом человеке сурового полководца, помощника командующего армией. Для своего первенца Альваро Фабрициус покупал и мастерил забавные и занимательные игрушки.

Фабрициус находил время и для того, чтобы заниматься с женой, беседовать с ней о важнейших событиях в родной стране и за рубежом, помогать разобрататься в грамматических правилах русского языка и решать трудные задачки.

Кристина Михайловна как-то шутя пожаловалась брату, что ее муж слишком много занимается ее образованием, а вот на кино и театр времени не остается.

БЕССМЕННЫЙ ЧАСОВОЙ

Член Центральной Контрольной Комиссии при ЦК ВКП(б) Ян Фрицевич Фабрициус беспощадно боролся с врагами народа и партии — троцкистами, правыми уклонистами, националистами. Выступая 21 февраля 1929 г. на IX тифлисской партийной конференции, Фабрициус говорил:

«... Мы, старые работники армии, на своих плечах хорошо испытали бонапартизм Троцкого. Осколки троцкизма хотят разложить нашу армию. Это нельзя назвать иначе, как преступной антисоветской контрреволюционной деятельностью...»

Характеризуя правых уклонистов, как защитников кулачества, Фабрициус считал, что «нам нужно нацелить на индустриализацию страны, а всякие разговорчики о том, что нужно перенести центр тяжести в интересах крестьянства на легкую индустрию, приведут к тому, что мы не сумеем построить тяжелой индустрии, провалимся и с легкой и попадем под зависимость иностранного капитала».

Стойко и мужественно проводя указания ленинско-сталинского Центрального Комитета, старый больше-

вик, председатель комиссии по чистке в Закавказье, Ян Фабрициус беспощадно разоблачал и изгонял из рядов партии изменников и предателей, прикрывавших партийным билетом свою враждебную антисоветскую деятельность. Враги советского народа яростно ненавидели преданного сына Коммунистической партии и несколько раз пытались уничтожить его. Еще в годы гражданской войны на Петроградском фронте троцкисты и эсеры дважды покушались на жизнь Фабрициуса, произведя крушение поездов, в которых он ехал к линии фронта.

... Весной 1920 года комбриг Фабрициус со своим начальником штаба Ершовым ехали на лошадях в 142-й стрелковый полк, расквартированный в одной из станиц под Армавиром.

Вокруг дороги росли густые кусты акации, шиповника, ежевики. Отодохнувшие, сильные кони шли резво, бок о бок. Всадники тихо беседовали о предстоящем марше бригады к Каспийскому морю.

На окраине станицы, из зарослей вишняка, плотной стеной окружавшего кирпичный дом, неожиданно грянул выстрел. Коня вздыбились и понеслись по дороге. Позади раздались еще два винтовочных выстрела. У Ершова над самым ухом просвистела пуля.

Дорога круто повернула влево. Фабрициус осадил коня и снял фуражку. Она была пробита пулей.

— Подходящая отметина, — хмуро сказал Ершов, глядя на ранное отверстие от пули. — Как говорится, на вершок от смерти...

— Белогвардейская сволочь стреляет из-за угла! — воскликнул Фабрициус. — Неужели они думают, что, убив одного или двух красных командиров, отсрочат свою неизбежную гибель?

Надел фуражку и, переведя коня на рысь, добавил:

— Надо предупредить всех наших командиров, чтобы они были внимательнее, осторожнее. У нас еще много врагов...

... Летом 1927 года на границе Белоруссии и Польши была задержана шпионка. При допросе она созналась, что имела задание отравить члена правительства, командира стрелкового корпуса, старого врага шляхетской Польши Яна Фабрициуса...

Напряженная работа, старые раны, затяжной таежный ревматизм сильно подорвали здоровье Фабрициуса. В июле 1929 года врачебная комиссия направила его на лечение в сочинскую военно-курортную станцию.

Фабрициус терпеливо принимал все процедуры, твердо следовал советам врачей. В одном из писем к жене он рассказывал:

«... Я принял уже три ванны. Сегодня врач опять обследовал и выслушивал меня и сказал, что с сегодняшнего дня пропишет две ванны подряд, а на третий день предоставит отдых.

Говорят, что мацестские сероводородные ванны излечивают ревматизм не хуже, чем сакские и пятигорские грязевые ванны. Ванны Мацесты укрепляют также сердце, аорту, нервную систему, одним словом излечивают человека от всех 77-ми болезней.

... Хорошо хоть частично облегчить мои недуги и уменьшить боли в суставах, которые так мучают меня в дождливую погоду. А также было бы хорошо укрепить сердце. Меня все время держат на диете... Каждый день пью 15 капель иода с молоком...»

Фабрициус с трудом переносил вынужденное безделье. Ему хотелось поскорее закончить все процедуры и непременно успеть на большие маневры родной армии.

Помощник командующего Краснознаменной Кавказской армией Я. Ф. Фабрициус среди отдыхающих в Сочи — август 1929 г. (Последний снимок.)

17 августа Фабрициус писал жене:

«...Здравствуйте, моя милая Кристина и мои маленькие любимцы Альваро, Янис и Тамара. Все ли вы здоровы? Хорошо ли живете в Каджарах?..

...Сегодня я приму девятую ванну. Думаю, что сумею еще принять две-три ванны, после чего поеду к вам домой. Полагаю, что буду в Каджарах 24 или 25 августа. Мне здесь быть без вас надоело, последнее время очень скучаю. Врачи мне говорят, что с моим здоровьем обстоит благополучно. Сердце находится в лучшем состоянии, чем раньше. С ревматизмом дело обстоит хуже. Посмотрим, как будет влиять на меня ревматизм осенью и зимой...

...Врачи хотели, чтобы я остался до второго сентября, но я так долго оставаться не могу, потому что у нас в армии в последних числах августа начнутся военные маневры, на которых я должен обязательно присутствовать. Я и так долго сидел без работы. Ем и сплю, сплю и ем изо дня в день. К такой праздной жизни я никак не могу привыкнуть.

Еще раз сердечно приветствую вас. До счастливой встречи. Мысленно всех вас, дорогие мои, прижимаю к груди и целую.

Ваш горячо любящий Ян».

И в письмах к боевым друзьям Фабрициус сообщает, что врачи настаивают на продолжении лечения до 2 сентября, но он не может задерживаться в санатории: его ждет армия...

Чувство воинского долга, стремление отдать все свои силы на благо родной страны — превыше всего для Фабрициуса.

Вечером 23 августа он в последний раз прошелся по знакомому санаторному пляжу. Теплые, ласковые

волны касались его босых ног и, шурша песком, сползали в море. Фабрициусу очень хотелось чем-нибудь порадовать своих малышей, и он не спеша стал отбирать для них разноцветные, искусно обточенные морем камушки. Поднял несколько красивых раковин...

А на следующий день, распровавшись со знакомыми, Фабрициус направился на аэродром. Пассажиров было немного: инженер Андреев с женой и пятилетний сын до инженер акционерного общества «Спринклер» Гартье.

Пока пилот Калан и бортмеханик Жальный готовили самолет к полету, Фабрициус успел познакомиться с самым маленьким пассажиром и угостил его персиками. Неожиданно мальчик спросил:

— Дядя, а мы взвешиваться будем? Прошлый раз меня взвесили вместе с чемоданом. Смешно...

— А зачем нас взвешивать, мы с тобой легонькие. Я вот, пока лечился, на четыре килограмма похудел. А ты не боишься летать?

— Нет. Мне очень нравится...

— Тогда тебе надо идти в пилоты. Не сегодня, конечно, а этак лет через тринадцать. Ну, пошли к машине, посадка начинается...

В 11 часов 30 минут пассажирский самолет К-4, совершающий рейс Москва—Баку, вылетел из Сочи в Тифлис.

Фабрициус сидел впереди. Мальчик тронул его за плечо и тихо спросил:

— А зачем нас ремнями привязали?

— Боятся, чтобы мы не свалились вниз.

Фабрициус посмотрел в окно. Самолет перелетал через Ривьерский мост. За ним тянулась желтая полоса пляжа, заполненного отдыхающими. Самолет неожиданно закачался и стал резко снижаться. Прон-

зительно закричал инженер Гартье. Напуганный этим криком, заплакал мальчик.

— Тихо, тихо! — воскликнул Фабрициус. — Мы опускаемся у самого берега, — и стал торопливо развязывать ремни, которыми был привязан к сиденью.

В ту же минуту пропеллер врезался в воду, самолет подпрыгнул и перевернулся вверх колесами. Не теряя самообладания, Фабрициус развязал ремни онемевшей от ужаса Андреевой и крикнул:

— Первая выходит женщина с ребенком.

И они успели выпрыгнуть в окно кабины. Спаслись также пилот Калан и бортмеханик Жальный.

Из взорвавшегося бака в самолет хлынул бензин, морская вода затопила кабину. Человек большого благородства, Ян Фрицевич Фабрициус, не задумываясь, уступил свое право на жизнь женщине с ребенком.

Полководец и военный комиссар Фабрициус, сотни раз водивший бойцов в штыковые атаки, семь раз раненный на полях сражений, задохнулся в кабине самолета.

Потерпевших аварию можно было бы спасти, ведь самолет упал в 60 метрах от берега. Спасательная станция не проявила должной распорядительности и упорства. Самолет тащили на берег за канат полтора человека купающихся. Вытащенных из кабины пассажиров откачивали какие-то женщины из толпы. Квалифицированной медицинской помощи оказано не было. Любители продолжали применять искусственное дыхание несколько часов, но жизнь Фабрициусу не вернули...

Случайна ли гибель Яна Фабрициуса? Правы ли тифлисские поэты Ираклий Аракунев и Василий Учав, писавшие о гибели Фабрициуса:

«...Промчалось время
Буйным ветром,
Струилось в Сочи
Лаской лето...
И вот...
Наприв винта в моторе —
Осиротил страну Советов...»

Неверно! Мотор был исправен.

Специально созданная инженерно-летная комиссия в своем постановлении отмечала, что «основной причиной аварии явились — взлет на перегруженном самолете с неправильным вместе с тем распределением нагрузки, недопустимым вообще и в особенности в данной обстановке (аэродромные условия), что было следствием полного несоблюдения службой всей линии элементарных правил по загрузке самолета, и недостаточное использование одного из элементов управления машиной (стабилизатора) летчиком Қалан, являющимся вполне квалифицированным пилотом, но недостаточно инструкторованным в особенностях конструкции самолета К-4 и введенным в заблуждение неправильной записью загрузки».

Постановление заканчивалось словами: «Материалы переданы для привлечения виновных к уголовной ответственности»¹.

Авария была подготовлена врагами народа, орудовавшими на линии Укрвоздухпути.

На страницах газет и журналов того времени в траурных рамках появились портреты Яна Фрицевича Фабрициуса, выражалась глубокая скорбь советского народа, потерявшего одного из своих самых верных и любимых сыновей.

¹ Газета «Правда» — «Результаты расследования сочинской аварии», № 235 (4369), от 11 октября 1929 г.

В Центральном органе Коммунистической партии газете «Правда» были напечатаны сообщения:

«ЦК и ЦКК ВКП(б) извещают о безвременной трагической смерти члена ЦКК ВКП(б) тов. Я. Ф. Фабрициуса, одного из старейших и преданнейших делу рабочего класса коммунистов, героя гражданской войны».

«Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР с глубокой скорбью извещает о трагической смерти кандидата в члены ЦИКа Союза ССР V созыва тов. Фабрициуса Яна Фрицевича».

От Черного моря до Ледовитого океана пронеслась печальная весть. В Якутском крае и Дальневосточной тайге старики-охотники вспоминали о том, как ссыльный большевик Ян Фабрициус ходил с ними за белой и медведем и рассказывал о том чудесном дне, когда в краю неуганнных птиц загорятся электрические огни и якуты, орочены, эвенки, чукчи, камчадалы из черных юрт и чумов перейдут в просторные, светлые каменные дома. Он показал им путь к новой жизни и счастью.

Красногвардейцы Ленинграда выдели в суровые дни гражданской войны Яна Фабрициуса под Псковом, Гдовом, Лугой, на взорванном льду под Кронштадтом. И душевная боль звучит в их телеграмме на имя ЦИКа и Реввоенсовета Союза:

«Трагическая гибель славного героя-краснознаменца тов. Фабрициуса глубоко потрясла всех ленинградских рабочих, хорошо знавших его полную боевых подвигов жизнь. Президиум Областного Исполкома и Ленинградского Совета шлет пролетарское соболезнование ЦИКу и Реввоенсовету СССР, потерявшим в лице тов. Фабрициуса одного из тех, кто всегда был

первым в рядах борцов за дело рабочего класса. Прошедший им героический путь бойца и строителя будет всегда служить примером пролетариату и его Красной Армии в грядущих боях за торжество социализма».

Помнит Украина комбрига 48. В телеграмме ВУЦИКа говорится:

«Погиб Ян Фрицевич Фабрициус. Единственным утешением в этой печальной и преждевременной смерти для рабочих и крестьян будет уверенность в том, что его подвиги останутся руководящим примером для всей Красной Армии и трудящихся СССР в их грядущих боях с врагами пролетариата».

В Витебске, в школе, молодая учительница говорила детям:

— В его груди билось благородное сердце. Я расскажу вам, ребята, как он помог одной деревенской девушке-батрачке. Она очень хотела учиться, но в разверстку окружного комитета комсомола не попала, а жить без стипендии в городе в то время было невозможно. Узнав об этом, Ян Фрицевич ежемесячно из своего жалования высылал ей деньги. А она его не видела и в глаза. Кончила институт и стала учительницей.

Она идет к доске и торопливо вытирает лицо платком. А ребята не видят ее слез и не догадываются, что она и есть та самая батрачка, которой помогал Фабрициус.

Герои, отдавшие жизнь за свободу Родины, за счастье народа — бессмертны. Революционный Военный Совет СССР принял постановление:

«2 сентября Красная Армия, трудящиеся СССР хоронят славного, испытанного в боях, одного из

храбрейших бойцов РККА, награжденного четырьмя орденами Красного Знамени, помощника Командующего Кавказской Краснознаменной Армией Яна Фрицевича Фабрициуса.

Вся жизнь этого преданнейшего делу пролетарской революции командира, вся его боевая работа являются образцом для каждого красноармейца, для каждого командира и политработника рабоче-крестьянской Красной Армии.

Реввоенсовет СССР в память о подвигах и беззаветной службе тов. Фабрициуса делу рабочего класса постановил переименовать 96-ю стрелковую Винницкую дивизию, входящую в состав 17-го корпуса, которым командовал тов. Фабрициус, в «96-ю стрелковую Винницкую дивизию имени тов. Фабрициуса».

Реввоенсовет СССР выражает твердую уверенность, что дивизия сумеет оправдать свое новое почетное революционное наименование.

Пусть в дни, когда делаются новые попытки нападения на границы Советского Союза, имя тов. Фабрициуса напоминает каждому красноармейцу, каждому командиру о большевистской непримиримости к врагам пролетарской революции, о беззаветном служении делу победы социализма, которому была отдана вся жизнь Яна Фабрициуса».

96-я стрелковая Винницкая дивизия имени Фабрициуса оправдала свое почетное наименование. Она участвовала в историческом освободительном походе в Западную Украину в 1939 году. В годы Великой Отечественной войны дивизия имени Фабрициуса прошла славный боевой путь и по приказу Верховного Главнокомандующего товарища Сталина была переименована в гвардейскую. На древке знамени дивизии

Почетный караул у гроба выдающегося полководца Красной Армии Я. Ф. Фабрициуса, 1 сентября 1929 года, г. Тифлис.

горят четыре боевых ордена — награды Родины за образцовое выполнение боевых заданий на фронтах борьбы с фашистскими захватчиками. Многим офицерам и солдатам было присвоено звание Героя Советского Союза, тысячи воинов награждены орденами и медалями.

... Наступил день похорон. Трудящиеся города Тифлиса и Краснознаменная Кавказская армия совместно с военными делегациями от всех округов Красной Армии собрались, чтобы отдать последние почести Яну Фрицевичу Фабрициусу. По всему пути следования похоронной процессии — от сада Коммунаров, вдоль проспекта Руставели, на площади Свободы, вниз к подъему Каляева и оттуда по Кахетин-

ской улице до самого Навтлуга — строгими шпалерами встали войска тифлисского гарнизона и братских республик. Между ними расположились со знаменами и оркестрами рабочие делегации и пионерские отряды.

В 2 часа дня члены правительства и революционного военного совета под звуки траурного марша, исполняемого многочисленными оркестрами, установили гроб на орудийный лафет. Процессия медленно двинулась вперед. На Кахетинской площади она была встречена рабочими арсенала, завода имени 26-ти бакинских комиссаров и других предприятий столицы Грузии, пришедшими проститься с героем-большевиком. Здесь у сооруженной трибуны был проведен короткий траурный митинг.

Затем процессия вновь двинулась вперед. К ней все время примыкали новые группы людей. Более чем на три километра растянулась колонна провожающих останки погибшего полководца.

Мысли и чувства присутствующих на траурном митинге хорошо выразил старый большевик, заместитель Председателя Президиума ЦИКА СССР Григорий Иванович Петровский. Он сказал:

— Сегодня мы — рабочие, крестьяне и красноармейцы — пришли сказать последнее «прости» одному из выдающихся бойцов пролетарской революции, герою гражданской войны, с беззаветной храбростью борющемуся за идеалы коммунизма и торжество международной солидарности трудящихся масс всего мира. Нелепый случай вырвал из наших рядов того, кто прошел сквозь огонь гражданской войны, неоднократно рисковал своей жизнью в схватке с классовыми врагами. Батрак, прошедший суровую школу царского режима, каторги, ссылки и жесточайшей эксплуатации, он принадлежал к тем, кто, раз вступив в ряды

славной большевистской партии, никогда до конца своей жизни не изменяет ее знамени, остается верной, лучшей ее опорой.

Являвший примеры невиданной храбрости, лучшим доказательством чего является награждение его четырьмя орденами Красного Знамени, он погиб именно тогда, когда над нашей страной вновь собираются тучи, когда капиталистические страны, стремясь обезвредить свой тыл, точат оружие против СССР. В этот момент товарищ Фабрициус был нам нужен как никогда.

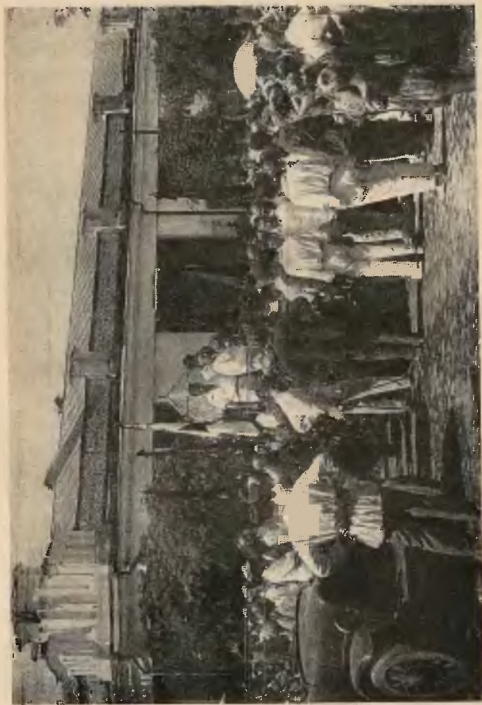
Но мы уверены, что Красная Армия, гордившаяся товарищем Фабрициусом, сумеет воспитать новые силы, новых бойцов, достойных заменить уходящих вождей.

... Как бы ни велика была утрата, партия сумеет найти новые силы в среде рабочего класса, батрачества, бедноты, она сумеет призвать их к боям, зажечь их тем энтузиазмом, которым горел всю свою жизнь товарищ Фабрициус в борьбе за торжество интересов того класса, к которому он принадлежал. Героические подвиги его будут примером для всех, они пробудят к беззаветной борьбе за коммунизм миллионные массы пролетариев, батраков и трудовых крестьян...

Выступали члены правительства Закавказской федерации, командиры, рабочие, красноармейцы, обещая служить Родине так, как служил Ян Фрицевич Фабрициус.

Гроб с телом Фабрициуса был опущен в могилу под троекратный салют из винтовок и орудий и под звуки траурного марша.

Накануне похорон Я. Ф. Фабрициуса группа командиров и политработников, отдыхающих в санатории «Кавказская Ривьера», обратилась ко всему личному

Председатель ВУЦИКа, старый большевик Г. И. Петровский провозносит речь над гробом Я. Ф. Фабрициуса (август 1929 года).

составу Красной Армии с призывом: «Построим эскадрилью самолетов имени Яна Фабрициуса» С таким же патриотическим предложением выступили трудящиеся Киева, Минска, Ленинска-Канска.

Именем Яна Фабрициуса назван санаторий, в котором он лечился накануне гибели, а также колхозы, предприятия, улицы, школы, пароходы.

Организованный Фабрициусом в феврале 1918 года 1-й Революционный Гдовский полк на полях сражений завоевал высокую честь. На вечерней поверке старшина 1-й роты громко и торжественно произносит:

— Почетный солдат Ян Фрицевич Фабрициус!

Все стоящие в строю невольно поворачивают головы к правофланговому. Молодцеватый, стройный гвардеец звонко и гордо отвечает:

— Погиб при выполнении служебного долга!

В клубе полка над картой походов висит портрет Яна Фабрициуса. Молодых воинов, только что принявших присягу, ветераны полка знакомят с героической жизнью первого командира полка Яна Фрицевича Фабрициуса. Гвардейцы стремятся выполнять свой воинский долг так же самоотверженно и честно, как выполнял старый коммунист, герой гражданской войны, первый красноснамец.

В день гибели Яна Фабрициуса старые латышские стрелки дали клятву:

«Мы приложим все силы к тому, чтобы в будущих боях заменить его — незаменимого...»

Герои сдержали свое слово. В дни Великой Отечественной войны боевые друзья Фабрициуса вели дорогой доблести и отзаги стрелков прославленных гвардейской дивизии и корпуса к победе. Пять латышских стрелков отмечены высшим знаком боевого

Я. Ф. Фабрициус. Скульптура Марты Ланге, 1952 г.

отличия — Золотыми Звездами Героев Советского Союза, тысячи награждены орденами и медалями.

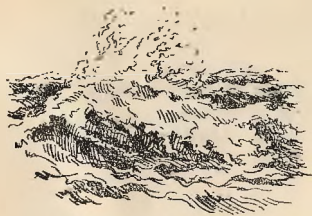
Сбылась светлая мечта Яна Фабрициуса. Его родина Латвия стала Советской Социалистической Республикой. Там, где когда-то проливали слезы и пот батраки барона Бера, ныне трудятся колхозники сельскохозяйственной артели имени Яна Фабрициуса.

Именем верного сына латышского народа Яна Фрицевича Фабрициуса в городе Вентспилсе названа школа, в которой он когда-то учился.

На одной из главных улиц города, также названной именем славного героя гражданской войны, возвышается высокий гранитный памятник. В походной шинели и буденновке стоит полководец и военный комиссар Ян Фабрициус и зорко смотрит на родное Балтийское море, на священный рубеж своего дорогого Отечества. Он вернулся на свободную Родину бессменным ее часовым.

На мраморном пьедестале золотом горят слова Маршала Советского Союза Климента Ефремовича Ворошилова:

«Необходимо учиться и научиться обязательно жить, бороться за наше дело так, как жил и боролся наш верный друг и соратник товарищ Фабрициус»

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
НАЧАЛО БИОГРАФИИ	7
ШКОЛА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ	23
ЛАТЫШСКИЕ СТРЕЛКИ — СОЛДАТЫ РЕВО- ЛЮЦИИ	49
ВОЕННЫЙ КОМИССАР	71
ЗА СОВЕТСКУЮ ЛАТВИЮ	96
НА ЛИНИИ ОГНЯ	115
НАЧАЛЬНИК УКРЕПЛЕННОГО РАЙОНА	131
КОМБИРГ	142
НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ	160
48-Я БРИГАДА — ЩИТ АРМИИ	175
ПЕРВЫЙ КРАСНОЗНАМЕНЕЦ	186
СЧАСТЬЕ В СЛУЖЕНИИ НАРОДУ	202
КОМАНДИР КОРПУСА	216
ВЕРНЫЙ СЫН ПАРТИИ	239
БЕССМЕННЫЙ ЧАСОВОЙ	258

Н. Кондратьев
Ян Фабрицус

Редактор И. Плотке. Художественный редактор
В. Ковалев. Оформление художника М. Озолина.
Технический редактор М. Айзуните. Корректор
М. Ложникова.

Сдана в набор 28 мая 1954 г. Подписана к печати
6 июля 1954 г. Формат бумаги 84×108¹/₂, 9,69 физ.
печ. л.; 15,89 усл. печ. л.; 11,96 уч. изд. л. Тираж
10 000 экз. ЯТ 01220. Цена 6 руб.

ЛАТВИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
г. Рига, Бульвар Паломья № 24. Изд. № 6748-МР 485.
Отпечатано в типографии № 1 «Цинья» ЛРТП, г. Рига,
ул. Блаумана № 33/40, Заказ № 6717.

ЯН ФАБРИЦІУС

